71:04-7/23-7

Московский военный институт
Федеральной пограничной службы Российской Федерации

На правах рукописи

КЛЕМАНТОВИЧ Сергей Петрович

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ВКП(б) И СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920 – 1930-е гг.: ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Президиум ВАК России
(решение от "19" 12. 2003 г. № 489/24
присудил ученую степень ДОКТОРА
исторических наук
Начальник управления ВАК России

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор Шилов А.И.

Военно-Ученый Архив
https://warlib.site
https://t.me/warlib_site

Москва 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3 - 22
Раздел I.	Научные основы исследования военной политики советского государства в 20-е – 30-е гг.	23 - 70
Раздел II.	Особенности геополитического положения СССР в 20 - 30-е гг.	71 - 112
Раздел III.	Разработка военной доктрины советского государства в 20-е –30-е гг.	113 - 155
Раздел IV.	Формирование основ советского военно-промышленного комплекса в 20-е - 30-е гг.	156 - 200
Раздел V.	Военно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными государствами	201 - 237
Раздел VI.	Развитие Вооруженных Сил и подготовка Красной Армии к войне	238 - 278
Раздел VII.	Политико-массовая работа партийных, государственных органов и общественных организаций по военной подготовке населения в 20-е - 30-е гг.	279 - 320
	Заключение	321 – 333
	Список источников и литературы	334 - 356

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Введение

Происходящие в настоящее время изменения в России, в обществе и науке позволяют по-новому взглянуть на многие важные вопросы и события прошлого. В переломные эпохи обществу особенно свойственно в поисках ответов на поставленные жизнью вопросы обращаться к истории. Необходимы спокойные, взвешенные исследования, лишенные идеологической заданности и претензии на научную истинность, объективное, в то же время критическое освещение событий и фактов.

Огромную роль в выработке политических стратегий ведущих государств мира сыграли десятилетия между первой и второй мировыми войнами. Внутренняя и внешняя политика СССР в этот период и военная политика как ее важнейшая составляющая стала мощным фактором международной жизни, во многом предопределив ее содержание на десятилетия вперед.

Пройденный в 1920-е - 1930-е гг. путь был наполнен масштабными событиями революционного характера; свершавшиеся на нем перемены были радикальны, глубинны, крупномасштабны во всех областях и сферах развития. События всемирно исторического значения, давно ставшие историей и получившие, казалось бы, определенную, однозначную оценку, вновь выплывают на поверхность политического и научного интереса. Современные политики и историки вновь обращаются к прошлым темам и этапам истории, отбирая и фильтруя, через современное историческое знание или политические позиции те же фазы, события, процессы. Историки и историографы, не свободные от влияния политиков, стремятся обеспечить научное свободное развитие, без фальсификаций и осознанных искажений. Однако острые споры по ключевым вопросам истории, прочно завязанным на современную политику, как показывает практика, неизбежны.

Годовщины окончания второй мировой войны в 1995 и 2000 гг. и то, как они отмечались в разных странах, со всей очевидностью показали,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

выражаясь словами Ю.А. Полякова, как «практически незаметно нормальный фотоснимок был подменен негативом»[1]. Со времен «холодной войны» западные историки, опуская одни факты, выпячивая другие, стали преуменьшать роль СССР в победе над фашизмом. Голоса отдельных честных и объективных ученых терялись в океане ангажированных оценок и идей о преувеличенной роли своих стран во второй мировой войне. Это повсеместное в западной историографии отступление от исторической истины, все более с помощью средств массовой информации проникает в обыденное, массовое сознание и российских граждан, прежде всего, молодого возраста.

В современных российских средствах массовой информации происходит по существу заглушение исторической памяти, ставшей объектом манипулирования. Огромные пласты русской истории или никак не представлены в СМИ вообще, или искажены до противоположности. Это обязывает отечественную историческую науку дать убедительнее, обоснованные ответы на многие узловые вопросы, касающиеся подготовки, начала, хода и итогов второй мировой войны. Этого обусловлено не только целями и интересами исторической науки, но и необходимостью поддержания устойчивого национального самосознания, психического здоровья и энергии нации.

Актуальность исследования отечественной военной политики в период между двумя мировыми войнами определяется и тем, что с распадом биполярного мира современное развитие идет стремительно и противоречиво. Это заставляет искать новые пути и способы нейтрализации и устранения источников новых угроз, новые способы и формы обеспечения безопасности государств. Становится очевидным понимание бесперспективности наращивания гонки ядерных вооружений, решения политических задач методом ядерной войны. В условиях, когда происходит

[1]Поляков Ю.А. Почему история нас не учит? // Вопросы истории. 2001. №2. С. 23.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

качественное изменение боевой мощи вооруженных сил, возрастает роль личностного и психологического факторов. Наряду с силовыми приемами и методами возрастает роль несиловых, способных обеспечить безопасность страны или нейтрализовать источники угрозы.

Изучение и использование опыта прошлого, как положительного, так и отрицательного, является, по сути, поиском ответов на поставленные ныне самой жизнью вопросы. В поисках ответа о причинах падения России в конце XX столетия внимание историка сосредотачивается на изучении советского периода, выделяя из множества событий те из них, которые как спрятанная мина готовили взрыв через много десятилетий. Никогда еще для России не было так важно опереться на собственный исторический опыт, извлечь уроки из прошлого. Это в первую очередь относится к проблеме войны и мира, выработке концепции национальной безопасности и военной политики, которые должны соответствовать духу российского менталитета.

Отечественная концепция национальной безопасности складывалась столетиями под реальным влиянием географических, исторических, социопсихологических и других условий. Эти условия менялись, но без их учета выработать цельную и эффективную военную политику государства было немыслимо. Российской особенностью являлись среди прочих восприятие армии в общественном сознании как национальной спасительницы и гордости, поэтому государственные права и льготы для военнослужащих воспринимались как естественное вознаграждение за службу, а служба в Российских Вооруженных Силах рассматривалась как священный долг перед Отечеством.

Военно-исторический опыт России, включая и советский период ее истории, не может быть отвергнут в условиях современного реформирования Вооруженных Сил и всей оборонной системы в столь сложной ситуации в стране и мире, что требует максимально взвешенного и научно обоснованного подхода. Осмысление исторического опыта

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

межвоенного периода 20 - 30-х гг. XX в. помогает в процессе определения военно-политических и стратегических задач, выработки системы коллективной безопасности. Россия, СССР накопили богатейший опыт разрешения огромного комплекса вопросов строительства отечественных вооруженных сил. Этот бесценный опыт нуждается в тщательнейшем изучении и учете для решения насущных сегодняшних задач. Главнейший урок, извлеченный из отечественной военной истории в интересах обеспечения военной безопасности РФ, заключается в том, что наиболее рациональным и испытанным способом приведения отставшей в своем развитии армии в соответствие с велением времени является решительная и радикальная военная реформа.

История отечественной армии отмечена многими военными реформами, но две из них были особенно глубокими. Первая – петровская реформа, положившая начало постоянной регулярной русской армии (менялся строй, менялись и вооруженные силы). Вторая – реформа, осуществленная в первые годы советской власти, в результате которой была создана Красная армия. Исторический опыт России, в том числе советской, учит, что безопасность тем надежнее, чем органичнее взаимопроникновение экономических, социальных, политических, военных и иных интересов общества, государств и личности.

Исследование создания в короткие исторические сроки и функционирования сложного комплекса военно-политического, стратегического, экономического, дипломатического и научно-технического направлений обеспечения национальной безопасности страны проводится впервые. Опираясь на общие принципы выработки российской военной политики, которые, обладая определенной устойчивостью, так или иначе проявлялись на всех стадиях развития Российского государства, мы исследуем особенности новой геополитической картины мира в период между двумя мировыми войнами, объективную необходимость для СССР

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

опираться в своем развитии прежде всего на собственные национальные силы. Это – главная особенность военной политики советского периода.

Советская военная политика не формировалась изолированно от общего процесса в мире и оказывала в свою очередь обратное влияние на политику других стран. Ее основные принципы, категории, положения, установки и требования, имея глубокие национальные и исторические корни, были тесно связаны с военной политикой других государств, учитывали ее содержание и направленность. Советским руководством рассматривалась необходимость поочередной нейтрализации угроз с запада, востока и юга посредством решительности действий, сочетания обороны и наступления. Военная политика советского государства оказывала решающее влияние на военную стратегию, определяя ее цели, задачи, характер и общую направленность. Можно утверждать, что ошибки и просчеты начального периода Великой Отечественной войны в значительной степени явились результатом процессов довоенной стратегической доктрины и военной политики в целом.

Изучение проблемы выявило многогранное и разностороннее взаимное влияние военной политики и экономики.[2] Экономические возможности, материальные ресурсы государства в огромной мере определяют содержание, направленность военной политики. В то же время руководство советской страны при принятии экономических решений не могло так или иначе не считаться с требованиями возможной войны. Размещение промышленности, направленное развитие производства и науки, разработка новых технологий, создание запасов материальных

[2] Система управления экономикой 30-х годов. Сборник статей. М., 1990; Голанд Ю. М. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; Формирование административно-командной системы. 20-30-е годы. Под ред. В. П. Дмитренко. М., 1992; Мау В. А. Реформы и догмы. 1914-1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993; Нэп: приобретения и потери. Под ред. В. П. Дмитренко. М., 1994; Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994; Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-х гг. М., 1994; Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1995; Российская повседневность 1921-1941. Новые подходы. СПб., 1995; Рынок и реформы в России: Исторические и теоретические предпосылки. М., 1995; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; и др.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

средств и, в конечном итоге, готовность экономики к перестройке на военный лад – все это в решающей мере было подчинено потребностям СССР на случай военных действий. Это касается и развития трудовых и материальных ресурсов, финансовой системы страны и т.д. На укрепление Вооруженных Сил СССР, боевой мощи страны была направлена и культурно-идеологическая политика партии, государства, во многом определявшая формы и содержание морально-духовной жизни народа.

Новыми в диссертационной работе является и изучение исторических материалов, раскрывающих невиданно решительный и бескомпромиссный характер будущего военного столкновения Советского Союза и фашистской Германии. Каждая из стран придерживалась своей военной политики. Но документы и материалы обнаруживают высокую степень взаимосвязи и взаимообусловленности двух политических курсов будущих противников в глобальной войне.

На наш взгляд, военную политику советского руководства в исследуемый период неправомерно рассматривать как разрыв в истории российской военной политики. Несмотря на то, что старая военная система была в значительной мере сломана, по существу это была особая стадия её развития. Базируясь на принципиально иной идеологической и политической основе, она не утратила важнейших национальных черт, в ней учитывались особенности географического и политического положения России. В этот период выросло новое поколение военачальников, воспитанных на идеях советского общества, сформировались новые принципы военной стратегии, во многом сохраняющие свою силу и в настоящее время.

Нельзя не учитывать то обстоятельство, что возникшая угроза будущей войны в значительной степени консолидировала общество, во многом нивелировав идеологическую разобщенность. В военную сферу вовлекались все новые и новые слои советского общества. Обеспечение

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военной безопасности страны становилось профессиональным делом миллионов советских людей, огромного числа трудовых коллективов города и села. Система образования и воспитания молодежи все более становилась милитаризованной. Этому делу партийные и государственные органы всех уровней уделяли на протяжении всего периода, в особенности во второй половине 30-х гг., неуклонно возрастающее внимание. В частности, деятельность оборонных обществ, значение которой в решении общей задачи подготовки страны к войне трудно переоценить, получала неизменную и энергичную поддержку властей.

Изучение того позитивного и прогрессивного, что было накоплено и апробировано в эти десятилетия, с целью сохранения его является серьезной научной проблемой, которая и определила содержание данного диссертационного исследования.

Исторический опыт человечества, России в том числе, многократно показал, что в военной политике отражаются коренные социально-экономические интересы социальных групп. Военная проблема, затрагивающая интересы классов и социальных групп, государственную власть, не может не приобрести политического характера. Вместе с тем историей доказано, что военная политика обладает относительной самостоятельностью, она оказывает сильное влияние на экономику и другие сферы жизни общества. Недооценка активных военно-политических действий обычно ведет к усилению стихийных процессов и пассивному выжиданию. В то же время недооценка требований и возможностей экономики нередко оборачивается субъективизмом, произволом, а порой и авантюризмом в реализации военной политики, в её диктат над другими общественными сферами, решающим образом влияя на фактическую судьбу миллионов людей.

Военная политика СССР в 20-е – 30-е гг. является объектом научного исследования в значительной степени потому, что осуществляемая, по сути,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в экстремальных условиях, она является наглядной иллюстрацией сказанного выше. Поставив своими целями достижение в краткие исторические сроки военно-стратегического паритета с западноевропейскими странами и Германией прежде всего, подготовку страны к казавшейся неизбежной войне, советское руководство постепенно в рамках общего баланса социально-экономических сфер народного хозяйства начало все более и более отдавать преимущество военной сфере, мерить достижения экономики по военно-техническим признакам, выделять военную политику как первоочередную и основополагающую.

Научное изучение проблемы предвоенного развития советского государства имеет большое значение в развитии международных отношений. Точный, на наш взгляд, термин употребил академик С.Л. Тихвинский: «Создание образа народов – вот во что, по сути, выливается изучение истории взаимосвязи и взаимодействия стран в такой сложный период»[3]. В условиях глобализации мирового сообщества проблема исторического сознания, социальной памяти только национального уровня поднимается до уровня международного. Неточное использование терминов, отсутствие общего научного подхода к изучению проблемы или хронологического периода, занижение объективных критериев исторической науки и т.д. формируют в мировой научной среде и у широкой общественности искаженные представления о таких узловых российских сюжетах, как события 1917 г., советское общество в 20-е - 40-е г, СССР в годы второй мировой войны, СССР в годы «холодной войны», советское общество 50 - 60-х гг., причины, результаты и последствия распад СССР и история постсоветской России. Даже малейшая неточность перевода с одного языка на другой вносит свой вклад в формирование образа народа и страны. Можно привести в качестве примера сделанное на XIX Международном конгрессе исторических наук в Осло замечания С.Л.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Тихвинским. Голландский историк И. Блом ссылался на слова Сталина о том, что СССР, если понадобится, восстановит границы своего государства «с помощью силы». В действительности же, заметил Тихвинский, Сталин говорил об обеспечении силой «безопасности советских границ»[4]. Новые подходы российских ученых к истории предвоенного периода и второй мировой войны, ставшие возможными в результате накопления огромного фактического (главным образом архивного) материала в российской историографии, ранее не известного или мало известного европейским историкам позволяют изменить представления о политических лидерах мирового сообщества, о специфической ситуации предвоенного периода, выверить оценку конкретных деятелей того времени в соответствии с логикой развития событий.

Проблема военной политики вышла за пределы военной сферы, где она пребывала длительное время, и прочно вошла в мировую политику, стала одним из важнейших ее элементов, а в деятельности народов, партий, государств – одним из обязательных условий обеспечения мира и безопасности развивающейся цивилизации. И современная военная политика более в чем в предыдущие периоды призвана стабилизировать такое состояние межгосударственных отношений, которое сохраняется под воздействием факторов, способных нарушить мир, создать напряженность в отношениях между странами или резко обострить международную обстановку, привести к войне. Изменились ее характер, параметры, закономерности развития. Россия переживает исторический момент, когда происходит смена одной модели стабильности другой, контуры которой явно еще не обозначились. Исторический опыт и его уроки будут играть здесь большое значение. Известно, что стратегическая стабильность в отдельных регионах, а тем более в мире в целом была лишь временным

[3] Тихвинский С.Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло// Новая и новейшая история. 2001. №1. С.17
[4] Там же. С. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

состоянием. За последние пять с половиной тысяч лет на нашей планете общий мир для народов царил всего 292 года. Войны выступали непременным спутником межгосударственных отношений.

История убедительно показывает, как в результате военной политики происходит изменение в военном балансе региональных и мировых сил, которое, в свою очередь, способствует усилению неравномерности экономического, политического и военного развития крупнейших держав мира. Два десятилетия, разделяющие первую и вторую мировые войны, стали особенно нестабильным в стратегическом отношении. Обострилось соперничество великих держав, мировые коалиции усилили противоборство за предел мира, колоний, сфер влияния и приложения капитала. Это соперничество стимулировало возникновение серии локальных войн, что свидетельствовало о наличии в Европе взрывоопасной обстановки. Актуальное значение имеет исследование исторического процесса, когда проявление в Европе агрессивных государств в лице нацистской Германии и фашистской Италии, а в Азии – милитаристской Японии, образование затем фашистского агрессивного блока (тройственного Берлинского пакта) окончательно разрушило непрочную структуру стратегической стабильности, лишило народы мира надежд на обеспечение своей безопасности; национальная безопасность государств была поставлена под угрозу. Важно исследовать, почему ответные попытки неагрессивных государств создать систему коллективной безопасности успеха не имели, хотя и Советский Союз, и некоторые другие государства отдали этому немало сил. Опыт борьбы с агрессором и победы над ними не только подтвердил историческую правомерность идеи коллективной безопасности как средства предотвращения военной опасности и угрозы, но и значительно обогатил ее, выявил роль военной политики в создании новых форм безопасности и стабильности. Важную роль в этом сыграл и ядерный фактор, вошедший в мировую политику в конце войны.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Мировой опыт, участие России в оборонительных и наступательных войнах, вооруженных столкновениях и конфликтах позволяют проследить тенденцию совершенствования и усложнения военной стратегии, укрепления ее взаимосвязи с политикой, дипломатией, экономикой, идеологией. Достижение победы в Великой Отечественной войне зависело напрямую от целенаправленного решения всего комплекса военно-политических, стратегических, экономических, дипломатических и научно-технических задач. Особое значение приобретает в этот период задача выработки рациональной военной политики, адекватной конкретно-исторической обстановке, и вытекающим из нее политическим целям, строго соответствующей реальным экономическим и военным возможностям страны. Необходимо было выбрать четкие ориентиры при создании и совершенствовании военной организации государства, разработке его военной доктрины, формировании и осуществлении национальной военной стратегии.

Известно, что военная стратегия, влияя на политику, вынуждала нередко политиков считаться со стратегическими замыслами и в соответствии с ними менять или корректировать политические цели и способы их достижения. Военный фактор на какое-то время выступал на первый план, подталкивал к принятию определенных политических решений.

Как свидетельствует исторический опыт, экономическая составляющая занимает важнейшее место при развязывании большинства войн, определяя их характер, силы, средства и способы ведения, ведь от данного фактора, материальных ресурсов государства зависят ход и исход войны, состояние вооруженных сил. При выработке и реализации военной политики так или иначе приходилось учитывать требования возможной войны. Стратегические соображения определяли географию размещения промышленности, направления развития производства и науки, влияли на

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

разработку и внедрение новых технологий, создание запасов материальных средств. Накануне и с началом войны экономика полностью перестраивается на военный лад: осуществляется мобилизация промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, изменяется структура производства, перераспределяются трудовые и материальные ресурсы, перестраивается финансовая система государства. Все это служит предпосылками успешной реализации принципов стратегии не только в крупномасштабной, но и в локальной войне.

Обязательного изучения требует проблема о взаимовлиянии военной стратегии и других сфер жизнедеятельности государства: дипломатической, идеологической, научно-технической. В отечественной исторической науке, особенно военной, идет процесс постоянного накопления военно-теоретического знания, трактующего самобытность и уникальность отечественной военной стратегии. Однако надо признать, что процесс этот не всегда протекал гладко и прогрессивно. Бывали периоды застоя, отхода от традиционных путей, резкого отката назад. Известны случаи, когда накануне и в ходе больших войн допускались крупные стратегические просчеты. Это приводило к временным неудачам, а иногда и к тяжелым поражениям.

Изучение военной политики советского правительства в 20-е - 30-е гг. имеет большое научное и практическое значение, поскольку помогает успешно решать задачи обеспечения безопасности государства, укрепления его обороноспособности.

Целью диссертационного исследования является анализ политики и практической деятельности советского государства, осуществлявшихся в военной сфере на основных этапах исследуемого периода в истории страны с выделением этих этапов и определением их специфики.

Поставленная цель научной работы реализуется посредством решения следующих **основных задач:**

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

- проследить динамику и этапы развития военно-политической деятельности советского руководства в 20-е гг.;
- оценить предпосылки и основные направления развития военной политики в ходе реализации военной реформы 1924 г.;
- показать содержание военной доктрины и военно-стратегических установок советского политического и военного руководства на разных этапах исследуемого периода, характер их эволюции и практическое влияние на другие аспекты военной политики в стране;
- раскрыть характер и формы военно-политического сотрудничества СССР с зарубежными странами в 20 - 30-е гг.;
- показать причины и характер милитаризации советской индустрии в годы первых пятилеток, деформацию социально-духовной сферы в обществе;
- рассмотреть формы и направления мобилизационно-массовой работы органов партии и государства, роль оборонных обществ в военной подготовке населения;
- оценить качественные изменения в военно-политическом курсе сталинского руководства в начальный период второй мировой войны.

Предметом исследования является целенаправленная политика и практическая деятельность советского государства в 20 - 30-е гг. по созданию и развитию системы сил и средств ведения будущей войны.

Объектом исследования являются военно-стратегические, экономические, дипломатические аспекты военной политики советского государства, которая проводилась в 20 - 30-е гг., практические действия по координации действий государственных органов и всех видов вооруженных сил.

Хронологические рамки исследования определяются тем, что по многим показателям система власти в 20 - 30-е гг. претерпевала

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

существенные изменения. Была уничтожена серьезная оппозиция, происходило сращивание партийного и государственного аппарата, формирование и окончательное утверждение режима личной власти Сталина. Происходили изменения форм собственности и видов экономики (от рыночной к плановой). Начиная с 1928 г. экономика в промышленности регулировалась пятилетними планами и до второй половины пятидесятых годов носила практически полностью централизованный характер. В середине 20-х гг. произошла определенная смена позиций в правящих кругах страны в вопросах государственного строительства, в частности, в теоретическом и практическом решении такой сложной задачи, как реализация идеи единого государства в многонациональной стране, что предусматривало и разработку вопросов защиты такого государства от агрессора в неизбежной будущей войне.

Актуальность такого комплексного исследования проблемы связана прежде всего с острейшей необходимостью выработки программы обеспечения национальной безопасности современной России, которая основывалась бы на более слитном, чем прежде, комплексе многоплановых политических, дипломатических, экономических, технологических, идеологических, военных и иных мер. Как и раньше, решающее значение среди них имеют средства преимущественно политического характера. Трудно переоценить роль отечественного исторического опыта создания благоприятной для страны внешней и внутренней обстановки, устранения и локализации существующих и потенциальных военных угроз, упрочения международного положения государства. Знание и учет того, как обеспечивались устойчивые геополитические позиции, надежная защита интересов России от посягательств извне, должно стать на современном историческом этапе неотъемлемой частью разработки национальных военно-политических взглядов и концепций. Необходимо добиваться, чтобы

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

как позитивный, так и негативный опыт десятилетий, а то и столетий становился бесценным национальным историческим достоянием.

Научная новизна исследования проблемы заключается прежде всего в том, что выработка военной политики рассматривается и определяется как строго соответствующая конкретной обстановке 20-х - 30-х гг., ставящая политические цели перед страной и армией, базирующаяся на реальных экономических и военных возможностях государства. В свою очередь, соответственно военной политике создавалась военная организация государства, формировалась военная доктрина, определялась и проводилась научная военная стратегия.

В основе нашего диссертационного исследования лежат фундаментальные принципы исторической науки – историзм и объективность, системный подход к анализу конкретно-исторического материала при комплексном учете накопленного в отечественной и зарубежной историографии исследовательского опыта. Предмет исследования рассматривается как цельное явление, во взаимосвязи своих важнейших характеристик и в общем контексте отечественной и мировой истории. В ходе исследования выявилась необходимость обращения к историко-генетическому методу, дающему возможность последовательно раскрывать свойства, функции и изменения изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей степени приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта.

Мы стремились изучение проблемы отечественной военной политики в 20-30-е гг. перевести на новый качественный уровень, представить данную проблему как часть интеллектуальной истории, когда в рамках осмысления военной политики ключевого периода нашей истории рассматриваются не только профессиональные интересы и методы военной истории, истории внешнеполитических связей и интересов, политической и государственной элиты, истории развития военно-промышленного комплекса страны, но

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

учитываются и важнейшие аспекты других отраслей исторической науки, в том числе получивших развитие в отечественной историографии лишь в недавнее время. В своем исследовании мы стремились соединить изучение истории идей и идеологий, общественной и политической мысли, науки и техники, общественной и частной жизни межвоенного периода отечественной истории.

Военная политика рождалась и развивалась не только в процессе выработки стратегических государственных интересов, столкновения дипломатий и разведок, но и становилась и явилась во многом результатом развития, учета реальных процессов и бескомпромиссной борьбы за власть. Современная историография исследуемой проблемы все более опирается не на какую-то одну научную парадигму, она качественно изменяет свою проблематику, опираясь на осознание неразрывной связи между историей реальных процессов и историей условий и форм интеллектуальной деятельности и интеллектуальных процессов.

В диссертации впервые выдвигается целостная концепция деятельности советского государства, осуществляющейся в 20 - 30 гг. по развитию военно-промышленного комплекса СССР. Данная проблема в таком аспекте впервые становится самостоятельным объектом изучения. Суть предложенной концепции заключается в том, что политика и деятельность советского государства с 1921 г. до начала Великой Отечественной войны была обусловлена военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами, а её специфика в конкретные периоды определялась ситуацией в мире.

Исторические аспекты формирования военной политики советского государства в межвоенный период 20 - 30-х гг. впервые берутся в качестве предмета специального научного исследования. Такой комплекс вопросов, определенных задачами исследования, изучается в виде докторской диссертации впервые. Анализируя и сравнивая различные концепции,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

определявшие историографическую картину исследуемого периода, автор сосредоточил особое внимание на исследовании политико-идеологических и международных проблем в свете новых тенденций в отечественной и мировой историографии, ввел в научный оборот значительное количество новых источников, преимущественно архивных. Мы исследуем историю формирования, развития и реализации военной политики сталинского руководства на фоне глобальных международно-политических процессов, стремясь раскрыть специфику так называемого «советского тоталитаризма». Развитие военной области, форсированная милитаризация экономики в СССР, перевод управления страной на мобилизационные пути и средства отнюдь не полностью определяли сущность, содержание и технологию советской политической системы, что позволяет ставить вопрос о корректности самого термина применительно к СССР предвоенного периода. Рассекречивание большого числа архивных документов, появление целого ряда документальных публикаций, книг и статей по проблеме исследуемого периода позволяют по-новому взглянуть на тему о тоталитаризме и диктатуре, охарактеризовать обстановку 30-х гг. как историю трудового народа.

Впервые предметом исследования на уровне докторской диссертации является проблема «Армия и власть в предвоенный период». Сравнительное ее изучение на материалах различных этапов – после гражданской войны, в годы военной реформы, в условиях научно-технического перевооружения, в условиях локальных войн второй половины 30-х гг. – позволили выявить характерные черты и особенности формирования власти и Красной армии, развития военной политики в связи с этим. Новые документы позволяют ставить вопрос о недопустимости унификации путей развития мира и России, о возможности рассматривать национальный опыт советской России 1930-х годов как часть международного опыта с национальными традициями. Необходимо руководствоваться принципом множественности

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

способов и форм существования обществ, категорически исключая при этом человеконенавистническую идеологию и политику, формы государственной власти фашистского типа.

Исследование процесса выработки военной политики советского руководства осуществлено в соответствии с существованием с 1926 г. распределения основных стран мира по группам: явно враждебные к СССР; могущие примкнуть к антисоветскому фронту; не заинтересованные в войне с Советским Союзом по географическим, экономическим и политическим причинам; дружественные по отношению к СССР[5]. На обширном источниковом материале изучено, как, исходя из военно-политической обстановки и расстановки основных политических сил, военная теория определяла развитие военной политики, предусматривавшей развитие военной опасности со стороны прежде всего западных соседей. Это требовало готовить вооруженные силы, производить все основные оперативно-стратегические расчеты применительно к обстановке на западном театре войны.

Документы показывают, как все более менялось отношение Сталина, а затем и всего его окружения к военным вопросам, становясь все более требовательным.[6] Бесспорную приоритетность приобретали вопросы о развитии разного рода войск, о закупке в европейских странах различного рода военного оборудования, материалов, снаряжения, о взаимных визитах военных делегаций, об учебных походах, об обучении и стажировке советских офицеров в зарубежных военных школах. В то же время, изучение документов выявило постепенное уменьшение внимания предложениям по размещению новых военных заказов в Европе, продаже советского оружия

[5] Будущая война. Военно-теоретический труд. М., 1926.

[6] Сталинское политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1995; Письма во власть. 1917-1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры большевистским вождям. М.: РОССПЭН, 1998.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

за рубеж[7]. На наш взгляд, произошла переориентация советского руководства от идей мировой революции и социального взрыва капиталистического мира изнутри на обеспечение национальной безопасности страны с расчетом на собственные силы.

Анализ новой военной доктрины государства увязан в диссертации с расстановкой государств по отношению к СССР в будущей войне. В качестве важнейших аспектов военной политики рассматриваются информационно-разведывательный и идеологический аспекты.

В диссертационном исследовании выявляются действительные изменения во внешней политике советского руководства в начале 30-х гг., повлекшие за собой и новые подходы к военной политике. В течение десятилетий в исторической литературе основное внимание уделялось преувеличенной трактовке значения чистой дипломатии или различных «тайных миссий». Причиной этого являлись не только идеологические интересы и заказы сверху, но и отсутствие доступа ученых к соответствующим архивам. Современная документальная база позволяет в какой-то мере приблизиться к пониманию доминирующих тенденций в практической деятельности советского руководства по выработке военной политики и обеспечению военно-экономической безопасности страны.[8]

---

[7] Дэвис Р., Хлевнюк О. В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3; Зеленин И. Е. "Революция сверху": завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Davies R.W. Economic Aspects of Stalinism // The Stalin Phenomenon. Ed. by Alec Nove. New York, 1992; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913-1945, Cambridge Un. Press, 1994. Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Ch. 1 (D). The Stalinist administrative economy; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995. Ch. 6. Socialism and the Market.

[8] Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996.; Рябов Г. Е. Формирование и развитие военно-промышленного комплекса СССР в первые годы "холодной войны" (1945 - начало 1950-х гг.). Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1997.; Батюшенко Ю. В. Военная кооперация на территории СССР. 1921-1931 гг. // *Кооперация: страницы истории. М., 1997; История отечественного* судостроения. В 5 т. СПб., 1996; Миронов А.А., Иванникова А. Г., Яковлев В. С. История государственных материальных резервов России. М., 1998;Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войне. 1925-1945. / Грибовский В. Ю., Нарустаев А. А., Черникова И. И. Т. 4, СПб, 1996; Толмачев С.А. Российский военно-промышленный комплекс в мировых интеграционных процессах. Вестник Российского гуманитарно-научного фонда. М., 1997; Фролов В. И. Экономика нефтяного хозяйства. М., 1928; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е годы. Сборник документов / Сост. М.И. Хлустов. М., 1998.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Выяснение обстоятельств и мотивов, побудивших советское руководство отойти от восприятия и интерпретации «капиталистического окружения» как некой монолитной системы империалистических государств, стремящихся стереть с лица земли «первое в мире государство рабочих и крестьян», впервые позволило увидеть во внутренней политике сталинского руководства стремление обеспечить развитие военно-промышленного комплекса и Вооруженных Сил страны с одновременным укреплением социальных основ режима, производительных сил деревни, духовно-нравственных основ общества.

К проблеме формирования и развития военной политики в период 20-х – 30-х гг. имеют прямое отношение и вопросы духовной сферы советского общества. Изменение отношения сталинского руководства, и лично Сталина, к православной вере, к русской культуре и истории русского народа, рассматривается в работе как составная часть стратегических замыслов советского руководства. С этой точки зрения его деятельность в духовно-культурной сфере еще мало изучена.

На сегодняшний день открыто еще очень мало документов, связанных с отношением советского руководства к геополитике как особой теоретической и практической сфере политического курса. Тем не менее, изучать данный аспект проблемы военной политики советского руководства можно и должно. Деятельность советского государства в 20 - 30-е гг. была направлена на срыв планов по расчленению России, которые вынашивались весьма мощными силами в мировой политике. В диссертации практические военные действия 20 - 30-х гг. рассматриваются как геополитическая часть военной политики, исследуются документы, раскрывающие глубинные намерения советского руководства в военной сфере, выясняются причины отсутствия разных вариантов оборонной политики.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел I. Научные основы исследования военной политики советского государства в 20-е – 30-е гг.

На нынешнем этапе исторического развития коренным образом изменились требования к обеспечению безопасности России. Вырабатываются иные подходы к организации обороны страны, а следовательно, и соответствующая национальная военная стратегия. Проблема общей направленности военно-политической стратегии советского руководства при всей ее дискуссионности на протяжении многих десятилетий остается открытой. Позиции историков, изучающих довоенный период, распределяются, на наш взгляд, по трем основным линиям.

Первая ориентируется на доктринальные установки военных уставов РККА. «Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся её на территорию противника»[1]. Вторая группа историков, в основном советского периода 60-х – 80-х гг., увязывала данную проблему с колоссальными жертвами, понесенными армией и всем народом после нападения Германии на СССР. Наступательный характер военно-политической стратегии советского руководства был критически переосмыслен[2]. Наступательные действия Красной Армии рассматривались как ответная мера против развязавшего войну противника. Третья позиция отечественных историков связана с суждением о кардинальном изменении общего оборонительного характера военной доктрины в мае 1941 г.[3] Поскольку советская военная теория исходила из сочетания оборонительной и наступательной стратегии, современная историческая наука сосредоточила

[1] Полевой устав РККА (ПУ-39), проект. М., 1939. С. 9;

[2] См.: Ломов Н. Советская военная доктрина // Военная мысль. 1963. №1. С.19; Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М., 1990. С. 113.

[3] См.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сб. материалов. М., 1995. С. 90, 167.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

внимание на изучении вопросов об истинных намерениях при разработке советской военной политики и создании военной доктрины.

Становление историографии военной политики советского государства в довоенный период относится к 40 - 50-м гг. Проблемы, связанные с этим периодом, для современной исторической науки не новы. Но только в конце XX в. сложились условия для того, чтобы они стали основой формирования новой во многих отношениях парадигмы. Хотя до сих пор ряду исследований присущи некоторая неопределенность и двойственность по основным проблемам советской военной политики тех лет.

Историографические итоги XX в. заключаются, на наш взгляд, в возможности анализировать и сравнивать различные концепции, определявшие историографическую картину на разных этапах. Понятен огромный интерес историков к войнам XX в., второй мировой войне и Великой Отечественной войне. Исследователи нередко связывают эти события с темой о тоталитаризме и диктатуре. Хотя в настоящее время бушует немало споров о сущности тоталитаризма и его типологии, о «советском тоталитаризме», его специфике и отличии от немецкого и итальянского, однако дискуссии не внесли еще большей ясности в проблему[1].

Вопрос об основных положениях и путях реализации советской военной политики 20 - 30-х гг. имеет важное значение для понимания сущности исторического этапа развития страны. Сложность исследования заключается в том, что накануне великой отечественной войны отсутствовал официальный единый документ, формулирующий основные положения военной концепции. Доктринальные установки находили отражение лишь в приказах наркома обороны, в военных уставах и наставлениях.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В формировании и становлении военной политики советского государства конца 20-х и на протяжении 30-х гг. огромную роль сыграли позиции И.В. Сталина. Можно утверждать, что Сталин исходил из идеи о необходимости создания «пролетарской» военной доктрины и развития в связи с этим всех сторон социально-экономической стратегии. Уже на XV конференции ВКП(б) (октябрь-ноябрь 1926 г.), утвердившей освобождение Троцкого от обязанностей члена Политбюро, Сталин собственноручно внес следующие принципиальные предложения в резолюцию «О хозяйственном положении страны и задачах партии»: более высокий темп развития, чем «в условиях капиталистического государства», «решительная борьба за ограничение эксплуататорских стремлений кулачества», «форсировать постановку в нашей стране орудий производства» и т.д.[4] Изучение эволюции взглядов Сталина по вопросам развития советской военной политики позволяет утверждать, что он был убежден в том, что в условиях пролетарского государства, под влиянием рабочего класса, формируется особая идеологическая атмосфера в армии, что пролетарское военное искусство не имеет исторических корней. Обращая внимание на неизбежность войны против СССР, в докладе на XVII съезде ВКП(б) (январь – март 1934 г.), Сталин не усомнился в её результатах: «И пусть не пеняют на нас господа буржуа, если на другой день после такой войны недосчитаются некоторых близких им правительств, ныне благополучно царствующих «милостью божию»[5]. В конце 1936 г. Сталин, подводя итог форсированному строительству социализма, заявил, что советская страна уже имеет налицо все те же «предпосылки, которые в представлении Энгельса должны были создать новый этап в искусстве ведения войны, свойственный социалистическому государству»[6]. Создание достаточного военного

[4] См: Тихвинский С.Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и новейшая история. 2001. №1. С.8

[5] XXVII Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 112.

[6] Красная Звезда. 1938. 15 декабря. С.2.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

потенциала для радикального решения международных проблем стало рассматриваться как первоочередная задача.

Позиция Сталина в данном случае представляет для исследования интерес постольку, поскольку именно с ней в историографии 90-х гг. связывается другая проблема – репрессивная компания в Вооруженных Силах страны, развернувшаяся в 1937-1938 гг. Так, Н.Ю. Кулешова характеризует репрессии в Красной Армии конца 30-х гг. как «навязывание вооруженным силам идеологизированной, основанной на догматически-утрированном классовом подходе и, как следствие, небоеспособной доктрины, ориентированной на решающую роль РККА в развитии мирового революционного процесса»[7].

Использование новых, более тонких приемов исследования, которые вводит в практику интеллектуальная история, позволяет изучать эволюцию мнений и умонастроений активных участников исторических событий по интересующей нас проблеме, проследить интеллектуальную деятельность руководителей страны в историческом контексте. Что имеется в виду? Зарождение основ военной политики – дело сложное и долговременное. Однако почвой этого процесса может быть (и являться) не только прямой, открытый интерес к проблеме профессионала – государственного деятеля, военного и т.д. Мысли о военной безопасности страны, ее внешнеполитическом курсе появляются и отстаиваются и в процессе многообразной интеллектуальной практики конкретного человека. Например, исследуемый в диссертации период был годами острой политической борьбы, которая в исторической науке исследована, вроде бы досконально. Но «мы как-то подзабыли, что в эти годы… политическая борьба в России была тесно связана с борьбой интеллектуальной»[8]. Участники этой борьбы

[7] Кулешова Н.Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной Армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2. С. 70.

[8] Илизаров Б.С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 199.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оперировали отвлеченными философскими идеями и понятиями, терминами, данными из мировой и российской истории. Научная работа была формой политической жизни большевистских вождей. Для многих из них было естественно знать как отечественную и мировую литературную и научную классику, так и несколько европейских языков. Все вожди имели зачастую огромные личные библиотеки и архивы. Можно предположить, сколько мыслей (в том числе и по интересующей нас проблеме) рождалось в процессе общения с отечественной и мировой классикой.

Но если советские политические деятели первого ряда были людьми европейски образованными, то Сталин, с именем которого связана история страны второй половины 20-х - 30-х гг., имел лишь незаконченное духовное образование. Однако он упорно всю свою жизнь восполнял пробелы в образовании, в том числе и через чтение огромного количества научной, документальной, художественной и другой литературы, обильно комментируя прочитанное, письменно фиксируя на полях свои высказывания.

Историки 90-х гг., изучая проблему от опорных точек и прорисовок через штрихи и эскизы, раскрывают становление и воплощение идей. Как складывались взгляды Сталина на проблемы военной политики, военной безопасности страны, стратегию и тактику будущей войны? В определенной мере понять образ мыслей и характер чувств Сталина позволяют интересные работы ряда историков[9].

Так, еще в ссылке за Полярным кругом Сталин прочел монографию француза А. Олара «Политическая история французской революции». Для новых поколений русских революционеров французская революция была если не образцом, то уж во всяком случае «учебным пособием»». Для Сталина тоже. Однако позже он использовал и другие стороны революции –

[9] Илизаров Б.С. Указ. Ст.; Красиков С. Возле вождей. М., 1997; Медведев Ж., Медведев Р. Бумаги Сталина: жизнь после смерти? // Книжное обозрение. Ноябрь 1999; Шарапов Ю. Пятьсот страниц в день... // Московские новости. 1988, 18 сентября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

уроки ее победоносных войн против всей Европы, феномен Наполеона (и Кромвеля), борьбу с «врагами народа», механизм организации массовых психозов. В революции его волновали ожесточенная борьба, гражданские и внешние войны, непримиримое противоборство. Поэтому революционная тема плавно протекала в военную, и наоборот. Об этом же и книга Г.Е. Зиновьева «Война и кризис социализма»: о национальных революциях и национальных войнах, о войнах освободительных и войнах наступательных, захватнических. То, что Сталин потом говорил и писал о войнах справедливых и несправедливых во многом перекликается с мыслями Зиновьева. Сюда же нужно отнести курс лекций талантливейшего историка Н. Лукина (Н. Антонова), уничтоженного в самом конце 30-х гг., «Из истории революционных армий», а также военно-исторические монографии Г. Леера и А. Свечина. Даже изучая такие, казалось бы, специфические издания середины XIX в., как «Артиллерийский журнал», он в первую очередь обращал внимание на статьи по истории войн и истории оружия[10].

Так исследование военной политики через изучение интеллектуальной и духовной жизни конкретного человека или общества в целом, как часть интеллектуальной истории, становится составной частью исторического портретирования целой эпохи, в данном случае, той, которая на десятилетия определила судьбы России и мира.

Оставляя в стороне публицистические работы, посвященные личности И.В. Сталина, отметим, что в последние годы появилось немало серьезных, научных публикаций о периоде в истории России, связанном с именем И.В. Сталина и характеризуемым в этой связи очень часто как «сталинский»[11].

---

[10] Илизаров Б.С. Указ. Соч. С. 197.

[11] Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет. В 4-х кн. М., 1988-1990; Белади Л. Краус Т. Сталин. Пер. с венг. М., 1989; Валединский И.А. Воспоминания о встречах с т. Сталиным И.В. //Источник, 1998, №2; Громов Е. Сталин. Власть и искусство. М., 1998; Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СпБ. 1992; Капица П.Л. Письма о науке. М., 1989; Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1997. №1; Иосиф Сталин в объятьях семьи. Из личного архива. Сб. документов. 1993; Медведев Р.А. Личный архив Сталина – засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2001. №3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Историки получили возможность изучать отечественные и западные источники, документы, публицистические и художественные произведения. Отмечая, что далеко не все в научных работах бесспорно, необходимо признать, что все более раскрывается роль Сталина в жизни Советского государства в сложный и драматический период, какими были 20 - 30-е гг. И хотя эта роль оценивается по-разному, очевидно преобладающее мнение, что имя Сталина неотделимо от развития общества и государства. По мнению А. Орлова научные и околонаучные дискуссии и споры вокруг имени Сталина являются «боями за историю»[12]. Новая российская наука постепенно обретает зрелость, хоть это дается с трудом. «Суд истории необходим и неизбежен; выносится он как исторической памятью народа, так и выводами историков – но главная функция исторического анализа не в том, чтобы судить, а в том, чтобы понять с беспартийных позиций»[13]. В этой связи достойно осмысления высказывание американского историка М. Малиа: «И не раз ещё будет сказано о России словами одного прогрессивного журналиста: «Спасибо, что пробовали»[14].

В исторической литературе 90-х гг. оживилась давняя дискуссия вокруг речи Сталина 5 мая 1941 г. Распространенная на Западе версия речи Сталина, в которой он якобы говорил о своем намерении развязать войну против Германии[15], получила поддержку со стороны ряда российских исследователей[16]. Стремление доказать наличие у Советского Союза «наступательных» замыслов в отношении Германии служило обоснованию старого тезиса о «превентивной войне» гитлеровской Германии против

---

[12] Орлов А. «Суворов» против Сталина или опыт построения антиистории // Россия. XXI. 1993, №8.

[13] Игрицкий Ю.И. Еще раз по поводу «социальной истории» и «ревизионизма» в изучении сталинской России // Отечественная история. 1999. №3. С. 125.

[14] Малиа М. Советская история. // Отечественная история. 1999 №3. С. 140.

[15] Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну. М., 1992; Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год. // Отечественная история, 1993. №4.

[16] Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет. В 4-х кн. М., 1988-1999; Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны. // Отечественная история, 1995, №2; Его же. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939-1941 г.г. Предисловие Б. Бонвеча. М., 1997; Мельтюков М.И. Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях Второй Мировой войны. // Отечественная история. 1995. №2.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

СССР. Показательна оценка позиции В.А. Невежина парижской газетой «Русская мысль»: «Он (Невежин – С.К.), как известно, принадлежит к редким сторонникам концепции Виктора Суворова о подготовке Сталиным наступательной войны и рассматривает эту подготовку на уровне агитационно-пропагандистской деятельности ВКП(б). Многие смелые тезисы Суворова находят подтверждение в разысканных В. Невежиным архивных материалах... Научную добротность этого автора можно проиллюстрировать тем, как он ... подает выступление Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года, в котором тот переориентировал советский «милитаритет» на наступательную войну»[17].

Долгое время не только некоторые западные, но и отечественные исследователи обвиняли в дезинформации Л.А. Безыменского, опубликовавшего «краткую запись» выступления Сталина 5 мая 1941 г., свидетельствовавшую, что никаких указаний либо призывов, о которых говорилось в книге Волкогонова, высказывания Сталина не содержали[18]. Окончательно, на наш взгляд, устранить сомнения в подлинности «краткой записи» речи Сталина смогла публикация дополнительных свидетельств выступления Сталина перед выпускниками военных академий: дневниковые записи заместителя председателя Совета Народных комиссаров СССР В.А. Малышева, генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова, отрывок из мемуаров Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, позволяющие окончательно устранить сомнения в подлинности «краткой записи», а также в том, насколько полно отражены в ней высказывания Сталина[19]. Эти документы, как и «краткая запись», не подтверждают версию о наличии в выступлении Сталина призывов к «нападению на Германию», к нанесению «упреждающего удара» по Германии, к «безусловному разгрому

[17] Русская мысль. 19-25 марта 1988. С. 11.

[18] Безыменский Л.А. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 г? – Новое время, 1991. №19. С. 36-40. См. также: В ассоциации историков Второй мировой войны. // Новая и новейшая история. 1998. №6. С. 206.

[19] См: Вишлев О.В. Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы // Новая и новейшая история. 1988. №4. С. 79-89.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

фашизма», к «расширению границ социализма» путем «наступательной войны», к «сокрушению капитализма военным путем» и т.п.

Не подтверждают они и толкование Невежиным и Мельтюховым слов Сталина о необходимости перехода от обороны «к военной политике наступательных действий» (перехода «от обороны к наступлению», «к мирной, оборонной политике с наступлением», «обороне с наступлением») как призыва к захвату инициативы и нанесению первого удара. Эти высказывания Сталина с большим основанием можно рассматривать как имеющие самый общий характер и отражающие представления советского руководства об образе действий СССР и его вооруженных сил в случае войны с Германией. Стратегическая установка, которая была дана советским вооруженным силам, заключалась в том, чтобы в случае нападения сдержать и разгромить вражеские силы вторжения в приграничных сражениях, перенести боевые действия на территорию противника и, перейдя в стратегическое наступление, нанести ему окончательное поражение в его собственном «логове». Сталин в своей речи доказывал выпускникам военных академий, что решение такой задачи Красной Армии по плечу, что германская армия, несмотря на свои блестящие успехи, «не непобедима», и в случае войны советские вооруженные силы не только смогут противостоять ей в обороне, но и смогут и должны будут наступать. Аналогия между Гитлером и Наполеоном, которую Сталин проводил в своей речи, преследовала ту же цель и в то же время ясно указывала на то, кто будет нападающей стороной[20].

Систематизация взглядов М.В. Фрунзе на необходимость новой военной доктрины позволяет сделать вывод о лидирующей роли Фрунзе в разработке советской военной доктрины. В его трудах сформулировано понятие новой доктрины, доказана необходимость принципиально новых способов решения военных задач (оборона или наступление), обосновано

[20] Там же. С. 80.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

равенство по значимости политической и военно-политической сторон военной доктрины[21].

Формирование военной политики 20-х гг. проходило в условиях активного изложения своих позиций по проблемам военной доктрины конкретными государственно-политическими деятелями. В частности, М.В. Фрунзе и Л.Д. Троцким. Отметим, что позиции характеризовались разными подходами к определению боевых задач Красной Армии. В отношении взглядов Л.Д. Троцкого по данному вопросу в отечественной историографии существовали разные точки зрения. В предвоенный период взгляды Троцкого оценивались только как «предательство», причем главное обвинение состояло в том, что, отстаивая стратегию отступления и «пассивную доктрину обороны», он по сути дела предрекал «неизбежность поражения» СССР в войне с капиталистическим миром[22]. В начале 90-х гг. произошел определенный прорыв в осмыслении позиции бывшего главы военного ведомства. Историки отмечают определенную реалистичность, гибкость и диалектичность идей Троцкого, квалифицируя некоторые из них как глубокие и верные[23].

Развитие военной политики в 20 - 30-е гг. происходило в специфических условиях. Большевики получили в наследство военную науку, имеющую глубокие национальные традиции и общепризнанные достижения. До октября 1917 г. она вбирала в себя мировой опыт и учитывала национальные особенности Российской империи. Такое положение сохранялось еще около полутора десятков лет – до начала 30-х годов. Но сразу же после гражданской войны стало формироваться и развиваться новое направление военной науки, базой которого были гражданские войны, мировая революция, классовый подход и марксистское (в дальнейшем марксистско-ленинское) учение. Оба эти направления до

[21] См. Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т.11. С. 17, 18, 19, 47, 49, 100, 101.
[22] Болтин Е. Революционер, полководец, ученый : М.В. Фрунзе. М., 1940. С. 9-10.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

определенного времени сосуществовали вполне мирно: у государства пока не доходили руки, уровень новых стратегов определялся не столько знаниями, сколько высокими должностями, а то и амбициями отдельных из них.

Выразителем первого направления был признанный авторитет военной науки того периода А.А. Свечин[24], который не стремился сужать теорию о современной войне «до наброска красной советской стратегической доктрины». Так, размышляя о военной политике государства в годы будущей войны, Свечин писал, что война выдвигает перед внутренней политикой ряд задач, неразрешение коих может подорвать возможность военного успеха[25]. Для решения этих и других задач, по мнению Свечина, «придется временно отказываться от восьмичасового рабочего дня и приостановить действие кодекса о труде. Придется повысить интенсивность работы, уменьшить реальную заработную плату. Предъявление требований к массам, обречение их на каторжный труд, лишение их сносных условий существования должны будут идти параллельно с борьбой за эти самые массы, за их сознание, за их верность лозунгам борьбы»[26]. В годы Великой Отечественной войны все это проявилось, и в более жестких формах.

Многие положения А.А. Свечина не соответствовали целям и планам советского руководства. Наиболее яростная критика идей Свечина принадлежала М.Н. Тухачевскому. На публичном разборе труда «Стратегия» в 1931 г. он назвал Свечина «агентом интервенции империализма», а его труд «пораженческим» применительно к СССР[27].

До начала 30-х гг. военная мысль в СССР была относительно свободна от идеологического давления и методологического монизма.

---

[23] Бажуков В. Военная доктрина России в свете дискуссии 1918-1922 годов. // Ракурс: Теория. Практика. Информация. Вып.2(4). М., 1993. С. 62.

[24] Свечин А.А. Стратегия. М., 1926; его же. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 1-2. М.; Л.; 1927-1928; Его же. История военного искусства. Ч. 1-3. М., 1922-1923.

[25] Свечин А.А. Стратегия. С. 71.

[26] Там же.

[27] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964. Т.1. С. 32.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Существовало немало научных школ, появилось много новых идей и перспективных разработок. Были изданы глубокие исследования по стратегии, фундаментальность и основательность которых вызывает уважение и в наше время[28]. К большим научным достижениям по праву можно отнести разработку оперативного искусства, теории глубокой операции и глубокого боя, методов прорыва укрепленных полос, а также других важных проблем. Целое поколение военных кадров изучало военную историю по этим работам М.В. Фрунзе, В.К. Триандофилова и др., воспитывалось на них и по ним готовилось к войне.

Однако со временем государство поставило под свой контроль развитие военного интеллекта в стране. Процесс подчинения военной мысли идеологии, нарастания однозначности в методов исследования начался, на наш взгляд, с созданием в 1929 г. при Коммунистической академии секции по изучению проблем войны. Секция имела четко ориентированные задачи: «а) объединение научных марксистских сил, работающих над военными проблемами, и содействие военно- и общественно-научным учреждениям и организациям в подготовке кадров военно-научных работников-марксистов; б) разработку проблем общевоенных, истории войны, вооруженных восстаний и экономики войны; в) научно-исследовательскую работу по изучению и учету опыта гражданской войны; г) пропаганду марксистского метода в деле изучения истории войн, восстаний и разработки вопросов военного дела»[29].

На первом этапе образование секции сыграло положительную роль в консолидации военно-научных кадров. Но в дальнейшем это привело к всеобщему единомыслию и угасанию других школ. Однако не только угасание и позднее преследование научной мысли в военной сфере создавало предпосылки тяжелых поражений Красной Армии на начальном этапе

[28] Варфоломеев Н. Ударная армия. М., 1933; Триандофилов В. Характер операций современных армий. М.; Л., 1929; Тухачевский М.Н. Вопросы современной стратегии. М., 1926; Шапошников Б.М. Мозг армии. Ч. 1-3. М., 1927, 1929.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Великой Отечественной войны. Трагическим процессом в жизни Красной Армии явились массовые репрессии начсостава РККА в 1937-1938 гг. До конца 80-х гг. в советской исторической литературе данная тема как бы отсутствовала. «Только иностранец способен был выполнять эту работу и остаться в живых», – писал Р. Конквест[30]. Однако постепенно тема начинает обрисовываться в зарубежной литературе на русском языке[31].

Лишь на рубеже 90-х гг. в СССР стали печататься работы советских авторов[32]. Среди литературы по этой проблеме выделяется монография О.Ф. Сувенирова[33]. Это одна из первых в отечественной и мировой историографии попытка объективной реконструкции трагедии РККА. Опираясь на значительный массив не вовлекавшихся ранее в научный оборот документальных источников, автор всесторонне обосновывает главный вывод, сформулированный им в итоге: «Берегите командира Красной Армии!»[34].

Историческая наука призвана разобраться основательно в том, были ли репрессии в Красной Армии трагической ошибкой или это была тщательно спланированная часть военной политики и стратегии сталинского руководства. Только 13 января 1941 г. Сталин признал правомерность идей М.Н. Тухачевского, заявив, что настало время «расклевать опыт гражданской войны», что «современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей»[35]. Процесс

[29] Записки. Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. Т.1. М., 1930. С. 211-212.
[30] Конквест Р. Большой террор.// Нева. 1989. №9. С. 126.
[31] Раппопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. М., 1995; Орлов А. Тайная история сталинских преступлений. М., 1991.
[32] Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990; Хлевнюк О.В. 1937-й:Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Волков О.В. Погружение во тьму. М., 1989; Григоренко П. Воспоминания // Звезда. 1990. № 1-12.
[33] Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937-1938. М., 1998.
[34] Там же. С. 344.
[35] Цит. По: Казаков М.Н. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 61.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

складывания военно-стратегического паритета, его характер и особенности достаточно подробно и всесторонне освещены в научной литературе[36].

Помимо факторов идеологического и политического порядка, которые не позволяли объективно верно оценить паритет, существовали немалые трудности иного характера. Они вытекали, во-первых, из различного геостратегического положения сторон; во-вторых, из самой структуры военного равновесия, ибо стороны имели различные военно-технические системы с далеко неодинаковыми военно-техническими данными; в третьих, они были обусловлены динамичным развитием военной техники, процессом постоянного отрицания ее старых видов и появления новых.

Геополитические изменения в конце XX в., перемены в субъективных предпосылках международного характера, а также новые параметры и критерии безопасности потребуют внесения существенных корректив в понятие «стратегической стабильности», которое теперь становится более содержательным. Исторический опыт показывает, что стабильными являются такие межгосударственные отношения, при которых действия одних государств не нарушают национальной безопасности других, где действия тех и других служат достижению общих целей развития. На наш взгляд, стратегическая стабильность означает такое состояние межгосударственных отношений, когда стороны не создают взаимных угроз национальной безопасности (или не допускают перерастания военной опасности в военную угрозу), получают обоюдную выгоду, заинтересованы в сохранении и укреплении таких отношений. При этом важно, чтобы военная угроза не

[36] Безопасность для всех. Программа разоружения. Доклад независимой комиссии по вопросам разоружения под председательством Улофа Пальме. М., 1982; Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984; Петровский В.Ф. Безопасность в ядерно-космическую эру. М., 1985; Откуда исходит угроза миру. М., изд. 1,2,3, 4. М., 1982, 1983, 1986, 1987; Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. М., 1987; Разоружение и безопасность. Ежегодник., М., 1987, 1988; Проэктор Д.М. Политика и безопасность. М., 1988; Варшавский договор и НАТО: соотношение сил в Европе. М., 1989; Лебедев Ю.В., Подберезкин А.И. Военно-стратегический паритет: две позиции. М., 1990; Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны. Доктрины. Концепции. Перспективы. М., 1990; Стребков В.А. Военно-стратегический паритет как специфический фактор международной безопасности. М., 1990; Шардаков В.С. Исторический опыт советского государства по достижению и поддержанию военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО. М., 1992. и др.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

возникала не только благодаря военной опасности, но также чтобы и другие сферы (экономическая, национальная, идеологическая, религиозная и т.д.) ее не индуцировали. Надежным условием стабильности в целом, и стратегической стабильности, в частности, должны и могут быть партнерские отношения, а еще лучше – союзнические отношения между государствами. Такие отношения, в свою очередь, возможны при общности национальных интересов по коренным вопросам мирового развития: о недопущении войны и агрессии, об уважении друг к другу, о желании сотрудничать, а не видеть друг в друге врага и т.д.

Опыт прошлого служит убедительным основанием для того, чтобы миролюбивые государства мирового сообщества были полны решимости создать глобальную систему коллективной безопасности, которая была бы и не однополюсной, и не многополюсной. Такая система должна иметь эффективные информационные средства защиты. Развертывание глобальной системы коллективной безопасности оказало бы благотворное влияние на расстановку сил в мире: в ходе ее создания происходит такое объединение миролюбивых сил, при котором могут быть наиболее благоприятные условия для обеспечения стратегической стабильности. Здесь может идти речь о появлении двухполюсной системы нового типа, сформированной на качественно иной основе.

Историки отмечают, что выход СССР в начале 20-х гг. на международную арену и признание его иностранными государствами обязал советскую власть считаться с нормами международного права на уровне взаимоотношений с иностранными государствами. По определению С.М. Каштанова, международные договоры остаются «вечной» категорией среди публично-правовых актов[37]. Эти договорные документы соблюдались наиболее строго, ибо международное сотрудничество требовало именно такого правового регулирования на основе международного права. Лишь

[37] Каштанов С.М. Акты новейшего времени. // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 101-102.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

укрепление политической и военной мощи СССР к концу 30-х гг. дало возможность Германии и СССР игнорировать и попирать международное право (пакт между СССР и Германией о ненападении, сопровождавшийся секретными статьями о перекройке политической карты Восточной Европы; нарушение этого пакта Германией и нападение на СССР).

90-е гг. положили начало исследованию деятельности Политбюро ЦК ВКП(б), являвшегося средоточением небывалой власти. Из-за почти полного отсутствия стенограмм заседаний Политбюро, Секретариата, Совнаркома и других органов власти основой для реконструкции процесса принятия решений, выяснения позиций различных ведомств и отдельных советских лидеров становится переписка руководителей страны[38]. Она являлась основой для понимания сложных неформальных отношений, оказывавших огромное воздействие на выработку и проведение политического курса. По мере введения в научный оборот документов, необходимых для исследования механизмов функционирования власти в СССР, у историков появилась возможность изучать процесс формирования и окончательного утверждения режима личной власти Сталина. Начавшееся детальное исследование механизмов функционирования и политической роли довоенного, сталинского Политбюро позволило приблизиться к научно обоснованному ответу на многие поставленные наукой и жизнью вопросы[39].

За последнее десятилетие в историографии преодолевается традиционная однобокость оценки приоритетов в советской внешней политике 30-х гг., особенно в связи с приходом Гитлера к власти[40]. Однако

---

[38] Советское руководство, Переписка. 1928-1941 г.г. /Сост. А.В. Квашонкин, А.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., РОССПЭН. 1999.

[39] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.А. Роговая. М., 1995; Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996; Кем О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК КПСС и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930 г.г.) СПб., 2000; Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923-1944 г.г. М., 1997.

[40] См.: Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов // История СССР. 1990. №6; Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917-1991. М., 1993; СССР в контексте международных отношений 30-х годов // Советская внешняя политика 1917-1945 г.г. Поиски новых подходов. М., 1992.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

прежняя односторонность сменилась новой, вообще отказывающей Советскому Союзу в антифашизме. Трудно согласиться с позицией С.З. Случа, который рассматривает советскую внешнюю политику как двухуровневую: официальную (декларация курса на коллективную безопасность и отпор фашистской агрессии) и неофициальную (перенос учения о классовой борьбе на сферу международных отношений, на разделение мира и сталкивание государств между собой)[41]. При этом нельзя сказать, что выводы автора подкреплены серьезной документальной основой.

Существенный вклад в отечественную историографию по проблемам политики предвоенного периода внесла работа Г.А. Бордюгова о том, что происходило в советском руководстве в 30-е гг.[42] В основу работы положен доклад, подготовленный для Международной конференции «Россия в век войн (1914-1945 гг.). К новой парадигме», состоявшейся в Италии в 1997 г. На наш взгляд, научные позиции автора отражают степень состояния современной исторической науки: новое, доказательное прочтение старой темы; небоязнь приступить к переоценке давнишних приоритетов, уход от оценки отечественной истории только в бело-черных тонах. Непредвзятый подход к различным аспектам внешнеполитических решений сталинского руководства 1933-1934 гг., которые стали рубежными для европейских и советско-германских отношений, позволили Г.А. Бордюгову определить новые моменты в оценке проблемы. Он считает, что в 1933-1934 гг. генеральным аспектом стратегических интересов высшего руководства страны явились свертывание отношений с Германией и постепенное налаживание франко-советских отношений[43]. Анализируя внутри-

[41] Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918-1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение . 1996. №3.

[42] Бордюгов Г.А. Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства. 1933-1934 годы //Отечественная история. 1999. №2.

[43] Там же. С. 35.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

политический аспект, автор называет аномальными либерализм новой экономической политики и «чрезвычайщину» начала 30-х гг.[44]

Тональность историографии политики и деятельности советского руководства в предвоенный период в последнее десятилетие существенно изменилась. Это связано, на наш взгляд, с дальнейшей разработкой теоретических, методологических и историографических проблем отечественной и мировой истории, принципов, методов и критериев изучения исторического прошлого, взаимосвязи цивилизованных и формационных подходов к истории[45]. Нельзя не отметить значение проведенной в конце 80-х гг. дискуссии по вопросу о том, на что был направлен внешнеполитический курс возникшего в октябре 1917 г. советского государства – на «мировую революцию» или на мирное сосуществование?[46] На протяжении многих лет советская и зарубежная историография высказывали полярные мнения, имеющие прямое отношение к исследуемой нами проблеме о военной политике. Спор возобновился с новой силой в 90-е гг. Однако в отличие от споров 80-х гг., современные историки отстаивают точку зрения о том, что внешняя политика советского государства становилась все более ориентированной на практические потребности развития страны. Государственные интересы все более усиливались под классово-партийными идеологическими концепциями и установками. В начале 20-х гг. военная

---

[44] Там же. С. 42.

[45] См. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии интеллектуальной истории. М., 1996; Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории. М., 1996. См., напр.: Исторический опыт трех революций. Кн.3. М., 1987; Сироткин В. Рижский мир // Международная жизнь. 1988, №8; его же. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1988; Бовин А. Мирное сосуществование. История, теория, политика. М., 1988; Волобуев П.В. Нужны новые концептуальные решения и подходы // Вестник Академии наук СССР. 1989, №1; Поздняков Э. Национальное и интернациональное во внешней политике // Международная жизнь. 1989, №5; Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 5 ноября.

[46] См., напр.: Исторический опыт трех революций. Кн.3. М., 1987; Сироткин В. Рижский мир // Международная жизнь. 1988, №8; его же. От гражданской войны к гражданскому миру // Иного не дано. М., 1988; Бовин А. Мирное сосуществование. История, теория, политика. М., 1988; Волобуев П.В. Нужны новые концептуальные решения и подходы // Вестник Академии наук СССР. 1989, №1; Поздняков Э. Национальное и интернациональное во внешней политике // Международная жизнь. 1989, №5; Кива А. Октябрь в зеркале утопий и антиутопий // Известия. 1990. 5 ноября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

политика советского государства определялась стремлением обеспечить мирные условия дальнейшего развития страны, что вытекало из провозглашенной концепции мирного сосуществования государств с различным общественным строем в качестве одного из магистральных, ведущих направлений внешней политики советского государства.

Открытие архивов, снятие грифа секретности со многих архивных документов дало историкам возможность всесторонне заняться проблемой наличия или отсутствия военной угрозы СССР в конце 20-х - начале 30-х гг. Это позволило во многом отойти от догматической в своей основе концепции «непогрешимости» советской внешней политики[47]. Одновременно обосновывалось положение о том, что в условиях складывания новой конфигурации политических сил в Европе, связанной прежде всего с приходом к власти в Германии фашизма, в советской внешней политике произошел определенный поворот, выражавшийся в отходе (по крайней мере на некоторое время) от восприятия и интерпретации «капиталистического окружения» как некоей монолитной суммы империалистических государств, которые все до одного спят и видят, как бы побыстрее стереть с лица земли «первое в мире государство рабочих и крестьян»[48]. Свидетельством этому явился одобренный в декабре 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) план создания системы коллективной безопасности в Европе. Естественно, что это не могло не повлиять на содержание и характер военной политики Советского государства этого периода.

Сложным проблемам внешней политики СССР и международных отношений накануне и в начальный период второй мировой войны посвящена книга «Война и политика. 1939 – 1941»[49]. Авторы предложили

---

[47] См.: Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. №6; Рыжиков В.А. Советско-английские отношения. Основные этапы развития. М., 1987; Поздняков Э. Национальное и интернациональное во внешней политике // Международная жизнь. 1989. №5; Год кризиса 1938-1939. Т. I-II. М., 1990.

[48] Ерин М.Е. Проблемы истории СССР и Германии в 20-30-е годы // Новая и новейшая история. 1991. №6. С. 249-250.

[49] Война и политика. 1939-1941. Отв. ред. А.О. Чубарян. М., 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оригинальные, хотя порой и противоречивые трактовки наиболее сложных проблем, по которым ведутся острые дискуссии как в нашей стране, так и за рубежом. На большом архивном материале, впервые открытом для научной общественности, авторы показали, как СССР расширял в послевоенный период контакты с Индией, Балканскими странами и Югославией, признавших СССР только в июле 1940 г., пытался вести гибкую политику с Польшей, находившейся между Германией и СССР, вел политику по изменению характера Коминтерна в конце 30-х гг. Заключенный в апреле 1941 г. Договор о нейтралитете с Японией на 5 лет свидетельствовал о позиции руководства страны определить свои стратегические позиции на Дальнем Востоке. История развития внешнеполитических отношений СССР и европейских стран, влияние их на формирование военной политики содержат новые повороты в книге О.Н Кена и А.И. Рупасова[50].

Интересен исследовательский проект «Левые в Европе». В книге Е.С. Токарева «Фашизм, церковь и католическое движение в Италии»[51] впервые в отечественной историографии дается комплексная картина положения и состояния церкви и разветвленной сети церковных и светских католических организаций в Италии в условиях фашистской диктатуры. Рассмотрена эволюция позиции церкви по отношению к основным вопросам внешней и внутренней политики фашизма, а также роль католической субкультуры в процессе кризиса и краха фашистского режима.

До недавнего времени преимущественное внимание исследователей было обращено к событиям военных лет. Изучение довоенного периода ограничивалось во многом событиями конца 30-х гг., да и то ограничиваясь рамками советско-германских отношений[52]. Это вполне понятно и

[50] Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х г.г.): Проблемы. Документы. Опыт. Комментарии: ч. I: Декабрь 1928 – июнь 1934. СПб., 2000.

[51] См.: Карло Россели и левые в Европе. М., ИВИ РАН, 2000; Токарев Е.С. Фашизм, церковь и католическое движение в Италии. М., 2000.

[52] СССР и Германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. В 2 т. М., 1996, 2000; Наджафаров Д.Г. Советско-германский

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

объяснимо. Однако такой подход невольно вытеснял из сферы изучения военной политики другие региональные и политические аспекты. Конкретно-исторический анализ событий в восточноевропейском регионе в межвоенный период убеждает в недооценке руководством западных держав политических и военных факторов, постепенно сгруппировавшихся здесь. С одной стороны, значительно преувеличивалось доминирование фашистских держав в этом регионе, что обусловливало давлением Берлина и Рима на правительства западных держав и уступки напору фашистской экспансии. С другой стороны, эти правительства фактически не реагировали на мощь гитлеровской военной машины, которая обрушивалась на малые восточноевропейские страны в случае, если Германия вдруг наталкивалась по каким-то причинам на решительное противодействие со стороны этих стран.

Военное вторжение и оккупация восточноевропейских стран вызывали осуждение и даже принятие практических шагов лишь со стороны Советского Союза, который, в частности, выразил отрицательное отношение к мюнхенскому соглашению. В результате отличительной чертой того периода стало резкое возрастание влияния СССР в юго-восточной Европе[53]. Однако специалисты по проблемам национальной безопасности СССР сосредоточивали свое внимание в основном на его взаимоотношениях и

пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке// Вопросы истории. 1999. №1; Яковенко И.Г. От Тильзитского мира до пакта Молотова-Риббентропа // Общественные науки и современность. 1998. №3; Семиряга М.И. Советский Союз и предвоенный политический курс // Вопросы истории. 1990 №9; Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992; Гинцберг Л.И. Советско-Германский пакт: замысел и его реализация // Отечественная история. 1996. №3; Дух Рапалло: Советско-Германские отношения 1925-1933 г.г. Екатеринбург. М., 1997; Россия и Германия в Европе. М., 1998; Россия и Германия в XX веке. Воронеж. 1999.

[53] Ланда Р.Т. История Алжира. XX век. М., 1999; Невакиви Ю., Юссинла О., Хентиля С. Политическая история Финляндии 1895-1995. М., 1998; Коминтерн и Вторая мировая война. Часть первая. М., 1993; Генис В.Л. Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской Советской Республики. // Вопросы истории. 1999. №1; Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Отв. Ред. А.Б. Давидсон. М., ИВИ РАН. 1999; Почтарев А.Н. Из истории советско-корейских отношений в 20-50-е годы // Новая и новейшая история. 1999. №5; Севостьянов Г.Н. Правда о Зимней войне // Новая и новейшая история. 1999. №1; Зимняя война 1939-1940 гг.: кн. 1-2. М., 1998.; Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975; СССР и Корея. М., 1998; Поляков Е.Ю. Первые шаги ирландской дипломатии. Миссия в Москве // Вопросы истории. 2001. №1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

взаимодействии с великими державами, тогда как изучение советской политики в отношении «малых» восточноевропейских, азиатских, латиноамериканских государств в 20 - 30-е гг. оказалось на периферии исследовательских интересов. Эти государства как бы исключались из числа значимых факторов довоенной политики СССР. Хотя Москва всегда стояла перед необходимостью выстраивать взаимоотношения со своими западными, южными и восточными соседями.

Трудность осмысления военной политики советского руководства с этими и другими странами заключается в пока еще недостаточной историографии. Да и открытая в архивах документация еще не позволяет в полной мере ответить на ключевые вопросы военной политики СССР. Выделяется среди других коллективная монография, анализирующая отношения СССР с Восточной Европой в предвоенный период и показывающая влияние позиции восточноевропейских стран на внешнеполитическую и военную стратегию СССР[54].

Так, на очень большом и разнообразном материале, значительную часть которого составляют неопубликованные источники, обстоятельно исследуются внешнеполитические акции Польши и ее соседей – СССР и Германии. Эта работа вносит много нового в разработку предыстории второй мировой войны и непосредственно связанной с этим судьбы польского государства. Авторы анализируют дипломатическую игру в период от мюнхенского сговора до 23 августа 1939 г., ищут и в большинстве случаев находят подлинные (а не показные) мотивы различных дипломатических маневров, раскрывают «кухню» принятия тех или иных решений. Прослеживается вызревание (и попытка) Гитлера добиться согласия Польши на требования Германии, лишавшие Польшу значительной части ее суверенитета, на что она, естественно, пойти не могла. Такое решение достойно уважения, но политике Польши в то время были присущи и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

серьезнейшие просчеты. В их числе – упорное нежелание улучшать отношения с СССР и обсуждать возможность совместных действий против германской опасности. Правда, подобное сотрудничество было мало реальным, ибо не входило в планы Сталина, после Мюнхена решившего кардинально изменить внешнеполитический курс СССР и пойти на сговор с германским агрессором.

Немалую роль в соперничестве Германии и СССР на Балканах играла Болгария, также подвергавшаяся сильнейшему нажиму со стороны Гитлера, но все же сумевшая занять особую позицию. На материалах из архивов России, Болгарии и Германии в данной монографии показаны упорные, в немалой степени опиравшиеся на славянскую общность русского и болгарского народов усилия советской дипломатии, направленные на то, чтобы прочно привязать Болгарию к СССР. Однако они не дали ожидаемых результатов, хотя СССР и поддерживал территориальные притязания Болгарии в Румынии, Греции и Югославии.

Формирование внешнеполитической и военной доктрины советского руководства находилось под влиянием бурного и напряженного развития отношений между СССР и США. Многие вопросы, проблемы, оказавшиеся раньше вне поля зрения отечественных исследователей, впервые по-новому рассматривает в своих трудах Г.Н. Севостьянов[55]. Отношения двух государств в его работах рассматриваются в связи с новой стратегической и тактической линией компартий, отказавшихся в новой, изменившейся в 30-е годы обстановке в мире от получивших в прошлом широкое распространение догм, подчас надуманных схем, шаблонов и стереотипов. Расширенно толкуя соглашение от 16 ноября 1933 г. и обвиняя СССР за действия Коминтерна, США прекратили переговоры в феврале 1935 года, отказали Советскому

[54] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1930-1941 г.г. Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999.

[55] Севостьянов Г.Н. Обострение советско-американских отношений летом 1935 г.: причины и следствия // Новая и новейшая история. 1998. № 6; Он же. Судьба соглашения Рузвельт – Литвинов о долгах и кредитах. 1934-1935 гг. Новые документы // Новая и новейшая история. 1995. №3.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Союзу в предоставлении долгосрочного кредита, был сокращен штат посольства в Москве, отозваны помощники военного атташе по авиации и военно-морским вопросам. В течение более полутора лет не заключалось торговое соглашение.

Применительно к теме нашего исследования, важно отметить, что Москва (как и Вашингтон в лице Президента Рузвельта) была недовольна состоянием отношений между двумя странами. Однако советская политика не могла не учитывать, что госдепартамент США предвзято и односторонне интерпретировал и соглашение о пропаганде, в котором стороны обязывались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, от пропаганды, имеющей целью нарушение территориальной целостности государства либо насильственное изменение политического или общественного строя[56]. Косвенно это подтверждают слова К. Радека: «Мы жили без США в прошлом, и мы никогда не позволим вам и кому-либо еще диктовать нам, что мы будем делать в Москве»[57]. В условиях растущей с Запада угрозы войны, с учетом растущей антисоветской кампании вносились коррективы и в военную политику СССР.

Проблема становления и развития военно-политического и военного сотрудничества между Советским Союзом и Веймарской республикой стала в 90-е гг. одной из привлекающих всеобщий интерес тем отечественной историографии. В интерпретации этого вопроса советской историографией господствовала единая точка зрения, согласно которой «Коммунистическая партия и Советское правительство... принимали все меры, чтобы в случае войны Советские Вооруженные Силы могли встретить врага во всеоружии, успешно защищать свободу и независимость страны социализма»[58]. В духе такой трактовки считалось, что все военные победы в Великой

[56] Севостьянов Г.Н. Обострение советско-американских отношений летом 1935 г.: причины и последствия. С. 21.

[57] Цит. по : Севостьянов Г.Н. Там же. С. 22.

[58] История Второй мировой войны. Т. 4. М., 1975. С. 25.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Отечественной войне были обусловлены в основном героическими усилиями советского народа и «мудрым руководством» Коммунистической партии и Советского правительства.

В 90-е гг. получили довольно широкое хождение альтернативные воззрения, которые акцентировали внимание на военно-политическом и военном сотрудничестве между Советским Союзом и Веймарской республикой. Авторы исходили из огромной роли в создании оборонного потенциала СССР немецкого военного и технического опыта и промышленных технологий, переданных российской стороне, полагали, что именно советско-германское сотрудничество способствовало быстрому оснащению РККА новейшими средствами вооруженной борьбы и введению в Красной Армии на современных организационных структур. Мы полагаем, что такая позиция представляет собой крайность, когда с неизбежностью возникают очередные перекосы.

Для того, чтобы действительно приблизиться к истине и разобраться в такой непростой, многоплановой проблеме, как роль советско-германских отношений в межвоенный период, восстановить историческую правду, необходимо тщательно проанализировать развитие сложных международных отношений в 20-е гг., попытаться понять логику политического мышления советского руководства, установить меру ошибочности (или правильности) сделанных им выводов и оценок, оценить эффективность проделанной работы и только с этих позиций вынести окончательное решение. Именно такое исследование было проведено С.А. Горловым[1]. Автор впервые в строгой хронологической последовательности коснулся всех совокупности событий и явлений, предопределивших возникновение советско-германских отношений в том виде, в каком они воплотились в исторической реальности. Он не ограничился рассмотрением сравнительно узкого отрезка времени, непосредственно обозначенного в заглавии работы, а попытался оценить

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

значение принятых тогда решений для дальнейшего развития нашей страны, сделал выводы о том, насколько тогдашние действия советского руководства отвечали, либо противоречили сложившейся ситуации. В книге подробно прослежена история советско-германского военного и военно-технического сотрудничества, военно-политических отношений между СССР и Германией на протяжении практически всего межвоенного периода.

Последнее десятилетие XX в. отмечено в отечественной исторической науке тем, что в связи с появлением работ В.Б. Резуна, присвоившего себе псевдоним «В. Суворов»[59], начался спор о «превентивной войне». Необходимо отметить, что среди историков обозначилась небольшая группа сторонников Суворова[60]. В пылу полемики многие авторы зачастую забывали о том, что эта версия, призванная оправдать нацистскую агрессию против СССР, родилась на территории «третьего рейха» и была выпущена в свет еще в середине 30-х гг. Первой книгой на русском языке, научно с критических позиций анализирующей и полностью разоблачающей версию Суворова, стала монография Г. Городецкого[61]. На наш взгляд, в дискуссии о том, готовил ли Сталин «превентивную войну»[62], аргументировано прозвучала и позиция Л.А. Безулинского, который, в частности, писал: «Учреждающий удар все же состоялся. Таково было реальное положение дел. Все

---

[1] Горлов С.А. Совершенно секретно. Москва – Берлин. 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999.

[59] Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.

[60] Мерцалов А.Н. Иной Жуков. М., 18994; Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939-1941 годах// Преподавание истории в школе. 1994. № 5; Его же. Речь Сталина 5 мая 1941 и аналогия наступательной войны// Отечественная история. 1995, № 2; Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая – июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны// Отечественная история. 1995. № 2; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность// Отечественная история. 1995. № 3.

[61] Городецкий Г. Миф о «Ледоколе». М. 1995.

[62] Хоффман Й. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год// Отечественная история, 1993, № 4; Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941г.// Новая и новейшая история, 1993, № 3; Гареев М.А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г.// Новая и новейшая история. 1994, № 2; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь. 1995; 1941 год. Документальный сборник документов 2 тома под ред. В.П. Наумова. М. 1998; Карпов В.В. Маршал Жуков. М. 1994.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

предположения о «превентивной войне» Сталина против Гитлера можно отнести в разряд – в лучшем случае – беллетристических упражнений»[63].

Историография военной политики Советского руководства в 20-е - 30-е гг. существенно пополнилась трудами историков, исследующих проблематику Восточной Европы. На солидной источниковой базе исследуется как собственная политика государств данного региона, так и совокупность международных проблем Восточной Европы в контексте отношений между Германией и Советским Союзом[64]. Известно, что в советской историографии практически до конца 1980-х гг. существовала ситуация, в которой исследования темы во многом подчинялось официальным идеологическим установкам, а доступ исследователей к архивной документации был существенно затруднен. В обстановке радикальных политических перемен 90-х гг., используя большой массив архивных материалов, отечественные историки сумели во многом преодолеть сложившиеся за прошлые десятилетия стереотипы, выработать новые методологические подходы в анализе совокупности основных международных проблем в Восточной Европе непосредственно перед второй мировой войной и на ее начальном этапе. Динамика изменений внешнеполитического положения государств региона изучается, исследуется там как следствие перекрестка устремлений Германии, с одной стороны, и Советского Союза – с другой.

Научный интерес представляет книга одного из крупнейших историков – экономистов современной Германии В. Фишера[65]. Подвергнув

---

[63] Безулинский Л.А. «План Жукова» от 15 мая 1941 г.// Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 67.

[64] Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 г.г.// Отв. Ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М.: Индрик. 1999; Год кризиса, 1938-1939: Документы и материалы. Т. 1-2. М., 1990; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940)// Отв. Ред. Л.Я. Гибианский . М. 1990; Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941)// Отв. Ред. Л.Я. Гибиановский. С. 3. Случ. М., 1992; Политический кризис 1939г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы// Отв. Ред. И.Н. Поп. М., 1989.

[65] Фишер В. Европа: Экономика, общество и государство. 1914-1980// Пер. с нем. Л.А. Овчинцевой. М.: ВЛАДОС, 1999.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

глубокому анализу ключевые вопросы экономической и социальной истории Европы XX в., автор обобщает результаты страноведческих исследований и создает цельную картину европейского континента в целом. Сравнивая развитие СССР и развитых западноевропейских стран, В. Фишер отмечает общий момент: «гонка вооружений накануне второй мировой войны в очередной раз значительно усилила роль государства в экономической сфере, в большинстве стран масштабы огосударствления намного превосходили уровень первой мировой войны»[66]. В Германии, Италии, Великобритании, Франции, Югославии, Финляндии и других странах государственное вмешательство в экономику быстро нарастало в обоих враждующих лагерях и даже в немногих оставшихся нейтральными странах. Поэтому для В. Фишера Советский Союз был лишь одной из европейских стран, где «разрастание государственного регулирования вело к подавлению рынка и разрушению управленческого аппарата»[67]. Милитаризация системы хозяйства, по мнению исследователя, являлась общей чертой европейской экономики в период между двумя мировыми войнами.

Нельзя не выделить позицию российских исследователей, в основном авторов журнала «Россия XXI», которые становление советской индустриальной системы в 20 - 30-е гг. советской стратегии по созданию «немодернизационной модернизации» связывают с формированием и утверждением «красного смысло-ценностного ресурса»[68].

Значительное место в отечественной историографии занимает научный труд, в котором впервые раскрывается сложный путь развития, характерные черты и специфические особенности российской военной политики, военной стратегии, исследуется исторические корни, этапы их

[66] Там же С. 283.

[67] Там же. С. 293.

[68] Белоусов А. Становление советской индустриальной системы// Россия XXI. 2000, № 2 С. 21; Россия XX. № 3. С. 27.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

формирования, становления и развития[69]. Большое внимание авторы уделили изучению национальной самобытности военной политики России в дореволюционную эпоху и в советский период. «Особенности геополитического положения России, а главное – постоянно менявшееся окружение, то враждебное, то дружественное, оказали неизгладимое влияние на все сферы жизни и деятельности российского общества, в том числе и на военную область, иными словами, на цели и содержание военной политики, военную организацию и военную доктрину»[70]. И хотя эти строки открывают первую главу книги, посвященную зарождению и развитию отечественной военной стратегии, они точно передают характеристику и исследуемого нами периода. Авторы резонно характеризуют 20 - 30-е гг. как период «между Гражданской и Великой Отечественной войнами»[71], как «межвоенный период», а будущую войну как «неизбежную»[72], что определило научную обоснованность и неполитизированность главной позиции авторов: форсированная индустриализация государства, лимитация ее экономики, подчинение целям обороны всех социальных программ обеспечивали подготовку страны к неизбежной (не по воле СССР) в ближайшие годы войны.

Придерживаясь принципа историзма, применяя сравнительно-исторический метод, опираясь на исследования предшественников и новые достоверные источники, авторы раскрыли отечественную специфику формирования высшей области военного искусства в различные периоды. В то же время они показали, что механизм обеспечения национальной безопасности России в оборонной сфере всегда действовал в соответствии с объективными принципами, обусловленными историческими традициями,

---

[69] История военной стратегии России // Под ред. В.А. Золотарева. М., 2000; Стратегические решения и вооруженные силы. Т. 1. Книга первая и вторая.// Под ред. В.А. Золотарева. М. 2000; Геополитика и безопасность. Военная история и культура. М., 1996.

[70] История военной стратегии России. С. 17.

[71] Там же. С 191.

[72] Там же С. 202.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

национальным менталитетом народа, особенностями географического и геополитического положения Российского государства, которые, обладая значительной устойчивостью, так или иначе, проявлялись на всех этапах его развития. Правы авторы монографии, выделившие такие важнейшие черты отечественной военной стратегии, как национальная самобытность, опора главным образом на внутренние силы и ресурсы страны, континентальность, периферийная направленность, последовательная нейтрализация угроз с запада, востока и юга, пропорциональное развитие вооруженных сил с одновременной ставкой на сухопутные войска, активность и решительность при отстаивании национальных интересов, гибкое сочетание наступления и обороны, позиционных и маневренных действий[73]. Справедлив вывод о том, что на современном этапе исторического развития, когда коренным образом меняются требования к обеспечению безопасности России, необходимо выработать иные подходы к организации обороны страны, а, следовательно, и соответствующую национальную военную стратегию.

Среди наиболее крупных научных исследований по истории военной политики советского руководства в довоенный период выделяются ряд монографий и диссертаций, отмечающихся широкомасштабным, глубоким анализом разнообразных аспектов и сторон проблемы[74].

Внешняя политика и международное положение СССР являются предметом внимательного исследования, хотя процесс выработки и принятия политических решений советским руководством изучен лишь эпизодически.

---

[73] История военной стратегии России. С. 97.

[74] Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999, 8; Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества: Историко-правовое исследование / Отв. ред. Кудрявцев В.Н. 2-е изд., доп. М., 1998; Кокошин А.А. Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 годы. М.., 1995. – 285 с.; Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства: военно-стратегические, дипломатические и экономические аспекты, 1920-1941 гг: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 2000; Ксефонов В.В. Соотношение политики и войны: эволюция взглядов: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. Наук. М., 2000; Мухин М.Ю. Источники по развитию промышленности СССР в 1921-1941 гг. (по материалам РГАЭ): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 1996; Симонов Н.С. Создание в СССР военной промышленности и формирование советского военно-промышленного комплекса: 1920-1950-е гг.: Проблемы экономического роста, структура, организация производства, управление: дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук. М., 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Среди литературы о второй мировой войне выделяется книга «Война Германии против Советского Союза. 1941-1945»[75]. Она интересна для исследователей тем, что в центре ее повествования находится восприятие войны с Советским Союзом как отдельными лицами, так и социальными группами Германии. Это взгляд на войну «оттуда», с «той», немецкой точки зрения. На основе большого архивного, художественного, музейного и другого материала, письменных документов авторы стремились отойти от позиции стороннего наблюдателя и оценки в черно-белых тонах. В связи с 50-тилетием нападении Германии на Советский Союз, подводя итоги военной катастрофы, авторы в центре публикации поставили, с одной стороны, простую формулу немецкой стратегической концепции по отношению к Советскому Союзу: «завоевать и уничтожить»; а с другой – строки немецкого солдата из письма своей жене: «после войны мы будем очень много плакать».

Документальный материал, составивший основу книги, богато иллюстрированный фотографиями, схемами, диаграммами, позволяет более глубоко и объективно отнестись к пониманию советской военной политики 20 - 30-х гг.

Предвоенные десятилетия можно охарактеризовать как период, когда главным фактором, влияющим на выработку государственной политики (военной в том числе), являлась угроза войны. Одновременно политическая элита СССР формировала и провозглашала идеальный образ будущего, на основе которого стала возможной беспрецедентная историческая динамика, позволившая в кратчайшие сроки воссоздать великую Россию, осилить индустриализацию страны и заложить фундамент Великой Победы. Несомненный теоретический интерес представляет изучение феномена советских предвоенных десятилетий, связанного с реальным, зримым

---

[75] Война Германии против Советского Союза. 1941-1945. Документальная экспозиция. Под ред. Р. Рюрупа. Русский вариант, 29-е изд. Берлин, 1994.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

приобщением миллионов людей к решению задач общенационального уровня, превращению их психологически в народную массу, свойства и качества которой постепенно влияли на духовную жизнь отдельного человека. В свое время проблему психологии масс и человеческого «я» всесторонне исследовали известные специалисты теоретической психологии Г. Лебон и З. Фрейд. Переизданные в последнее десятилетие их труды помогают вновь вернуться к этой проблеме и проанализировать означенный феномен. Как писал Г. Лебон, «самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу»[76]. В массе стираются индивидуальные достижения людей, и благодаря этому исчезает их оригинальность. В толпе всякое чувство, всякой действие заразительно, и притом в такой степени, что индивид очень легко приносит в жертву свои личные интересы интересу коллективному.

Исследуемый период привлекает все больше внимания ученых так называемых «человеческих» исследований. Можно констатировать, что в 90-е годы совершен прорыв в изучении такого важного аспекта истории, как место и роль человека в войне, историко-психологический портрет российской армии в войнах XX в. Большой вклад в понимании этих и многих других вопросов внес В.В. Серебренников, иследующий позицию различных классов, социальных групп по отношению к войне в 30-е гг.[77] Автор глубоко изучил влияние предвоенной политической и духовной

[76] Лебон Г. Психология народов и масс. С-Пб. 1996, С. 165.
[77] Серебренников В.В. Социология войны. М., 1998.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

атмосферы на методы и формы управления обществом и государством, идеологической сферой и воспитанием молодого поколения страны.

Уже сама подготовка к будущей войне отражалась на судьбах абсолютного большинства населения СССР. Она определяла развитие не только социально-экономической сферы, но и сущность, методы духовно-нравственной жизни общества. Шло формирование (возможно, первоначально и незаметно) поколения, которое вскоре войдет в историю, как «фронтовое поколение». Особое место, на наш взгляд, в исторической литературе занимают труды Е.С. Синявской[78]. Автор рассматривает комплекс вопросов взаимосвязи психологии и идеологии войны, перенося акцент на психологические сюжеты. В частности, впервые в психологическом плане ею рассмотрены проблемы военной иерархии и корпоративности офицерского корпуса, взаимоотношения родов войск, рядового и командного состава в условиях мирного времени и в боевой обстановке, изучены социально-психологические особенности будущего фронтового поколения, в том числе женской его части.

В 90-е гг. в исторической науке произошел всплеск интереса к проблемам российского зарубежья и восприятия СССР и его политики на Западе. Соглашаясь с мнением академика Н.Н. Болховитинова, назвавшего увеличение российским зарубежьем «модой»[79], отмечаем наличие серьезных публикаций, в которых содержаться материалы, имеющее прямое или косвенное отношение к пониманию внешней и военной политики Советского государства[80]. Анализ научной литературы показывает, как постепенно

---

[78] Синявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Ее же. 1941-1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1997; ее же. Человек на войне. Историческо-психологические очерки. М., 1997.

[79] Болховитинов Н.Н. «Отечественная история», «Российское Зарубежье» // Отечественная история. 2000. № 2. С. 126.

[80] Русские без Отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20 - 40-х годов. М., 2000; Политическая история русской эмиграции. *1920-1940 г.г. Документы и материалы.* Под ред. А.Ф. Кисилева. М., 1999; Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. Антология. М., 1992; Российская эмиграция в Манчжурии: Военно-политическая деятельность (1920-1945): Сб. документов. Южно-Сахалинск, 1994; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: документы и материалы. М., 1998; Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX и XX вв.: сб. статей. – М., 1997; Попов А.В. Русское зарубежье и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

менялась психологическая атмосфера значительной части русской эмиграции в сторону не столько симпатии к Советской России, сколько более задумчивого, взвешенного отношения к причине ее существования и возрождения. Оставляя в стороне различные факторы появления новой грани эмигрантской психологии, отметим один, имеющий прямое отношение к исследуемой в диссертации проблеме, - рост фашистской опасности, укрепление нацистского режима и нацеленность военной угрозы на восток, прежде всего, на Россию. Думающая часть российской эмиграции оценила это как цивилизационную катастрофу. Это подтверждают и воспоминания и мемуары активных деятелей эмигрантских кругов, опубликованные в нашей стране, особенно в 90-е гг.[81] Отношение к послеоктябрьской России с позиции жесткого противостояния постепенно сменялось в эмиграционных кругах надеждой на успех невиданного в истории эксперимента, росла поддержка экономического развития новой России в условиях, когда русские лицом к лицу столкнулись с западной действительностью в эмиграции. Интерес и сочувствие к России возрастали по мере возрастания угрозы фашизма в середине 30-х гг.

Зеркалом советского времени можно назвать и публикации зарубежных писателей, общественных деятелей, стремившихся осмыслить феномен возникновения и строительства нового общества на планете[82]. В

архивы: документы Российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998; Бочарова З.С. Судьбы российской эмиграции: 1917-1930-е годы. Учебное пособие. Уфа, 1998.

[81] Гессен И.В. Годы изгнания. Париж, 1979; Любимов Л.Д. На глубине. –М., 1963; Митрополит Вениамин Федченков. На рубеже двух эпох – М., 1994; Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. –М., 1994; Савицкий П.К. Континент –т Евразия. –М., 1997; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. –М., 1994; Федотов Г.П. Судьба и грехи России. – СПб., 1991. Т. 1-2; Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940: сборник документов. –М., 1998. – Кн. 1-2; Шульгин В.В. Письма к Русским эмигрантам. –М., 1961.

[82] Жид А. Возвращение из СССР. Поправки к моему «Возвращению из СССР» // Два взгляда из-за рубежа. М., 1990; Рассел Б. Практика и теория большевизма . М. 1991; Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958; Фейхтвангер Л. Москва. 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937; Вильям А. Рис. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960; Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма. М., 1989; Запись беседы Ромена Роллана и И.В. Сталина 28 июня 1935 г. // Источник. Документы русской истории. 1996. №6; Пять безответных писем Ромена Роллана. «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны» //Источник. Документы русской истории. 1996. №2; Девис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930-1933 годы//История СССР. 1991. №4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отличие от российских эмигрантов у многих из них была неоднократная возможность посещать Советскую Россию, а затем СССР. Только в 20 - 30-е гг. нашу страну посетило около 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно 5 тыс. человек в год или 13-14 человек ежедневно[83]. То, что удалось увидеть и оценить передовым представителям Запада, должно, по нашему убеждению, стать неотъемлемой частью не только источниковой базы, но и историографии, и потому не может не учитываться при изучении непростых процессов развития СССР в 20 - 30-е гг. Научный интерес представляет ответ писателя Р. Роллана на вопрос о движущих силах советского общества: «Все они (советские люди – С.К.) поддались коллективистскому психозу – психозу веры, радости и уверенности в правде, в победе того дела, представителями которого они являются в мире. Будущее решит. Но настоящее тут. И в его руках все элементы победы. Эти руки повинуются только одной голове: коммунистической партии и совету комиссаров. Эта голова крепка и твердо держится на плечах»[84].

Применительно к исследуемой проблеме необходимо отметить, что многие происходившие и наблюдаемые зарубежными авторами в СССР события и действия советского руководства они объясняли как события и действия накануне войны. Так, Л. Фейхтвангер отмечал, что ему нигде не удается услышать критику генеральной линии партии, состоящую в том, что «при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей (подчеркнуто мною – С.К.) войне не может быть и речи»[85]. Эти постулаты, по мнению писателя, с очевидностью подтверждаются «возрастающим процветанием страны и

[83] Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы).

[84] Цит. по: Куликова Г.Б. СССР 1920-1930-х годов глазами западных интеллектуалов. // Отечественная история. 2001. №1, С. 17.

[85] Фейхтвангер Л. Москва. 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 31.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мощью Красной Армии...»[86]. Однако писатель увидел и «настоящий психоз вредительства», стандартизацию всей общественной жизни «в широких масштабах», в том числе стандартный энтузиазм, который производит «впечатление искусственности»[87]. Прошедшие десятилетия показали всё возрастающую ценность приведенных свидетельств очевидцев событий 20 - 30-х гг. Не скованные политическими и идеологическими догмами западные авторы (хотя и по-разному и неоднозначно) сумели увидеть в экономическом и политическом строе СССР черты, которые они с полным основанием охарактеризовали как обществообразующие[88]. Они уловили связь между содержанием, темпами и формами экономического развития СССР и необходимостью подготовки к войне, которая воспринималась как реальность. Они сумели увидеть в связи с этим однобокость и однолинейность развития советского государства. Военная угроза, по мнению Б. Рассела, вынудила большевиков «опереться на армию и Всероссийскую чрезвычайную комиссию, они были вынуждены также свести систему советов к пустой формальности. Поэтому сочли за лучшее применить насильственные методы, которые привели, как и должны были привести, к бедствию»[89].

Исследуемый период интересен в научном отношении тем, что все более проявлялись противоречия между по-настоящему научным и так называемым «партийным» подходом к проблемам военной политики и военного дела. Серьезные расхождения в этих вопросах привели к жестким, а то и к жестоким практическим действиям. Советская военная политика исходила из положения Ленина о том, что «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает»[90]. Отсюда следовал вывод о том, что будущая война против СССР не что иное, как

---

[86] Там же.

[87] Там же. С. 28-29.

[88] См.: Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925-1937 г.г.). СПб, 1999. С. 139.

[89] Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 94.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«воспроизведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистической буржуазией и победоносным пролетариатом»[91]. Любые иные на этот счет высказывания рассматривались как буржуазные и поэтому беспощадно клеймились.

Непримиримый классовый характер войны предполагал решительные и ожесточенные формы её ведения с непререкаемой уверенностью в победе Советского Союза. Наличие серьезных противоречий, которые характеризовали развитие военной политики в межвоенный период, предопределяло и явно ошибочные установки.

Межвоенный период начался с того, что из гражданской войны страна вышла в состоянии полной экономической разрухи, но народное хозяйство СССР уже к началу 30-х гг. было способно удовлетворить минимальные потребности Вооруженных Сил. За годы первого и второго пятилетних планов ценой невероятных усилий народа экономический потенциал государства резко возрос. Неуклонно возрастает и численность вооруженных сил СССР.

20 - 30-е гг. представляют научный и практический интерес, поскольку это были годы реорганизации системы управления Вооруженными Силами страны, происходила их техническая реконструкция. В это время одной из важнейших оборонных задач была подготовка и накопление военнообученных контингентов для развертывания вооруженных сил на случай войны. Создавалась и развивалась система вневойсковой подготовки. В 30-е гг. в Вооруженных Силах сложилась довольно стройная система оперативной, мобилизационной, боевой и политической подготовки. Однако в связи с массовыми репрессиями против командного состава армии и флота созданная система подготовки военных кадров начала постепенно

---

[90] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 32. С. 79.

[91] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (Далее – КПСС в резолюциях). М., 1984. Т. 4. С. 177.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

разваливаться. В 1940 г. удельный вес лиц с высшим военным образованием сократился более чем в два раза по сравнению с 1936 г.[92]

20 - 30-е гг. в исторической науке определены как межвоенные десятилетия. В этот период произошло крушение версальско-вашингтонской системы договоров и изменение баланса сил на европейском континенте и в мире в пользу агрессивных держав. В правительствах ведущих европейских держав происходили перестановки в пользу тех кругов, которые выступали за более тесное сотрудничество с нацистской Германией.

Советский Союз по существу в одиночестве проводил политику на обеспечение коллективной безопасности. После подписания англо-германской и франко-германской деклараций в 1938 г. наша страна фактически оказалась в международной изоляции. В начале 1939 г. Берлин предпринял ряд шагов, направленных на сближение с Москвой. Такой поворот событий, выходящих из под контроля руководства западных стран, не устраивал лидеров Англии и Франции. Отмечаем это потому, чтобы подчеркнуть мысль о том, что советскому руководству требовалось в краткие исторические сроки не только определить и реализовать свою военную политику, но и корректировать, а то и существенно менять ее, и все это в считанные годы или даже месяцы. И это в условиях, когда и в самом руководстве не было по ряду вопросов единой позиции.

Советскому Союзу пришлось как бы подвести черту под надеждами построить приемлемую схему взаимодействия с западными странами и, по существу, обеспечивать национальную безопасность лишь с расчетом на свои силы. Это повлияло на развитие экономической и социальной сфер, все более переводя их на мобилизационный режим работы. При этом внутри страны шел многолетний процесс борьбы с социалистической оппозицией и ликвидацией всех партий соперников. Изучение такой государственной деятельности и практики представляет огромный научный интерес дает

[92] Советские Вооруженные Силы: история строительства. М., 1978. С. 248.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

возможность сделать выводы и ценные рекомендации для современного этапа развития России.

Исследуемый период интересен тем, что на протяжении всего лишь двух десятков лет кардинально изменилось отношение государственных органов к исторической науке и российской истории. Если в 20-е гг. проводимая через средства массовой информации политика была направлена на манипулирование исторической памятью путем вытеснения прежних исторических символов и замены их новыми, то, начиная с 1934 г., когда была поставлена политическая задача воспитания чувства советского патриотизма, усвоения лучших национальных традиций в борьбе с усиливающимся европейским фашизмом, круто меняется отношение к истории отечества. Историческая память понемногу возвращается как важная составляющая идеологии и пропаганды. Подготовка к войне потребовала мобилизации всех ресурсов нации, в том числе и символических. Эксперимент по полному вытеснению исторической памяти, длившийся по сути 17 лет, заканчивался. Менялось отношение ко всей тысячелетней истории страны, подчеркивались связность, непрерывность, преемственность русской истории, самостоятельность её политики, национальные интересы. Соотношение гражданской и революционной истории, представленной в учебниках, научных и периодических изданиях, резко меняется в пользу первой. (Отметим в скобках, что технологии манипулирования историческими символами, отрабатываемые в 20-е и отвергнутые, по существу, в 30-е гг., взяты, к сожалению, на вооружение современными средствами массовой информации).

30-е гг. в общественном сознании характеризовались «мироощущением оптимизма», стремлением преодолеть трудности, конструктивным подходом к решению социальных проблем и верой в созидательные силы личности. Межвоенные десятилетия отличаются таким парадоксом, как сочетание постепенной милитаризации экономической

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сферы и мироощущения оптимизма у подавляющей массы населения. Эти годы характеризовались стремлением преодолеть трудности, конструктивным подходом к решению социальных проблем, верой в созидательные силы личности и общества. Государственная поддержка сфер образования, науки и культуры, конкретная помощь деятелям искусства и литературы были направлены на формирование такого идеологического климата в стране, при котором росло и мужало новое молодое поколение, взвалившее на свои плечи основную тяжесть военных лет.

Наряду с учетом и критическим осмыслением всего того, что сделано в литературе по разработке разных аспектов исследуемой проблемы, научное отражение вопросов военной политики советского государства в 20 - 30-е гг. предполагает широкое использование документов и материалов отечественных государственных органов. Большая часть документальных материалов впервые вводится в диссертации в научный оборот. Отмеченное выше состояние историографии, в которой разработаны лишь отдельные, достаточно изолированные темы, предопределило необходимость обращения к материалам, хранящихся в архивах России: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Реформирование архивного дела в России в девяностые годы расширило доступ ученым к ранее закрытым документальным комплексам и способствовало активизации Росархива в деле публикации документов по истории России XX в., в том числе и по исследуемому нами периоду. В научный оборот введены новые формы справочно-информационных изданий с использованием современных технологий. Правда, издания порой отличаются друг от друга весьма существенно глубиной постижения публикуемых текстов документов.

Следует выделить прежде всего серию «Документы советской истории», которая издается под редакцией А.В. Квашонкина, А.Я. Лившина,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

О.В. Хлевнюка[93]. Из-за почти полного отсутствия стенограмм заседаний Политбюро, Оргбюро, секретариата, Совнаркома и других органов публикация серии в основном в виде переписки становится документальной основой для реконструкции процесса принятия решений, выяснения позиций различных ведомств, отдельных советских лидеров. Введение в научный оборот документов такого рода по исследуемому периоду позволило существенно уточнить представления о процессе формирования и развития военной политики, проблемах взаимоотношений государства и общества в условиях формирования и окончательного утверждения режима личной власти Сталина. Советские руководители поколения 30-х гг. предстают в свете опубликованных документов как технократы, ведомственники, а в политическом отношении – верные солдаты своего вождя. Именно этот слой руководителей во многом определял военную политику советского государства в последующие несколько десятилетий

Новые архивные документы позволяют по-новому взглянуть на многие аспекты европейской политики 30-х годов, сместить акценты в оценке международного развития в те годы. Появилась возможность использовать партийные в прошлом засекреченные документы. Они позволяют заглянуть на «кухню» высшего партийно-государственного руководства, которое формировало внешнюю политику страны и которому принадлежал решающий голос при принятии решений. Однако работа с партийными документами нуждается в определенных оговорках. Это обусловлено особым характером советской общественно-политической системы, в которой вопросы политики, тем более внешней, всегда были прерогативой И.В. Сталина. Его правая рука в делах внешней политики В.М. Молотов назвал Сталина «великим конспиратором» – из-за завесы

[93] Сталинское политбюро в 30-е годы. М., АИРО-XX, 1995. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927.М., РОССПЭН, 1997; Письма во власть. 1917-1927. М., РОССПЭН, 1998; Советское руководство. Переписка. 1928-1941. М., РОССПЭН, 1999.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

строжайшей секретности, которой он окружил свою деятельность[94]. Другой близкий к вождю деятель Н.С. Хрущев, вспоминал, что Сталин никого из членов Политбюро ЦК, за редчайшим исключением, не подпускал к решению ни военных, ни дипломатических вопросов[95]. Поэтому не случайно, что опубликованные в 1995 г. протоколы политбюро ЦК ВКП(б) за 30-е гг., весьма полезные в других отношениях, содержат так мало сведений по внешней политике[96].

Данный недостаток работы с партийными документами компенсируется привлечением новых важных материалв Архива внешней политики Российской Федерации, в частности, письма руководства НКИД в политбюро с предлагаемыми проектами решений. Но поскольку из подобных материалов выдаются исследователям только те, которые отбирает за них архивист, нет уверенности в том, что архивные возможности темы в этой ее части исчерпаны полностью.

Среди последних документальных публикаций, имеющих отношение к данной теме – переписка бывших дипломатов, которые находились на службе царского и Временного правительства, но после Октябрьской революции 1917 г. оказались в эмиграции в различных странах Европы, Азии, Америки. Они поддерживали вплоть до второй мировой войны постоянную переписку между собой, объединяющим центром их был Совет послов, образованный в 1921 г. российской эмиграцией в Париже. В 30-е гг. Совет возглавлял В.А. Маклаков, видный идеолог либерального движения в дореволюционной России. Особенно оживленную переписку он поддерживал со своими корреспондентами в Лондоне, Берлине, Белграде и других европейских столицах. Письма эти, которыми их авторы обменивались в строго конфиденциальном порядке, тем не менее становились (в копии) достоянием советской разведывательной службы на рубежом. Вышедшие из-

[94] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 84.
[95] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // Вопросы истории. 1990. №7. С. 84.
[96] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. док-тов. М., 1995.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

под пера дипломатов высокого профессионального уровня, они отличаются широким диапазоном затрагиваемых тем. Естественно, в центре внимания бывших царских дипломатов – послов и посланников, сохранявших связи с политическими и дипломатическими кругами страны пребывания (людей, таким образом, информированных), находился Советский Союз, его дипломатия. Не случайно, отмечается во вступлении к изданию, что их письма регулярно направлялись на ознакомление высшим советским руководителям, в том числе Сталину[97].

Важным источником исследования проблемы являлись документы политбюро ЦК ВКП(б), являвшегося по существу, высшим органом власти в СССР[98]. Никакие ведомства, включая внешнеполитические, оборонные, внешней торговли, не могли принимать решения без его санкции. Все документы политбюро оформляло как «особые» протоколы для ограниченного круга людей. Формулировки директив и указаний часто носили жесткий и откровенный характер. Все чаще высшая инстанция принимает решения значительно быстрее, чем раньше. Практика создания комиссии для подготовки и согласования вопросов осуществляется все реже и реже. Изучение секретных решений политбюро позволило сделать вывод о том, что усиление внимания развитию военно-промышленного комплекса в стране сопровождалось некоторым снижением внимания руководства к проблемам европейского региона. Несколько позже это разъяснил Сталин: «Наша ориентация в прошлом и наша ориентация в настоящее время направлена на СССР и только на СССР»[99]. Внутренние военные и оборонные проблемы вышли на первый план в деятельности сталинского руководства.

---

[97] Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов. 1934-1940. Сб. док. В двух книгах. Кн. 1(1934-1937) М., 1989. С. 6.

[98] Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Кватонкин, Х.П. Котелева, Л.А. Роговая, М., 1995; XVII Съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), М., 1939.

[99] Сталин И.В. Соч. Т. 1, М., 1951, С. 302.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Необходимо выделить труд О.В. Хлевнюка, в котором содержится глубокий анализ деятельности политбюро ЦК ВКП(б) в тридцатые годы[100]. Новые источники позволили подойти к новому осмыслению фактов. Архивные документы позволяют видеть, как в ожидании войны и в процессе подготовки к ней происходила деформация социально-экономической сферы, как менялась система управления страной, что в конечном итоге и привело к режиму личной власти Сталина. Феномен «омоложения населения» в годы после первой мировой и гражданской войн в значительной мере превратил революционно-романтическую юношескую увлеченность в определяющий фактор укрепления патерналистско-бюрократической системы. Ранее не опубликованные документы позволяют узнать реальную социально-психологическую атмосферу тех дней, поведение не только традиционных социальных слоев, но и, например, интеллигенции, восприятие ими военной доктрины советского государства. Все это позволяет определить научные подступы к анализу поведения масс в экстремальных ситуациях.

Понятно, что архивная принадлежность сама по себе не является доказательством достоверности и представительности источников, равно как и публикация в советских изданиях – не доказательство фальсификации документов. Критический анализ предшествовал использованию архивного материала. Широкий спектр привлекаемых источников позволяет говорить о их представительности для исследования данной темы.

В оценке достоверности документов важен и тот факт, что власть всегда нуждалась в правдивой информации для выработка политического курса, в том числе в военной сфере. Нуждалось в достоверной информации и сталинское Политбюро. Информация служебного пользования имела гриф секретности. Он, в принципе, не защищал документ от фальсификации, но массовый комплекс документов с грифом секретности, предназначенных для высшего руководства страны, давал гарантии достоверности если и не

[100] Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

каждой цифры, то общего содержания сведений. Подавляющее большинство документов, использованных в диссертации, шло под грифом секретности.

Однако и сами историки предприняли попытку (и она оказалась успешной) самостоятельно подойти к военной статистике, поскольку без знания ее порой трудно судить о качественных явлениях и изменениях. Снятие грифа секретности с многих архивных документов активизировало статистические исследования[101]. Статистика явилась своего рода оценкой военно-политических расчетов государственного руководства.

Важной группой источников являлись материалы периодической печати, которая в Советском Союзе всегда служила проводником решений партии и правительства. Особое значение для работы имела партийная периодическая печать. При этом учитывалось то, что на страницы газет и журналов попадали главным образом достижения. Негативная информация подавалась как «отдельные недостатки». Материалы периодической печати 30-х гг. использованы в комплексе с архивными документами, мемуарами, дневниками, воспоминаниями и другими источниками, подтверждающими информацию.

Опубликованные в последние годы обширные воспоминания бывших советских лидеров и записи бесед с ними[102] являются ценнейшими источниками если не политической истории советского общества, то хотя бы по изучению особенностей менталитета сталинского руководства. В 20-е гг. значительной части политической элиты не было свойственно стремление к всемирным масштабам, она предпочитала концентрироваться на конкретных, сиюминутных проблемах. О таком изоляционистском импульсе писал в письме И.В. Сталину Г.В. Чичерин. О позиции Калинина в отношении Афганистана он писал, что «мировой стык между СССР и Британской империи казался ему менее важным, чем Коломна и Бронницы. Вот

[101] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах., М., Военное издательство. 1993.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

национальная ограниченность. Проморгали. Проморгали. А какой козырь давала в руки история!»[103].

Эти материалы показывают, как в 30-е гг. у членов сталинского руководства складывался образ Запада как источника военной угрозы, влиявший на выработку военной политики СССР. Это поколение политических лидеров отличал своеобразный устойчивый психологический стереотип: не подвергался никакому сомнению факт военной угрозы стране, а потому – необходимость военной организации и дисциплины во всех социальных структурах. В мемуарах постоянно фигурирует терминология «вражеское окружение», «осажденная крепость», «вся страна – военный лагерь», «взведенный курок», «ощетиниться на весь мир», «режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму» и т.д. Для членов Политбюро ЦК ВКП(б) с декабря 1934 по март 1941 г., чаще всего не имевших законченного высшего образования, не владеющих иностранными языками, незнание и непонимание Запада было само собой разумеющимся. Из опубликованных материалов видно, как постепенно складывалась система, ограничившая доступ даже для многих членов политбюро к информации и механизму принятия важнейших внешнеполитических решений.

Из мемуаров Н.С. Хрущева видно, что он, будучи уже членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной Союзной республики – Украины, - практически не интересовался происходящим за границами СССР, а информацию этого рода черпал не столько из разведданных, сколько из обзоров западной прессы или разговоров с коллегами по Политбюро, определявшими внешнюю политику[104]. Нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов, напротив, возмущался тем, что он

---

[102] Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1996; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева// Вопросы истории, 1990-1994; Он же. Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола. М., 1993.

[103] Цит по: Соколов В.В. Неизвестный Г.В. Чичерин// Новая и новейшая история, 1994. № 2. С. 14.

[104] См: мемуары Никиты Сергеевича Хрущева// Вопросы истории. 1990. № 3. С. 70.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вынужден узнавать о крупных военных и политических событиях либо из сообщений ТАСС, либо из иностранных источников: «Если мне не доверяют, то я не могу быть на этой должности»[105].

Мемуары советских лидеров 30-х гг. показывают, как к середине 30-х гг. советское руководство, в отличие от широких масс населения, уже отказалось от иллюзий относительно поддержки западного пролетариата в случае войны против СССР. Необходимо отметить, что основного противника многие представители высшего советского руководства даже после прихода к власти в Германии Гитлера, видели в Англии, которая занимала у них особое место в представлениях о мире. Изучение выступлений, статей, бесед советских лидеров того времени показывают, что у них проявлялась склонность видеть «руку Лондона» во всех мировых и европейских кризисах, недооценивая тем самым фашистскую опасность даже после 1933 г.

Среди мемуаров выделяется комплекс мемуаров, написанных людьми принимавшими непосредственное участие в формировании военной политики и условий для её реализации[106]. Специфику взаимоотношений внутри правящей сталинской элиты, между политиками, дипломатами, военными высшего уровня, которые по-разному воспринимали и интерпретировали угрозу войны, раскрывают воспоминания советских дипломатов предвоенного периода[107]. Личные воспоминания участников событий, при всей их понятной субъективности, позволяют увидеть новые грани процесса разработки, принятия и осуществления решений по

---

[105] Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1995. С. 47.

[106] Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999; Бармин А. Соколы Троцкого. М., 1997; Троцкий Л. История Русской революции. М., 1997; Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990; Яковлев А.С. Цель жизни. 2-е изд. М., 1968; Красиков С. Возле вождей. М., 1997; Майский И.М. Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967; Байков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998; Громыко А.А. Андрей Громыко, В лабиринтах Кремля: воспоминания и размышления сына. М., 1997; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 20-е годы. М., 1994; Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991; Его же. Так говорил Каганович. М., 1992; Пять «вольных писем» в.и. Вернадского сыну. Русская наука в 1929 г.// Минувшее. М., 1992 т. 7; Филиппов К.И. Немного о прошлом: мемуары Зам. нар. Комиссара путей сообщения СССР в 1938-1942 гг., М., 1997

[107] Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. Вып. 1. М., 1997; вып. 2. М., 1999; Литвинов М.М. В борьбе за мир. М., 1938.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

обеспечению национальной безопасности страны, практической деятельности руководства страны по предотвращению новой мировой войны на основе принципов коллективной безопасности. Изучение мемуаров позволяет особо выделить воспоминания кадровых сотрудников советской разведки, выполнявших за рубежом как представительские, так и чисто разведывательные функции. Заостренность восприятия событий, аналитическая и прогностическая работа советских легальных и нелегальных военных служб во многих случаях являлись более глубокими и прагматичными, чем у кадровых гражданских дипломатов[108].

Таким образом, специальная литература, отражающая различные вопросы советской военной политики, а также особенности охарактеризованных источников (их достоверный характер и объективность, а также возможность проведения взаимной проверки), позволяют достичь высокого уровня научности нашего исследования, адекватности отражения в нем основных вопросов изучаемой проблемы.

[108] См.: Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти томах. Т.2. 1917-1933 г.г. М.: Международные отношения. 1996; т.3. 1933-1941. М. 1997.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел II. Особенности геополитического положения СССР в 20 - 30-е гг.

Геополитическое положение нашей страны в тот или иной период ее истории всегда накрепко связано с вопросами экономической, социальной, идейно-культурной политики, накладывает отчетливый отпечаток на специфику производственных отношений в целом и в промышленном секторе в особенности.

Военное производство всегда занимало видное, и даже особое место в истории России. Для постоянной борьбы с нашествиями с Востока, набегами с Юга и нападениями с Запада, для расширения и поддержания мира в самой огромной стране с имперским содержанием и обликом постоянно требовалось большое войско. На него тратилась значительная часть валового национального продукта. Многочисленные войны и мощный военный аппарат оказывали постоянное влияние на состояние всего российского общества и его экономику.

При этом сказывалось евразийское расположение Руси - ее огромная территория и большое население, необычная многонациональность и завидное богатство природных ресурсов. Соседство с Западом и Востоком, переплетение сходных и разнящих их черт создавали ту многоликую специфику, которая определяла особый путь развития страны. Та же специфика породила существование разных способов производства, смешанную многоукладную экономику, элементы которой не просто соседствовали, но и плодотворно взаимодействовали.

Восточный характер производства и жизни характеризовался преобладающей ролью государства в обеспечении контроля и распределения богатств, мощным бюрократическим аппаратом, жесткой централизацией, крупными общественными работами, а также экстенсивным путем развития, базирующимся на большом количестве рабочей силы и обильных природных

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ресурсах. Влияние же Запада содействовало межукладной товарности, передовой технической оснащенности, интенсификации и наукоемкости производства, умножаемой природной сметливостью и изобретательностью народа. Вместе взятое это обрекало Россию на своеобразное аккумулируемое мессианство огромной части евразийского материка.

XX век чрезвычайно динамичен в плане российской геополитики. Но после II мировой войны наступил период относительной стабильности. Совсем недавно политический мир планеты был устроен сравнительно просто: его биполярное поле определяли две «суперсилы» – СССР и США, которые находились в состоянии «холодной войны». На протяжении более чем четырех десятилетий советско-американское противоборство определяло характер мировой политики, было центральной осью системы международных отношений.

Главным политическим событием последнего десятилетия XX века для всего мира стал распад СССР. Кардинально изменилось геополитическое положение России. Наиболее крупным геополитическим образованием на постсоветском пространстве оказалась Российская Федерация. Ее культурные ориентиры смутны, политический режим нестабилен. На нее «давят», с одной стороны промышленно развитые страны, с другой – страны экономически слабые, но сильные своим демографическим ростом. При этом России по-прежнему принадлежит в современном мире особая роль. Она охватывает наиболее крупную континентальную часть планеты, которой всем ходом мировой истории отведена роль баланса сил между цивилизациями Востока и Запада. Это – особый географический и исторический мир, отдельный как от Европы, так и от Азии. Даже после утраты 5,3 млн. кв. км территории Российская Федерация занимает 12% суши Земли. Причем половина этой площади не подвержена антропогенной или техногенной нагрузке. Россия содержит 15% всех практически нетронутых деятельностью

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

человека земель, 46% мировой площади внетропических лесов, а проживает на этом пространстве 2,7% населения планеты, причем с высоким образовательным уровнем.

Современное геополитическое положение России, ее размеры, потенциальные богатства являются сильнейшим раздражителем мирового сообщества. Стране постоянно указывают на нерадивость и бесхозяйственность в использовании пространств и ресурсов; звучат заявления, что густонаселенные страны планеты имеют на них свои права. Муссируются экономические проблемы, ставится вопрос об ограничении прав государств, неспособных распорядиться выпавшими на их долю природными богатствами. При этом почему-то забывают, что Россия, раскинувшаяся на два континента и граничащая с полутора десятками стран, не может быть таким «нормальным» государством, как, скажем, Голландия, сравнимая с ней сегодня по размерам валового внутреннего продукта.

Мировая политика на сегодня такова, что военный потенциал многих стран, исповедующих подобные воззрения на геополитическое положение РФ, стягивается к ее границам. И к востоку, и к Западу от России сосредоточены большие группировки численностью до 4 млн. человек. Вблизи границ находится 530 дивизий с самой современной техникой и вооружениями[1]. США, по-прежнему активно и даже агрессивно претендуя на роль мирового лидера, рвутся принимать участие во внутренней политике России, руководствуясь собственными соображениями и ценностями. В документе «Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии» американским вооруженным силам отводится важнейшая роль в создании и укреплении коалиции государств и формировании выгодной для Соединенных Штатов международной обстановки, обеспечении «демократических реформ» в посткоммунистических странах. «Мы, –

[1] См.: Серебрянников В.В. Армия в меняющемся мире // Свободная мысль. 1998. № 2. С. 24.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

говорится в докладе президента США Конгрессу о национальной безопасности в XXI веке, – сохраним в Европе группировку вооруженных сил США численностью примерно в 100 тыс. человек для сохранения американского влияния и обеспечения лидирующих позиций НАТО, поддержания жизненно важных для нас трансатлантических связей, наглядности фактора сдерживания, реагирования на кризисы, обеспечения региональной стабильности».[2]

Инфраструктура НАТО по-прежнему ориентирована в восточном направлении. Растут военные приготовления в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Россия сегодня стала объектом территориальных притязаний чуть ли не по всему периметру ее границ. Норвегия ведет разговоры о разграничении Баренцева моря, с Финляндией – противоречия по проблемам карелов, саамов, коми и вепсов; муссируются темы статуса Калининграда под протекторатом Германии, Польши и Литвы, «Великого Турана» – турецкого государства, претендующего на территорию от Крыма и Чувашии до Тувы и Якутии; напряженность на Дальнем Востоке создает так называемая проблема «северных территорий». По словам директора Федеральной погранслужбы РФ К. Тоцкого, «из всех наших соседей каких-либо территориальных претензий – официальных или неофициальных – не предъявляет, кажется, только Белоруссия».[3]

При участии вездесущих США все эти претензии сводятся воедино, России прямо или косвенно указывается на ее место в новой геополитической ситуации[4]. При ближайшем рассмотрении речь фактически ведется об отторжении порядка 40% современной российской территории. И та степень откровенности, до которой до самого последнего времени велись

---

[2] Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии. М., 1997. С. 36.
[3] Известия. 1999. 21 января.
[4] См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1997; Гарнетт Ш. Медведь, застрявший в Великой тесноте, или Ограничения российской мощи // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

все эти разговоры, свидетельствует о том, что на Западе политическую волю недавнего руководства РФ, готовность ее вооруженных сил к отстаиванию территориальной целостности страны оценивали крайне низко.

Россия еще остается и по инерции какое-то время может оставаться мощной военной державой. Она унаследовала более 85% советских вооруженных сил и около 60% экономики СССР. Но затяжной экономический и политический кризис, усиленный «обвалом» 17 августа 1998 г. привели к тому, что у РФ остается только порядка 25-26% советского ВВП[5]. Возникают гигантские «ножницы» между нынешней экономической базой России и унаследованными ею вооруженными силами. В условиях нынешнего экономического и политического режима страна не в состоянии достойно содержать свою армию. Военная политика за годы реформ привела к такой «обороноспособности», которая не могла не породить всех тех толков на мировой политической арене, о которых упоминалось выше.

Потребуется немало времени, пока Российская Федерация обретет прежнюю силу и мощь, сумеет с достоинством отстаивать национальные интересы. У нынешней России две возможности: либо потеря статуса великой державы и превращение во второстепенную страну на мировой политической карте (хотя и достаточно богатую ресурсами), либо выживание как великой державы. Последнее неизбежно потребует серьезной корректировки внутренней парадигмы развития страны и очень большой политической воли руководства. Не бывает возвышения страны без национального достоинства, без идеи, способной сплотить политическое руководство и народ в этом неимоверно напряженном, но совершенно необходимом усилии. Недавнее политическое руководство страны ни в коем случае не отражало душу общества, его чаяния и стремления, не отражало

[5] См.: Рогов С. Россия и США на пороге XXI века // Свободная мысль. 1997, апрель. С. 138.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

объективного вектора развития страны в современном мире. Именно пророссийской политике стране пока не хватает.

В свете сказанного большую важность приобретает фактор истории, необходимость скорректировать, уточнить представления о том, каким образом СССР на разных этапах своей истории приобретал статус сверхдержавы на международной арене, отстаивал национальные интересы, проводил свою линию в мировой политике.

В 20 - 30-е гг. в геополитическом положении России-СССР особую роль играло соседство с Германией на Западе и с Японией на Востоке. Это находило свое отражение и в метаморфозах внутренней политики в стране в этот период, и в поворотах экономической стратегии советского руководства, и в содержании идейно-политических доктрин, подпиравших эту политику. А на взаимоотношения нашей страны с этими державами, в свою очередь, мощное влияние оказывала та расстановка политических сил, которая сложилась после первой мировой войны, когда само появление Советской России, способ выхода ее из войны и неимоверные усилия (экономические, политические, дипломатические) по сохранению территориальной целостности явились сильнейшим раздражителем для ведущих держав.

Уже на Парижской конференции в 1919 г. при решении вопросов послевоенного устройства начали разрабатываться перспективные планы будущих антисоветских кампаний. У. Черчилль в своих воспоминаниях писал: «Трое государственных людей (американский президент Вильсон, премьер Англии Ллойд-Джордж и французский премьер Клемансо – авт.), занятых разработкой послевоенного устройства, и, прежде всего обсуждением «русского вопроса», пришли к следующему выводу: несомненно, покорить Россию в материальном отношении вполне возможно, но в моральном отношении это слишком ответственная задача, чтобы ее могли выполнить одни лишь победители. Осуществить ее мы можем лишь с

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

помощью Германии». Сделав этот вывод, «трое государственных людей» приняли следующее решение: «Германию нужно приглашать помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы».[6]

21 августа 1919 г. страны Антанты призвали германское правительство участвовать в блокаде Советской России. 20 октября 1919 г. советский нарком иностранных дел Г.В. Чичерин послал в Берлин ноту протеста с предупреждением о том, что в случае участия Германии в блокаде России в какой бы то ни было форме советское правительство будет рассматривать это как «сознательно враждебные действия». Нота гласила: «Советское правительство надеется, что германское правительство ответит на глубоко несправедливое требование держав Согласия решительным отказом». На заседании Национального собрания Германии 24 октября 1919 г. депутаты от трех партий отклонили требование Антанты. Большинство депутатов были сторонниками союза с Россией, несмотря на очень непростое в целом отношение к большевистскому режиму.

Международное положение Советской России и Германии в начале 20-х гг. было до известной степени схожим: в обеих странах первая мировая война вызвала глубокие революционные изменения, приведшие к свержению монархических режимов и провозглашению республиканских форм правления; обе страны оказались во внешнеполитической изоляции и какое-то время были как бы вне «клуба» великих держав. Выход из изоляции Москва и Берлин, в конце концов, нашли в союзе друг с другом. Наличие общих врагов стало побудительной причиной советско-германского сближения, временами, казалось, перераставшего в прочный альянс, которого опасался весь мир. В конечном счете, именно ориентация Советской России и Веймарской Германии друг на друга обусловила их включение в мировую политику.

---

[6] У. Черчилль. Мировой кризис: Перевод с англ. М.-Л., 1932. С. 6.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Безусловно, катализатором советско-германского сближения стали неприемлемые для Германии условия Версальского мирного договора, а также агрессивность Польши, притязания которой к соседям активно поддерживали бывшие союзники России по войне Франции и Англии. В 1920 г. резкое обострение германо-польских споров по территориальным вопросам едва не переросло в вооруженный конфликт (Верхняя Силезия, Восточная Пруссия). Кризис в советско-польских отношениях в апреле 1920 г. привел к войне. 25 апреля польские войска без объявления войны двинулись на Восток (при одновременном наступлении с юга белогвардейских войск барона Врангеля). Довольно быстро заняв значительные территории Украины, Белоруссии, Литвы, поляки в июне-июле получили мощный отпор частей Красной Армии под командованием М.Н. Тухачевского, которые к концу июня освободили все захваченные территории, а в июле вступили в Восточную Галицию.

Проходивший в июле-августе в Москве II конгресс Коминтерна занял однозначную позицию по отношению к этой войне, которая отчетливо отражена в выступлении представителя социал-демократической партии Германии: «Как раз в настоящий момент русские войска приближаются все больше и больше к Варшаве. Здесь в Польше впервые русские войска встретятся лицом к лицу с европейским империализмом... Здесь придется померяться силами, и здесь европейскому пролетариату придется показать, насколько он это сознает и в состоянии бить в Польше не только польскую буржуазию, но и европейский капитализм, бить его и бить, пока он не будет сломан. Это будет первым звеном общего выступления, в котором пролетариату всех стран придется принимать активное участие». После этого выступления было единодушно принято воззвание «Пролетариям и пролетаркам всех стран», в котором говорилось: «Под мощными ударами Красной Армии русских рабочих и крестьян падает белогвардейская Польша,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

твердыня мировой реакции. То, чего пламенно желали все революционные рабочие и работницы всего мира, свершилось».[7]

Германское правительство объявило 20 июля 1920 г. о своем полном нейтралитете в советско-польской войне. При этом с его стороны была предпринята попытка извлечь из ситуации победоносного наступления Красной Армии существенную пользу для своего военно-политического положения. На конференции в Спа, проходившей 5-16 июля 1920 г., германский канцлер К. Ференбах пытался под предлогом борьбы с большевизмом убедить премьеров стран Антанты в целесообразности наличия у Германии рейхсвера в 200 тыс. человек, а не в 100 тыс., как предписывалось Версальским договором, хотя и безуспешно. Тем не менее, в отношении России нейтралитет Германии был благожелательным. Был объявлен запрет о транзите оружия Францией через Германию в Польшу; в вольном городе Данциге докеры отказывались разгружать суда, груженные французским оружием для Польши; сотни и тысячи немецких добровольцев сражались в рядах Красной Армии против войск Пилсудского. 10 августа 1920 г. на заседании Политбюро ЦК большевистской партии было принято решение о направлении на западный фронт, на немецкую границу «около ста немецких коммунистов, годных к советской и пропагандистской работе».[8]

В это время в Германии, особенно в националистически настроенном армейском руководстве усиливаются настроения в пользу «восточной ориентации» и военного союза с «советским большевизмом». В случае победа Советской России над Польшей (но не ранее) главнокомандующий рейхсвером генерал-полковник Х. фон Зект (которому предстояло сыграть особую роль в сближении Германии и России в 20-е гг.) призывал объединиться с Советской Россией с целью ликвидации позорных для

[7] См.: 2-й конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1924. С. 41-48.
[8] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 101. Л. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Германии условий Версальского договора и восстановления общей границы между Германией и Россией на возможно более длинном протяжении[9]. И хотя тогда среди влиятельной части германского генералитета были весьма сильны настроения в пользу союза с Антантой против Советской России, тем не менее, как справедливо отмечал В.И. Ленин, «когда русские войска подходили к Варшаве, вся Германия кипела».[10]

Войну с Польшей Советская Россия проиграла. Спасаясь от преследования польских легионеров, отдельные части Красной Армии переходили германскую границу в Восточной Пруссии, где они сдавались местным властям. России пришлось подписать 12 октября 1920 г. прелиминарный Рижский мирный договор, закрепивший за Польшей западные украинские и белорусские земли. 18 марта в Риге был подписан мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, закрепивший положения прелиминарного договора. Советские неудачи на польском фронте привели к тому, что в определенных политических кругах Германии стали сходить на нет идея восточной ориентации и мечты о совместном с Россией выступлении против Франции. Немецкая политика осуществляла очередное колебание в сторону Антанты, причем, как свидетельствуют документы, польский фактор довлел над обеими сторонами партнерства Россия-Германия вплоть до начала второй мировой войны.

В октябре 1921 г. в Брюсселе проходила конференция представителей Англии, Франции, Бельгии, Японии, Италии, Германии и других стран. В связи с голодом в Поволжье участники конференции выдвинули предложение помочь голодающим, выдвинув в качестве условия признание советским правительством всех довоенных и военных долгов. Москва,

[9] Архив внешней политики (АВП) РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 87. Д. 50123. Л. 6.
[10] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

почувствовав колебание Германии, ответила едкой статьей К. Радека «Советско-германские отношения», где, в частности, говорилось: «Если Германия не в состоянии противостоять союзникам, – а что она не в состоянии это сделать, понимают все, – то все же каждый германский политический деятель должен соображать, что чем сильнее, чем прочнее будет позиция Германии по отношению к России, тем больше союзникам придется считаться с Германией. Германия стоит перед этой задачей со времени своего поражения и решает ее так, что можно подумать, что хотя всех коров вывезли во Францию, все ослы остались в германском министерстве иностранных дел»[11].

В январе 1922 г. после того, как правительство Советской России выразило готовность вести переговоры об уплате части военных долгов в обмен на предоставление ему кредитов и признание легитимности советского правительства, странами Антанты велась подготовка к проведению экономической конференции европейских держав в Генуе с участием Германии, Австрии, Венгрии, Болгарии и Советской России. 16 января В.И. Ленин предложил провести с немцами личные переговоры в Берлине и в Москве о политической линии на конференции в Генуе. Как раз в это время компания Круппа предложила организовать концессию на эксплуатацию 50 тыс. десятин земли в России «для ведения рационального сельского хозяйства», и Ленин настоял на принятии этого предложения: «Принять предложение Круппа для нас необходимо именно теперь, перед Генуэзской конференцией. ...Бесконечно важно заключить хоть один, а еще лучше несколько договоров именно с немецкими фирмами»[12]. Тремя днями позже Ленин «по соображениям не только экономическим, но и политическим» потребовал заключения еще одной концессии с немцами в

[11] Правда. 1921, 15 октября.
[12] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 117.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Грозном, подчеркнув при этом: «Необходимо действовать быстро, чтобы до Генуи иметь позитивные результаты»[13].

В начале апреля 1922 г. советская делегация во главе с Г.В. Чичериным вела переговоры в Берлине с целью заключения договора о полной нормализации отношений с Германией. Затрагивались и вопросы военного сотрудничества. На открывшейся 10 апреля конференции в Генуе ситуация сложилась таким образом, что единственно приемлемым выходом для обеих сторон оказалось заключение 16 апреля в итальянской городке Рапалло советско-германского договора, известного как Рапалльский договор. Стороны взаимно отказывались от всяких финансовых претензий друг к другу. Для России это означало отказ от претензий на репарации с Германии. Был особо оговорен наиболее острый вопрос в тогдашних советско-германских отношениях: Германия отказывалась от претензий на возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, а также развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования. Общепризнанно, что договор не содержал никаких тайных договоренностей о военном союзе, однако его текст предполагал большие возможности в области военно-промышленного сотрудничества.

Рапалльский договор внес существенные изменения в политическую ситуацию с мире. Он означал прорыв международной изоляции, как Советской России, так и Веймарской Германии, содействовал восстановлению их международного положения. Благодаря Рапалльскому договору была создана уникальная атмосфера для советско-германского

[13] Там же. С. 139-140.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сближения. Обе страны первыми после войны признали друг друга в качестве равноправных партнеров. Эти «парии Европы», пытаясь выжить, вынуждены были пойти на широкомасштабное военно-экономическое сотрудничество, которое в период расцвета рапалльской политики по существу являло собой негласный военно-политический союз. Питали его идеи реванша, с одной стороны, и идеи мировой революции, с другой стороны. Правда, ни та, ни другая сторона так и не решились до конца формализовать свои почти союзнические отношения, прекрасно понимая силу и слабости своего альянса. И Москва, и Берлин предельно цинично рассматривали свои взаимоотношения в качестве средства для достижения собственных целей и отлично представляли себе побудительные мотивы другой стороны. Поэтому их отношения с течением времени постоянно эволюционировали в сторону от почти союзнических к сбалансированию взаимных интересов, поиску иных политических союзников, диверсификации своих политических, военно-промышленных и экономических связей. Это были вынужденные и в то же время логичные политические шаги – и Германия, и Россия возвращались в мировую политику.

Интенсивное советско-германское военное сотрудничество являлось не только постоянным фактором, но по существу каркасом всей рапалльской политики, составляя ее суть. Советско-германские военно-технические контакты начались еще до подписания Рапалльского договора и являлись своеобразным политическим козырем, ориентиром для этих двух держав, оказавшихся на какое-то время на обочине мировой политики. Это сотрудничество было обоюдовыгодным. Советской стороне оно помогло создать мощный военно-промышленный комплекс, улучшить вооруженность Красной Армии и квалификацию ее комсостава, а Германии, ограниченной Версальским договором, – осуществлять подготовку военных кадров и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

производство вооружений. Однако значимость этого сотрудничества выходит далеко за рамки чисто утилитарных интересов военных ведомств.

Интенсивные личные контакты военных руководителей и высших офицеров, а также высокопоставленных дипломатов СССР и Германии создали в обеих странах мощное лобби, выступавшее в поддержку укрепления дружбы между Советским Союзом и Веймарской Германией. В условиях экономического восстановления Германии за счет западных кредитов и займов (по «плану Дауэса» от 1924 г. и «плану Юнга» от 1929 г.), роста прозападных настроений в Германии, именно наличие там просоветского лобби в значительной мере удерживало Германию в русле «восточной ориентации». В СССР к прогерманскому лобби относилось практически все высшее политическое и военное руководство страны, причем самыми крупными лоббистами были Ленин и Сталин.

В 1922-1926 гг. была заложена широкая договорно-правовая база двустороннего сотрудничества, происходило становление его параметров. Этот же период явился и пиком в развитии двусторонних отношений. Когда в правящих кругах Германии стали нарастать настроения за вступление в Лигу Наций, о чем в Москве стало известно уже с лета 1923 г., советская дипломатия предприняла ряд шагов для предотвращения возможности присоединения важнейшего стратегического партнера к санкциям против Советской России. По линии НКИД предлагались варианты совместного давления на Польшу с целью возвращения Германии Верхней Силезии. 25 декабря 1924 г. советское правительство предложило немецкой стороне заключить двустороннее политическое соглашение на основе взаимных обязательств «не вступать ни в политические, ни в экономические блоки, договоры, соглашения или комбинации с третьими державами против другой договаривающейся стороны» и координировать свои действия по вопросу о

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вступлении в Лигу Наций[14]. Берлин тогда отмолчался. Политика советской стороны, направленная на удержание Германии в русле «восточной ориентации» путем искусственного поддержания взрывоопасной ситуации, основанной на слепой вражде к Польше, несла смертельный риск для самого существования Веймарской Республики. Поэтому советские предложения по выработке «совместного подхода к польскому вопросу» (1924-1925гг.) наталкивались в Берлине на неприятие.

Однако еще до того, как был подписан заключительный протокол Локарнской конференции, закрепляющий территориальный статус-кво в Европе и открывающий Германии путь в Лигу Наций, 12 октября 1925 г. в Москве был подписан договор между СССР и Германией, открывший широкие возможности для использования преимуществ партнерства с Германией в новой европейской геополитической ситуации. Усилия советской дипломатии удержать Германию от вступления в Лигу Наций провалились, вынудив теперь уже Советский Союз к диверсификации своих внешних связей.

Лишь 8 сентября 1926 г. седьмая сессия Ассамблеи Лиги Наций приняла решение о принятии Германии в Лигу с предоставлением ей постоянного места в Совете Лиги. А 24 апреля в Берлине состоялось подписание советско-германского договора, в котором подтверждалось, что основой двусторонних отношений является Рапалльский договор, подчеркивалось, что ни одна из договаривающихся держав не будет примыкать к коалициям третьих стран с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту другую договаривающуюся сторону[15]. В приложении к договору говорилось, что принадлежность Германии к Лиге Наций не может быть препятствием к дружественному развитию отношений

[14] См.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. С. 785.
[15] См.: Там же. С. 250-252.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

между Германией и СССР. Германская сторона заявляла, что вопрос о применении санкций против СССР может встать лишь в том случае, если СССР начнет наступательную войну против третьей державы. Определение того, является ли СССР нападающей стороной, могло быть произведено в Лиге Наций только с согласия Германии. Германская сторона всеми силами старалась как-то «подсластить пилюлю» – именно таков подтекст Московского от 12 октября 1925 г. и Берлинского от 24 апреля 1926 г. договоров. Они явились компенсацией советской стороне за сохранение и продолжение военного сотрудничества.

Своеобразным рубежом в развитии отношений между двумя странами явились события конца 1926 г. - начала 1927 гг.: скандал вокруг «Юнкерса» и «гранатовая афера», когда в английской («Манчестер Гардиан») и немецкой прессе поднялась волна разоблачений по поводу длительного сотрудничества между советским правительством и руководством рейхсвера в обход германского правительства и международно-правовых обязательств Германии, направленного на развитие производства новейших вооружений. Скандал стоил отставки немецкому кабинету канцлера В. Маркса, за которую проголосовали социал-демократы, коммунисты и национал-социалисты. Советской печати пришлось оправдываться, иной раз в несколько истерическом тоне, косвенно подтверждая справедливость разоблачений[16].

Эти события, равно как и «германский Октябрь» 1923 г. (действия Советского Союза и Коминтерна по организации «октябрьского переворота» в Германии в 1923 г., послужившие тревожным звонком для германских политиков), «План Дауэса», Локарнские соглашения, прием Германии в Лигу наций, а также геополитическое положение Германии предопределили ее постепенный отход от односторонней «восточной ориентации». Все это определило границы сближения Москвы и Берлина, дальнейшего развития

[16] См.: Правда. 1926, 16 декабря; 1927. 4, 5 января.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

германо-советских отношений в 1927-1932 гг. Исключительное значение взаимоотношений в постепенным включением обеих сторон в мировую политику пошло на убыль. Начался поиск иных союзников. Отношения из разряда «особых» стали переходить в разряд «обычных», и «особость» в какой-то мере продолжала сохраняться лишь в области военного и военно-технического сотрудничества. Переориентация Германии с Востока на Запад, являясь своеобразной балансировкой отношений, не означая резкого ее отказа от рапалльской политики.

Берлин и Москва, дойдя до естественных границ в своих отношениях, стали со второй половины 20-х гг. использовать фактор военных связей как средство политического давления в отношениях со странами Антанты, существенно ограничив при этом возможности своих военных кругов вмешиваться в политику. Умело блефуя и допуская некоторую утечку информации, они к концу 20-х – началу 30-х гг. сумели включиться в мировую политику, по существу не отступив от своих стратегических задач.

Этим объясняется сохранение мощного просоветского лобби в Берлине (и прогерманского в Москве). И все это дает ключ к пониманию как резкого разрыва военно-технических связей в 1933 г., так и не менее резкого и бурного наращивания двустороннего военно-экономического взаимодействия в 1939-1940 г. после подписания 23 августа 1939 г. договора о ненападении, известного как «пакт Молотова-Риббентропа», а также как «пакт Гитлера-Сталина».

Спад в советско-германских отношениях наметился в начале 30-х годов. Окончательный же разрыв рапалльской линии произошел после прихода к власти в Германии нацистов, однако он связан не столько с самим этим фактом, сколько с желанием Сталина «проучить» Гитлера, показать ему, что без «восточной опоры» внешняя политика Германии станет чрезвычайно уязвимой. Но здесь Сталин просчитался: того задела, что был

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

создан рейхсвером в предыдущие годы, хватило для создания мощного вермахта.

Москва же, поняв, что «дважды в одну реку не входят», вынуждена была искать альтернативного партнера. Некоторое время казалось, что им станет Франция, тогда злейший враг Германии. На том же основании определенные надежды возлагались на Польшу. Была предпринята политическая попытка в одночасье предать забвению весь рапалльский период советско-германских отношений. Германия стала однозначно рассматриваться в качестве врага. Основой внешнеполитических действий советского руководства в отношении Германии в течение всего последующего периода (1933-1939 гг.) вплоть до мая 1939 г. стал принцип «Враг моего врага – мой друг». В итоге представители прогерманского лобби в советском руководстве попали в тяжелое положение, и это при том, что большинство их германских коллег занимали руководящие посты до 1938 г., когда Гитлер провел основательную чистку германского генералитета. Сталину же во время «большой чистки» 1937-1938 гг., в ходе которой были расстреляны и репрессированы многие военные руководители и видные политические деятели, также очень кстати пришлись документы о военно-техническом сотрудничестве с Германией[17].

Но военные отношения не закончились в 1933 г. Германский военный атташе Хартман в сентябре 1933 г. не случайно употребил формулировку, что закончился период советско-германского военного сотрудничества «в его нынешних формах». Оно продолжалось и в пострапалльский период. Сохранялись и поддерживались официальные контакты офицеров РККА с офицерами рейхсвера, в Германии по-прежнему осуществлялись закупки военных образцов и лицензий.

[17] См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 53-60; Правда. 1938, 3, 4, 5, 6 марта.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

И не случайно в мире с затаенным дыханием следили за развитием советско-германского диалога 1939-1941 гг., когда «пакт Молотова-Риббентропа», новая дружба, «реанимация Рапалло», казалось, неразрывно связали Москву и Берлин. Сближение и на этот раз набирало обороты в основном по военной и военно-политической линии: ликвидация Польши, совместный парад в Бресте, передача военных секретов и технологий, поставки образцов вооружений и стратегического сырья.

К середине 20-х гг. антисоветизм в политике ведущих европейских держав резко возрастает, чему в немалой степени способствуют экономические трудности этих стран: систематическая недогрузка производства, ограниченная емкость внутренних рынков вследствие высокой безработицы и невысокой покупательной способности населения. Все эти факторы, в конце концов, мощно сработали, обусловив жесточайший мировой экономический кризис 1929-1933 гг., который, в свою очередь, сыграл одну из ведущих ролей в формировании геополитической ситуации на планете в 1930-е гг. Однако уже к середине 20-х гг., когда важность внешних рынков для ведущих западных держав ощущается весьма отчетливо, выпадение России из мировой капиталистической системы хозяйства, ее «обособленность», вызывает резко отрицательную политическую реакцию. Больше всего в антисоветизме преуспевает английская дипломатия.

В феврале 1925 г. министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен составил секретную записку к Локарнской конференции, в которой отмечал, что Советская Россия «нависла, как грозовая туча над восточным горизонтом Европы – угрожающая, не поддающаяся отчету, но прежде всего обособленная.» Он предлагал «определить политику безопасности вопреки России и даже, пожалуй, из-за России».[18] Такова была

[18] Локарнская конференция 1925 г.. Документы. М., 1959. С. 43.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

суть предлагаемой Британией «политики безопасности», которую итальянский премьер дополнил идеей «санитарного кордона» вокруг России, а премьер Франции – предложением создать «железный занавес».

Между тем тугой узел экономических и политических противоречий завязывается в регионе Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. Интерес промышленно развитого Запада к богатым сырьевым и людским ресурсам региона подстегнул мировой экономический кризис. Американские монополии теснили здесь своих европейских конкурентов. Но у динамично развивавшейся Японии был здесь свой интерес. Уязвимым местом японской экономики была недостаточная сырьевая база: отсутствие собственной железной руды, цветных металлов, нефти, хлопка и т.д. Собственным производством Япония удовлетворяла лишь 58% потребности в чугуне и 76% в стали. Война же приносила большие прибыли. С конца 1914 г. по 1920 г. число японских фабрик и заводов увеличилось с 32 тыс. до 46 тыс., объем производства в машиностроении возрос в 8 раз, в металлургии – в 6,5 раз.[19]

В предшествующие десятилетия война и колониальные захваты становятся обычным делом для Японии. Кратковременные передышки между войнами служили главным образом для ликвидации последствий предыдущей войны и подготовки следующей. В.И. Ленин не без основания отмечал, что японский капитал опирается не только на свое экономическое могущество, но и на грабеж экономически слабых соседей.[20] Масштабы войн с каждым разом все возрастают, что обусловливает значительную роль милитаризма в жизни государства, его влияние на внешнюю и внутреннюю политику.

Мировой экономический кризис тяжело сказался на экономике Японии. Резко сократились объемы производства в добывающей и тяжелой

[19] История войны на Тихом океане. Т. 1. Агрессия в Манчжурии: Перевод с япон. М., 1957. С. 27.
[20] См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 174.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

промышленности. Особенно сильно пострадала внешняя торговля: в 1930 г. японский экспорт упал на 31% по сравнению с 1929 г., а в 1931 г. – на 22% по сравнению с 1930 г.[21] Выход из такого положения виделся в подготовке и развязывании новой войны. Как известно, на Вашингтонской конференции 1921-1922 гг. японские интересы в Китае были сильно потеснены претензиями ряда европейских стран, прежде всего Англии и Франции, а также США. Тем не менее, Япония продолжает в Китае традиционную экспансию, используя его политическую раздробленность и военные междоусобицы.

Это не могло не привести к прямому столкновению с интересами Англии, Франции и США. Американские монополии к концу 20-х гг. прочно утвердились в Северо-Восточном Китае, где японские позиции были традиционно прочны. Наращивая объемы торговли в этом регионе, Соединенные Штаты значительно опередили Англию по этому показателю. Они уверенно движется к установлению своего экономического господства во всем Китае. По словам председателя американской торговой палаты в Шанхае, «Америка крайне нуждается в значительно более широком выходе для ее продукции... Мы должны сделать все от нас зависящее для сохранения и расширения доли Америки в этом грандиозном потенциальном рынке Азии».[22]

Япония уступала США в экономической мощи, однако задача в Китае ее правящим кругам виделась аналогичная. Поэтому политическая верхушка страны стала склоняться к решению этой стратегической задачи традиционным для себя методом – недостаток экономических возможностей компенсировать военной силой. Основное внимание при этом уделялось Северо-Восточному Китаю, который потенциально рассматривался и как

[21] См.: Севастьянов Г.Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке. 1931-1939. М., 1953. С. 69.
[22] См.: Правда. 1928, 4 апреля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мощная сырьевая база, и как прекрасный плацдарм для дальнейшей экспансии в Китай и нападения на СССР. 7 июля 1927 г. премьер-министр Танака изложил только что вступившему на престол императору Хирохито программу-максимум японской внешней экспансии, известную как «меморандум Танаки». Документ предполагал поэтапную агрессию с целью передела мира в пользу Японской империи.

Первым шагом этой программы было создание плацдарма в Маньчжурии и Монголии. «В программу нашего национального роста, – говорилось в «меморандуме Танаки», – входит необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии».[23] маньчжурии в агрессивных замыслах японской военщины уделялось особое внимание. Она огромным клином глубоко вдавалась в территорию СССР. Советско-маньчжурская граница, протяженностью более 3,5 тыс. км, соседствовала с плодородными и наиболее населенными областями советского Дальнего Востока. При этом Маньчжурия занимала стратегическое положение по отношению к сопредельным территориям Советского Союза, что позволяло вооруженным силам агрессора при наличии соответствующих коммуникаций наносить удары по коротким операционным направлениям в любом пункте. В случае успеха могли быть перерезаны важные советские коммуникации – Амурская и Уссурийская железные дороги, проходящие вблизи границы, и водные пути, которые непосредственно служили пограничными рубежами. Все это в конечном итоге могло завершиться отсечением от СССР советского Приморья. Овладение же Монгольской Народной республикой сулило агрессору возможность перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль и, выйдя в район Иркутска и озера Байкал, отторгнуть Дальний Восток от Светского Союза.

[23] Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978. С. 9.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

На внутриполитической арене Японии монополистический капитал видел для себя в самурайской военщине большие перспективы. Поэтому агрессия на Дальнем Востоке готовилась по всем линиям: политической, экономической, идеологической. Уже в 20-е гг. в умы всячески внедрялась формула: «Война – отец созидания и мать культуры». В учебниках истории, в публицистике широко пропагандировались итоги войн, которые страна вела в 1894, 1904, 1914 гг., утверждалось, что Япония каждые десять лет должна испытывать «благодетельный ветер войны», что источник всех несчастий страны – отсутствие военных действий. Пропагандой национализма занимались многочисленные военные организации, театр, кино. Венцом всех этих идеологических построений стал учебник «Ниппон синторон» («Теория японского синтоизма»), содержавший четкое представление о том, что японский император есть божество, его подданные – раса богочеловеков, все другие люди – существа пресмыкающиеся «подобно червям», японская «священная империя» возвышается над всем в мире «в своем единственном и недостижимом превосходстве», а все другие государства «эфемерны, как утренняя заря»[24]. Все это было густо замешано на антикоммунизме и антисоветизме. Так, в книге А. Такахару «О современных идеях в армии», написанной в 1928 г., содержался призыв к военным воспитателям ввиду невозможности оградить армию от идей социализма и коммунизма «смело вступить в столкновение с Марксом и расправиться с коммунистами»[25].

В конце 20-х – начале 30-х гг. в правящих кругах Японии этапы осуществления обширной программы экспансии уже практически не вызывали разногласий. Предполагалось начать с захвата северо-востока Китая, а затем осуществлять походы с этого плацдарма против всего Китая, против МНР и СССР. Определяя объект первоочередной экспансии, в Токио,

[24] Демиденко А. Расизм на службе империализма. М., 1954. С. 10.
[25] Цит. по: Лемин Н. Пропаганда войны в Японии и Германии. Минск, 1934. С. 108.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

несомненно, рассчитывали на то, что дальнейшая антисоветская политика Японии найдет понимание у ведущих мировых держав, поскольку с захватом северо-востока Китая она оказывалась в прямом пограничном соприкосновении с Советским Союзом. Приходилось тщательно взвешивать стратегию экспансии в этом направлении. Так, военный атташе в Москве Ю. Касахара писал в 1931 г., что «Японии будет трудно нанести смертельный удар по Советскому Союзу на Дальнем Востоке», а потому «особое внимание должно быть уделено тому, чтобы путем подрывной пропаганды вовлечь западных соседей и другие государства в войну против Советского Союза путем использования белых групп, внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Деятельность разведки, помимо сбора сведений, должна быть сосредоточена главным образом на подрывной работе против Советского Союза»[26].

В Японии развернулась широкая антисоветская кампания под лозунгом защиты Манчжурии от «большой угрозы». В июле 1931 г. в прессе было опубликовано выступление начальника бюро военных дел генерала Койсо, в котором он заявил: «Русская угроза снова выросла, выполнение пятилетки создает серьезную угрозу Японии... В виде этого монголо-маньчжурская проблема требует быстрого и действенного решения».[27] Антисоветская агрессивная истерия усиленно подогревалась проправительственными средствами массовой информации. В частности, газета «Джапан Таймс» прямо заявляла, что предстоящая «война между Японией и Россией может иметь один исход: закрепление японцев в качестве полных хозяев Сибири вплоть до горного хребта, который отделяет европейскую часть России от азиатской»[28]. Выступления подобного рода преследовали двоякую цель: подготовить общественное мнение страны и

[26] См.: Известия. 1948, 19 февраля.
[27] Оккупация Манчжурии и борьба империалистов. М., 1992. С. 59.
[28] Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 269.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

заверить западные державы, что острие агрессии будет направлено против СССР.

Понимая, насколько рискованно начинать военные действия против СССР в одиночку, японское руководство прилагало политические и дипломатические усилия, направленные на создание антисоветского блока капиталистических государств. Особую активность в этом отношении проявляли военные атташе, аккредитованные в Берлине, Варшаве, Анкаре, Лондоне, Париже, Риме. В первой половине 1931 г. японский генерал Харада посетил Европу со специальной миссией прощупать политическую обстановку в связи с военными приготовлениями. На обратном пути он посетил Москву, где встретился с послом и военным атташе. Посол просил Хараду передать в генеральный штаб, чтобы Япония «проводила решительную политику против Советской России и была готова в любую минуту начать войну с целью захвата Восточной Сибири»[29].

Усилия японской политики и дипломатии дали свои результаты. Когда после провокации японской агентуры 18 октября 1931 г. на Южно-Маньчжурской железной дороге близ г. Мукдена (ныне Шеньяна) Квантунская армия в трехмесячный срок оккупировала Маньчжурию, Лига Наций весьма пассивно отреагировала на факт агрессии. Совет Лиги направил японскому и китайскому правительствам предложение воздержаться от дальнейших враждебных действий: агрессор и жертва получили одинаковые предостережения. Руководство США через госсекретаря Стимсона дало понять, что не будет участвовать в расследовании инцидента и не предпримет ничего, что могло бы вызвать недовольство Японии. Более того, Соединенные Штаты рассматривали японские военные действия как «наведение порядка» в Китае. В прессе

[29] См.: Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 127.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Англии и Франции развернулась антисоветская кампания. «Таймс» 14 ноября 1931 г. писала, что «с политической и экономической точки зрения действия Японии имеют значительное оправдание». А французская «Тан» 21 ноября утверждала: «Япония – цивилизованная нация, наш верный союзник в войне – представляет и защищает на Востоке мир социального порядка и мир против дикой анархии». Это было явное попустительство агрессору с ярко выраженной антисоветской направленностью.

Реакция в советской печати на японскую агрессию и выход японских войск непосредственно к границам советского Дальнего Востока была однозначно негативной. «Теперь, когда японский империализм пытается расправиться с китайским народом, – писала «Правда», – рабочие всего мира поднимаются на защиту китайской революции. Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием, их сочувствие на стороне китайского народа».[30] От имени советского правительства нарком обороны К.Е. Ворошилов 7 ноября 1931 г. сделал следующее заявление: «Мы за мирный труд. Пусть нас не провоцируют ни на Востоке, ни на Западе. На войну мы не пойдем. Но если кому-нибудь угодно будет попытаться померяться с нами силами, – пусть не взыщут».[31] В потворстве японской агрессии со стороны третьих стран советское руководство усматривало прежде всего реализацию США своих интересов: «США пытались и пытаются вовлечь СССР в дальневосточную войну, ...организовать наиболее реакционные группы международной буржуазии для активного выступления против социалистического строительства в СССР. Магнаты долларов пытаются выбраться из кризиса спекуляцией на войне».[32] Резко негативно оценивался и отказ США от посредничества в предполагаемых японо-китайских переговорах. Советское руководство сочло это замаскированной

[30] Правда. 1931. 25 сентября.
[31] Ворошилов К.Е. Статьи и речи от XVI до XVII съездов ВКП(б). М., 1934. С. 48.
[32] Правда. 1931, 10 декабря.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

поддержкой японской агрессии: «Когда американские империалисты говорят о «неделимости» Китая, они имеют в виду безраздельное господство американского капитала. В этом основной смысл позиции США в маньчжурском вопросе».[33]

Разумеется, что то положение, которое сложилось на Дальнем Востоке в начале 30-х гг. в результате японской агрессии в Манчжурии, никак не устраивало СССР. Но общая ситуация в стране не позволяла переходить к решительным действиям. Индустриализация еще только начиналась, транспортная система была перегружена, вследствие коллективизации было расстроено сельское хозяйство, а также наблюдалось некоторое недовольство в армии. Экономические и военные ресурсов в дальневосточном регионе были совершенно недостаточны. Во многих районах страны наблюдались острые продовольственные трудности. В таком положении у советского руководства, несмотря на резкие заявления, не было другого выхода, кроме как продолжать «умиротворять» агрессора.

Основной задачей советского руководства на Дальнем Востоке в этот период становится наращивание вооруженных сил, и создание стратегических запасов на случай конфликта с Японией. Советская политика в Китае ставит своей целью создание здесь единого антияпонского фронта. Советская дипломатия неоднократно предлагала поддержку, в том числе и поставками оружия, гоминдану, если он пойдет на создание такого фронта совместно с КПК. Советское оружие поставлялось в Китай. И хотя львиная доля этой помощи шла Чан Кайши, что вызывало недовольство в руководстве КПК (тут геополитические интересы государства возобладали над идеями мировой революции, и Коминтерн поддерживал эту позицию), и хотя размеры этой помощи были меньше, чем хотелось бы китайской

[33] Правда. 1931, 18 октября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стороне, все же это способствовало затягиванию военных действий. Япония все глубже увязала в Китае.

Следуя позиции «умиротворения» в тех сложных международных условиях и исходя из того, что оккупацией Манчжурии был нарушен Портсмутский мирный договор между Россией и Японией от 1905 г., советское правительство в декабре 1931 г. предложило Японии заключить пакт о ненападении. В заявлении, сделанном министру иностранных дел Иосидзава и послу в Москве Хирота, подчеркивалось, что заключение такого пакта будет служить «выражением миролюбивой политики и намерений правительства, и он был бы особенно, кстати, теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям»[34]. Но это предложение расходилось с замыслами японских военных и политических кругов, и когда посол Хирота телеграфировал о нем в генеральный штаб, он настоятельно рекомендовал «занять решительную позицию в отношении к Советскому Союзу, приняв решение воевать с СССР в любое время, когда это окажется необходимым. Однако целью должна быть не столько защита против коммунизма, сколько оккупация Дальнего Востока и Сибири».[35] Такую позицию в Токио разделяли и поддерживали. Поэтому предложение СССР долгое время оставалось без ответа. Только 13 сентября 1932 г. советский посол в Токио получил от вновь назначенного министра иностранных дел Утида ответ, в котором заключение пакта, поскольку «официальное начало переговоров по этому вопросу между двумя странами в данном случае считается несвоевременным».[36]

За период с 1930 по 1935 гг. вооруженные силы Японии увеличились с 250 тыс. до 400 тыс. человек, в том числе военно-морской флот – с 75 тыс.

---

[34] Цит. по: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 205.
[35] Цит. по: Рагинский М.Ю. Указ. соч. С. 66.
[36] См.: Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Указ. соч. С. 205.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

до 100 тыс.[37] При этом боевая мощь Квантунской армии наращивалась форсированными темпами: ее численность с января по август 1932 г. увеличилась более чем вдвое, а количество орудий, танков, бронемашин, самолетов – в три раза. Львиная доля Квантунской армии согласно военно-стратегическим планам японского командования предназначалась для военных действий против СССР. Начальник штаба этой армии (в 1928-1932 гг.) генерал Миякэ отмечал: «План операций, которые должны были привести к оккупации Манчжурии, являлся одной из важнейших составных частей плана операций японских войск против СССР»[38].

В 1934 г. в составе Квантунской армии находились 5 пехотных дивизий, 2 пехотных и 3 охранных бригады, 5 авиаполков, танковый, тяжелый артиллерийский, железнодорожный полки и полк связи. На границе с Советским Союзом – в Манчжурии, Корее, Южном Сахалине и Курильских островах – в 1935 г. было сосредоточено более 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских солдат и офицеров, свыше 200 боевых самолетов[39]. Подготовка вооруженных сил к расширению агрессии осуществлялась на основе использования опыта интервенции против Советской России, военных действий в Манчжурии и на севере Китая, а также военно-теоретических взглядов в европейских странах и США. Личный состав Квантунской армии прошел длительную спецподготовку с учетом географического положения и климатических условий дальневосточного театра военных действий.

В условиях очевидных и недвусмысленных военных приготовлений и политических ходов Японии (подготовка к фактическому превращению северо-восточного Китая в колонию Японии путем подписания секретных соглашений с марионеточным Маньчжоу-Го по гарантии его «национальной обороны») СССР прибег к дипломатическому маневру, заявив, что его

[37] Япония. Сб. статей и материалов. М., 1934. С. 245, 262.
[38] Цит. по: Рагинский М.Ю. Указ. соч. С. 127.
[39] Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане: Перевод с англ. М., 1954. С. 25.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

симпатии на стороне китайского народа, что он стремится к сохранению целостности, независимости и суверенитета Китая. 12 декабря 1932 г. с Китаем были восстановлены дипломатические отношения, прерванные по вине китайской реакции в 1929 г. В японских политических кругах этот акт вызвал большое неудовольствие. Представитель министерства иностранных дел Японии раздраженно заявил, что «СССР и Китай могли бы избрать другое место и время для объявления об установлении отношений».[40]

4 января 1933 г. правительство Советского Союза повторно предложило Японии заключить пакт о ненападении. Но Токио и на этот раз ответил отказом. Оценка подобной позиции была дана на XVII съезде ВКП(б): «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть... военных людей в Японии открыто проповедует... необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что все это его не касается»[41].

По свидетельству американского посла в Москве У. Буллита, в 1933 г. острота японо-советских отношений достигла высокой степени. В своем докладе Вашингтону он сообщал, что «нападение Японии на Советский Союз рассматривается как неизбежное всеми членами правительства и коммунистической партии, с которыми я беседовал в Москве».[42] В этих условиях советское руководство приняло экстренные меры по укреплению обороноспособности дальневосточных границ. О своевременности этих мер

---

[40] Правда. 1932, 13 декабря.

[41] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1934. С. 14.

[42] Цит. по: Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East, 1933-41. Moscow, Tokyo and Prelude to the Pacific War. Basingstoke, L., 1992. P. 35.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

говорилось на январском (1934 г.) пленуме ЦК ВКП(б): если бы они не были приняты, то страна, несомненно, подверглась бы нападению[43].

К концу 1933 г. тон советской дипломатии в отношении Японии стал более жестким, чему способствовал хороший урожай 1933 г., позволивший создать стратегические запасы, переброска советских войск в Приморье, установление в ноябре 1933 г. дипломатических отношений с США, укрепившее международные позиции СССР. Однако это не был резкий переход от «умиротворения». Скорее в советской политике стали проявляться элементы лавирования между тем и другим, т.к. Япония по-прежнему оставалась грозным потенциальным противником, а Советский Союз все еще не был готов к открытым военным действиям. Япония обращается к тактике пограничных провокаций и разведывательных вылазок. Только за 1935 г. зарегистрировано около 80 провокаций в районе границы СССР и МНР. В октябре 1936 г. была предпринята попытка захватить участок территории в районе озера Хасан. В 1936 г. пограничниками задержано 137 японских агентов[44].

24 ноября 1934 г. советское правительство заключило с МНР соглашение, по которому оба государства давали обязательства в случае нападения на одну из сторон оказывать друг другу помощь, в том числе военную. Чтобы оградить себя от постоянных провокаций японских войск на КВЖД и не дать им превратиться в военные действия, СССР предложил Японии купить КВЖД. После длительных проволочек японское руководство согласилось на приобретение государством Маньчжоу-Го КВЖД за 140 млн. иен. 30 млн. выделялось в качестве компенсации советским служащим железной дороги. Это была символическая цена, но советское правительство

[43] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. М., 1974. С. 207.
[44] История второй мировой войны. Т. 1. С. 104.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пошло на это, что также укладывается в русло политики «умиротворения» агрессора.

Факт установления дипломатических отношений с США сам по себе значителен, но нельзя преувеличивать его значение для развития геополитической ситуации на Дальнем Востоке. На все предложения СССР обсудить вопрос о возможности союза против Японии президент Ф. Рузвельт отвечал отказом. Когда летом 1935 г. готовился созыв VII конгресса Коминтерна в Москве, администрация США выступила с нотой протеста, которая стала сигналом к широкой антисоветской кампании на Западе. Наиболее враждебные статьи появились в немецкой, польской и американской прессе. Так, американский конгрессмен Г. Фиш заявил: «Америка должна проявить инициативу и порвать отношения с красной Россией. Другие нации последуют этому примеру»[45]. Контрадмирал Стерлинг Стерлинг 12 июня в газете «Вашингтон Геральд» призвал к всеобщему крестовому походу против СССР с целью уничтожить призрак большевизма и открыть плодородные земли России для перенаселенной и индустриально голодной Европы[46].

2 сентября 1935 г. посол Японии в СССР Ота по поручению своего правительства выразил неудовольствие фактом проведения конгресса Коминтерна в Москве и выступления на нем японских коммунистов. По словам посла, это грозило разрывом японо-советских отношений. В ходе беседы с послом заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков отклонил эти угрозы на том основании, что лидеры II Интернационала проводят заседания на территории Англии, Франции и Бельгии, и этим странам никто не предъявляет ультиматумов.

---

[45] Цит. по: Севастьянов Г.Н. Обострение советско-американских отношений летом 1935 г.: причины и последствия // Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 27.

[46] Внешняя политика СССР. Т. IV. 1935 - июнь 1941. М., 1946. С. 49.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Когда Япония, ведомая своей агрессивной политикой в Восточной Азии официально заявила 27 марта 1933 г. о своем выходе из Лиги Наций, должной оценки со стороны последней не последовало, поскольку западные державы понимали, что членство в этой организации является сдерживающим фактором для политики экспансионизма, а их политические расчеты строились, в частности, и на уверенном предположении о скорой войне между Японией и СССР.

Под воздействием укрепления Советским Союзом своих дальневосточных рубежей Япония начинает искать союзников на Западе, способных отвлечь военную силу СССР в грядущей войне. Приход к власти нацистов в Германии определил основное направление этих поисков. Еще в марте 1934 г. военный атташе Японии в Берлине получил от генштаба инструкции наблюдать за германо-советскими отношениями и определить, какова будет позиция Германии в случае японо-советской войны. В мае 1935 г. 70 японских офицеров были направлены в Германию «для службы связи». Весной 1935 г. японский посол Осима и министр иностранных дел третьего рейха Риббентроп начали переговоры о германо-японском союзе. 25 ноября 1936 г. Япония и Германия подписали пакт «Антикоминтерн», состоявший из текста договора и секретного соглашения. 6 ноября 1937 г. к пакту присоединилась Италия. По оценке госсекретаря США К. Хэлла, «хотя этот пакт... внешне был заключен для самообороны против коммунизма, фактически он являлся подготовительным шагом для дальнейших мер насильственной экспансии со стороны разбойничьих государств».[47]

Хотя в опубликованном договоре и говорилось, что пакт не направлен против СССР или специально какой-либо другой страны, иллюзий тут быть не могло. Министр иностранных дел Японии Арита, выступая на заседании Тайного совета 25 ноября 1935 г. определил цели пакта следующим образом:

[47] Цит. по: Севастьянов Г.Н. Обострение советско-американских отношений летом 1935 г. С. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией». По свидетельству же Риббентропа, «в самом деле, политическое давление на Советскую Россию в той или иной степени являлось основой этого пакта.»[48]

Для того чтобы обеспечить сокрушительную силу первого удара и свести к минимуму риск отпора с советской стороны японским правительство было принято решение о том, что в основу развития вооруженных сил должно быть положено создание механизированных боевых соединений. Общие расходы на сухопутные вооруженные силы увеличивались с 500 млн. иен в 1936 г. примерно до 2 млрд. 750 млн. иен в 1937 г.[49] План развития важнейших отраслей промышленности, разработанный в правительственных кругах в мае 1937 г., был полностью подчинен идее будущей энергичной агрессии. Уточненная программа правительства, принятая в июне, предусматривала достижение к 1941 г. «самообеспечения», т.е. независимости от импорта стратегического сырья, для того, чтобы «быть готовым к историческому этапу в развитии судьбы Японии, который должен быть достигнут, невзирая ни на какие трудности».[50]

Большое значение в подготовке войны против Советского Союза придавалось в Японии развертыванию подрывной работы. Еще в 1928 г. видный представитель японской разведки, а впоследствии начальник русского отделения генштаба, Канда представил в генштаб план мероприятий, предусматривавший разжигание вражды между народами СССР, подстрекательство соседних с СССР государств к проведению по отношению к нему военных и экономических акций, разложение дисциплины в Красной Армии, срыв мобилизационных планов, дезорганизацию работы военных мероприятий, диверсии на транспорте,

[48] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 746.
[49] Там же. Д. 256. Л. 168.
[50] Там же. Л. 170.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

особенно на Транссибирской железнодорожной магистрали и т.д. 5 октября 1932 г. военный атташе в Москве К. Торасиро получил прямое указание из генерального штаба, в котором говорилось: «Для подрыва обороноспособности Советского Союза предлагаем: оказать поддержку движению за независимость Украины и Азербайджана и поднять там восстания; заставить эмигрантские организации русских установить связь с их единомышленниками внутри Советского Союза, поднять в различных частях Союза восстания с целью свержения рабоче-крестьянского правительства, еще в мирное время оказать материальную поддержку сепаратистам и держать с ними неразрывный контакт; с началом войны с Советским Союзом снабжать сепаратистов денежными средствами и оружием, чтобы они приступили к конкретной работе»[51].

Одним из проявлений антисоветской подрывной деятельности стали провокации и конфликты на КВЖД, которые в конечном итоге сделали невозможной нормальную эксплуатацию дороги и вынудили советское правительство пойти на продажу ее. Начиная с 1932 г. в Харбине и других городах японскими военными миссиями были созданы организации белоэмигрантов, объединенные в декабре 1934 г. в «Бюро по делам российских эмигрантов». В 1936 г. штабом Квантунской армии из бывших белогвардейцев была сформирована особая диверсионная часть «Асано», которой надлежало в случае войны с СССР готовить специальные диверсионные подразделения для засылки в тыл противника. Генералы Квантунской армии Араки и Котэо лично участвовали в создании и активизации антисоветской работы «Русского фашистского союза» К.В. Родзиевского. Предполагалось, что с захватом советского Дальнего Востока эта организация будет проводником японской оккупационной политики.

[51] Там же. Д. 275. Л. 308.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В январе 1938 г. японское командование приняло чрезвычайные меры по усилению боеспособности Квантунской армии. Ее солдатам были продлены сроки службы. Начальник штаба японских военно-воздушных сил произвел инспекционный осмотр авиации, сосредоточенной в пограничных с советским Дальним Востоком районах[52]. Провокации и нарушения границы происходили каждый день. За 1938 г. Япония перебросила в СССР 1754 агента разведки, 124 раза границу нарушали японские солдаты, зачастую отдельными отрядами, 210 раз – военные суда, 40 раз – самолеты. 13 января японцы задержали советский почтовый самолет, а 19 февраля – пароход «Кузнецкстой»[53]. На 1938-1939 гг. намечалась дальнейшая концентрация японских сил в Восточной Маньчжурии с целью начала открытых и активных боевых действий, на первом этапе которых предполагалось захватить города Никольск-Уссурийск, Владивосток, Иман (ныне Дальнереченск), затем Хабаровск, Благовещенск, Куйбышевку-Восточную (ныне Белогорск)[54].

В июле 1938 г. Япония обвинила СССР в нарушении границ Маньчжоу-Го и развернула пропагандистскую кампанию вокруг вопроса о так называемых «северных территориях». Одновременно готовилась провокация у озера Хасан на стыке границ Маньчжоу-Го, Кореи и советского Приморья. 15 июля японский поверенный в делах в Москве Нити, следуя инструкции своего правительства, заявил наркому иностранных дел, что вся территория к западу от озера Хасан принадлежит Маньчжоу-Го, и потребовал вывести войска с высот Заозерная и Безымянная. По поводу представленного советской стороной текста Хунчунского протокола, подписанного Россией и Китаем в 1886 г., и прилагаемых к нему карт японский посол Сигэмицу безапелляционно заявил следующее: «Я считаю,

[52] Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 37462. Оп. 1. Д. 2. Л. 84, 85.
[53] Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4. (1935 - июнь 1941). М., 1946. С. 340-346.
[54] Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1954. С. 248-249.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

что говорить о какой-либо карте в этот критический момент является неразумным, это только осложнит положение»[55]. Между тем возвышенности этого района имели большое стратегическое значение, т.к. с них просматривалась железная дорога, идущая к Владивостоку, а с другой стороны, были видны японские коммуникации.

20 июля японский посол в Москве вновь официально потребовал отвода советских войск. Он подчеркнул, что у его страны имеются обязательство перед Маньчжоу-Го, согласно которым она может прибегнуть к силе, настаивая на данном требовании. Военный министр и начальник штаба японской армии 21 июля добились аудиенции у императора с целью испросить санкцию на применение вооруженных сил в районе озера Хасан. Санкция была получена. К 29 июля японцы подтянули к границе две пехотные дивизии, кавалерийскую бригаду, три пулеметных батальона, отдельные танковые, тяжелые артиллерийские части, бронепоезда, 70 самолетов. Общая численность группировки в районе достигла 38 тыс. человек. В этот же день японские войска вторглись на территорию СССР в районе озера Хасан.

К этому времени в советском Приморье была стянута довольно сильная группировка войск. Советское правительство располагало информацией о трудностях японской экономики в связи с затяжной войной в Китае. И.В. Сталин и сторонник жесткого курса в восточной политике нарком иностранных дел В.М. Молотов впервые в противостоянии с Японией решили продемонстрировать твердость. Несмотря на заявление командующего Дальневосточным фронтом В.К. Блюхера о недостаточной пока готовности войск к серьезным боевым действиям, нарком обороны К.Е. Ворошилов отдал приказ о решительном пресечении японской агрессии. В ходе тяжелых двухнедельных боев японские войска были разбиты, граница в

[55] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 276. Л. 275.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

районе озера Хасан была восстановлена. Это был уже не пограничный инцидент, но агрессия против Советского Союза. В приговоре Международного Токийского Трибунала над главными японскими военными преступниками по этому поводу говорилось: «Нападение было осуществлено с использованием значительных сил и его нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями... Военные действия были начаты японской стороной, а цель нападения и результаты позволяют их считать войной, ...операции японских войск носили явно агрессивный характер»[56].

С военной точки зрения бои в районе озера Хасан были не слишком удачными для советских войск, однако победа очень много значила в моральном, политическом и стратегическом плане. Япония перенесла часть своих военных усилий на юг Китая, по поводу чего Лига Наций в очередной раз ограничилась резолюцией о «моральной поддержке» последнего, отклонив советские предложения о применении санкций против агрессора.

Но японский генштаб не оставлял идеи скорейшего военного вторжения в СССР и осенью 1938 г. приступил к подготовке соответствующего стратегического плана под названием «План операции № 8». Разрабатывались два варианта плана: вариант «А» предусматривал нанесение главного удара в направлении Приморья, вариант «Б» – в направлении Забайкалья. Военное министерство отстаивало вариант «А», но генштаб и командование Квантунской армией с учетом опыта боев у озера Хасан склонялись к варианту «Б», который, в конце концов, и был принят в качестве основного. С весны 1939 г. начинается практическая подготовка к его осуществлению. К лету 1939 г. численность японских войск в

[56] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 87, 88.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Манчжурии достигла 350 тыс. человек; на вооружении имелось 1052 орудия, 385 танков, 355 самолетов[57].

Большое значение в стратегии войны против СССР придавалось аннексии Монгольской Народной республики. Начальник штаба Квантунской армии Итагаки рассматривал МНР как фланг обороны Сибирской железной дороги, соединяющей территории советского Дальнего Востока и европейской части СССР. Он заявил, что если МНР будет объединена с Японией и Маньчжоу-Го, то «советские территории на Дальнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении и можно будет уничтожить влияние Советского Союза на Дальнем Востоке без военных действий. Поэтому целью армии должно быть распространение японо-маньчжурского господства на Внешнюю Монголию любыми средствами, имеющимися в распоряжении».[58]

Вторжение в МНР неизбежно влекло за собой столкновение с СССР, который подписал с Монголией протокол о взаимопомощи еще 12 марта 1936 г. Японская сторона прекрасно это понимала, и генштаб готовился к военным действиям с таким расчетом, чтобы обеспечить себе перевес сил над монгольскими и советскими частями, после разгрома которых планировалось выйти к советской границе южнее Читы. Следующим ударом японское командование намеревалось перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль и отсечь советский Дальний Восток от остальной части СССР. Одновременно планировались отвлекающие военные действия в районе Владивостока. В случае неудачи предполагалось ограничиться оккупацией Монголии с тем, чтобы подготовить здесь более прочный плацдарм для продвижения в глубь советской территории.

[57] История второй мировой войны. Т. II. С. 41.
[58] Рагинский М., Розенблит С. Указ. соч. С. 260.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Для нападения на МНР наиболее удобным представлялся район реки Халхин-Гол. В качестве предлога вновь был разыгран «территориальный вопрос». Граница между Маньчжоу-Го и МНР на японских топографических картах была обозначена по этой реке, хотя фактически она проходила восточнее, и территориальные претензии были предъявлены монгольской стороне по прежнему сценарию. Советское руководство пыталось отрезвить агрессора, сделав в мае 1939 г. официальное заявление, в котором, в частности, говорилось: «...Границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную»[59]. 11 мая 1939 г. японская сторона спровоцировала инцидент, который перерос в ожесточенные боевые действия. Они велись по фронту от 50 до 60 км глубиной от 20 до 25 км и продолжались более четырех месяцев. В результате была разгромлена 6-я японская армия. Японские потери, включая убитых, раненых и пленных, превышали 50 тыс. человек, потери советско-монгольской стороны – 9 тыс. человек. Токийский Трибунал квалифицировал события у Халхин-Гола как агрессивную войну, развязанную Японией[60].

Боевые действия на реке Халхин-Гол оказали серьезное влияние на исход переговоров, которые летом 1939 г. СССР вел с Германией. Подписание пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией вызвали в Японии настоящий шок, усилив взаимное недоверие между союзниками по антикоминтерновскому пакту. Уже 26 августа 1939 г. министр иностранных дел Арита поручил послу в Германии Осима заявить германскому руководству, что «японское правительство рассматривает пакт о ненападении и договор... как противоречащие секретному соглашению...»[61]

[59] Третья сессия Верховного Совета СССР, 25-31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 475.
[60] ГАРФ. Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 38.
[61] Там же. Л. 40.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Бытует ставшее в последнее время чуть ли не устоявшимся мнение, что, пойдя на соглашение с Германией, Сталин развязал руки Гитлеру, приблизив тем самым начало второй мировой войны. Пишут о том, что пакт о ненападении – чудовищное преступление сталинского режима. При этом часто забывают, что за год до этого аналогичный пакт с гитлеровской Германией заключил английский премьер Чемберлен, развязывавший фюреру руки в Восточной Европе. В этой ситуации пакт «Молотова-Риббентропа» был ответным ходом, и многие западные историки сегодня признают, что иного выхода у СССР не было. Заключая соглашения с фашистской Германией, и Чемберлен, и Сталин преследовали определенные тактические и стратегические цели. В стратегии оба ошиблись: первый жестоко просчитался, не сумев своей «дальновидной» политикой направить немецкое нашествие вместо Запада на Советский Союз; второй ошибся не в том, что, подписав пакт, отвел угрозу войны от СССР – он всегда исходил из неизбежности войны с Германией. Ошибка Сталина была в другом: он не предполагал, что военные действия на западном фронте будут столь кратковременны и катастрофичны, что Европа сдастся фюреру почти без сопротивления. Сталин ошибся потому, что исходил из социально-классовых представлений о расстановке сил в будущей войне, а не из геополитических. Геополитическая ситуация в Европе в конце 30-х гг. была совершенно иная, чем в 1914 г.

Сейчас много пишут о том, что если бы СССР не подписал пакт о ненападении с Германией, то немецкую агрессию против Польши можно было бы предотвратить. Но и такой исход событий был маловероятен. Политическая доктрина Берлина была нацелена на установление путем вооруженного насилия европейского, а затем и мирового господства, милитаризованная экономика рейха уже требовала войны, а немецкая армия существенно превосходила армии западных держав в военно-техническом

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отношении. Наконец, захват Польши был определен Гитлером еще в апреле 1939 г. и мало зависел от изменения позиции Англии, Франции или СССР. Кроме того, отказ от подписания пакта о ненападении означал для Советского Союза пренебрежение интересами национальной безопасности. Не бесспорны и утверждения о том, что подписанием договора советская сторона дала Германии время для подготовки к нападению на СССР. Дело в том, что и Советский Союз, только что завершивший бои у Халхин-Гола, получил почти два года для укрепления своей обороны на западных и дальневосточных рубежах. Договор давал ему временные гарантии безопасности и нейтралитета в надвигавшейся войне.

Победоносные боевые действия против вооруженного по последнему слову техники противника на р. Халхин-Гол, а также подписание пакта о ненападении с Германией, внесшее сумятицу в стан союзников по антикоминтерновскому пакту, значительно изменили к концу 30-х гг. геополитическое положение нашей страны. Развивая это изменение соотношения сил в пользу СССР и опираясь на возросшие военные возможности, советская дипломатия стремилась поддерживать отношения с Германией с тем, чтобы занять более жесткую позицию на переговорах с Японией. Именно в это время с советской стороны появляются намеки на пересмотр условий Портсмутского мирного договора, заключенного между Россией и Японией в 1905 г.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел III. Разработка военной доктрины советского государства в 20-е –30-е гг.

С самого начала 20-х гг. советское государство оказалось в качественно новой геополитической ситуации по сравнению с периодом империалистической и гражданской войн. В формировании политического курса советскому руководству приходилось исходить из новых реалий как внутри страны, так и на международной арене. Одной из существенных внешнеполитических реалий, которую неизбежно приходилось брать во внимание, было враждебное Советской России окружение и более чем реальная возможность нового нападения на страну. Поэтому наряду с восстановлением народного хозяйства, особое внимание большевистская партия и правительство СССР с самого начала мирной передышки стали уделять решению военных задач. Немалую роль в характере постановки этих задач на первых порах играли политические установки сперва на поддержку революции в других странах, а затем на построение социализма в одной отдельно взятой стране и агрессивность империалистического окружения, на возможность и необходимость играть на внутренних противоречиях, присущих лагерю империализма.

В постановлении X съезда РКП(б), проходившего в марте 1921 г., подчеркивалось, что империалисты готовят в ближайшее время войну, в которую будут втянуты народы Америки, Азии и Европы[1]. Поэтому задачей первой необходимости считалось принять все возможные меры по укреплению обороны государства, реконструкции Вооруженных Сил и повышению их боеспособности, по развитию военного искусства, по разработке военной доктрины, адекватно отражающей новую

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2. С.375.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

геополитическую ситуацию в мире с появлением на международной арене Советской России.

Выработку правильной военной доктрины нужно было начинать с решения теоретического вопроса о характере будущей войны. От этого зависело решение других проблем военной стратегии, военной политики, т.е. вопросов о том, к какой войне с каким противником следует готовиться, какого характера задачи предстоит решать армии в этой войне, а следовательно, какая необходима армия, каково содержание связей армии с остальным государством, с народом, с потенциальным тылом. Только уяснив все это, можно было определять формы и способы будущей вооруженной борьбы, стратегию военно-экономического строительства, идеологической политики и морально-политического воспитания военнослужащих, установить целесообразные направления боевой и оперативной подготовки войск и комсостава.

Всеми этими вопросами, начиная с дискуссий по характеру будущей войны, активно занимались в исследуемый период политики, военные теоретики, научные организации, руководители стратегических органов управления Вооруженными Силами. На III съезде Советов СССР в 1925 г. с докладом «Красная Армия и оборона Советского Союза» выступил народный комиссар по военным и морским делам, председатель РВС СССР М.В. Фрунзе. В докладе, в частности, говорилось: «Система обороны всякой страны должна базироваться на точном и четком представлении характера возможных для этой страны военных столкновений. Характер столкновений должен нами расцениваться на основе учета трех основных моментов: 1) его социально-классового содержания, 2) с точки зрения учета количества врагов и численности их сил и 3) с точки зрения учета тех технических средств, которые могут и должны быть использованы в грядущих войнах»[2].

[2] Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984. С. 409.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Безусловно в основе определения характера потенциальной войны должен лежать объективный анализ исторической эпохи, реальной расстановки военно-политических сил, перспектив развития вооружений, состояния и возможностей собственной армии и научно-экономического потенциала страны, а также соответствующих параметров стран, определяемых в качестве потенциального противника. Задача сложнейшая. И несмотря на то, что имелось ясное представление о необходимости учета всех этих факторов при ее решении, на разных этапах исследуемого периода на характер выводов слишком большое влияние оказывали субъективные моменты, идеологические наслоения марксистско-ленинского мышления, положения официальной науки, которая в военной и военно-исторической области была подвержена излишнему давлению политической верхушки. Противоречие между стремлением специалистов дать адекватные представления по вопросам, связанным с проблемой характера будущей войны, и так называемым «партийным» подходом к проблемам военного дела обусловили серьезные расхождения во взглядах на войну и необходимую военную доктрину.

Над анализом политического содержания вопроса о характере будущей войны довлело известное ленинское положение о том, что война есть продолжение политики иными средствами. «Всякая война, – писал В.И. Ленин, – нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[3]. Поэтому будущая война против СССР для многих в политическом руководстве страны представляла собой не что

[3] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 79.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

иное, как «воспроизведение на расширенной основе классовой борьбы между империалистической буржуазией и победоносным пролетариатом»[4].

Официальные материалы и выступления, а также советские теоретические труды того времени исходили из классового характера будущей войны как из аксиомы. В марте 1922 г., выступая на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма, командующий в тот период данными войсками М.В. Фрунзе заявил, что воевать предстоит с коалицией империалистических государств, вести войну не национальную, а революционно-классовую, чтобы защитить «завоевания нашей революции от покушения внутренних и внешних классовых врагов пролетариата»[5]. Заместитель председателя РВС СССР И.С. Уншлихт в 1925 г. писал, что война будет «последней схваткой мирового капитала с мировым пролетариатом»[6]. Аналогичных взглядов придерживались И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский и др.

С вопросом о характере войны напрямую связан вопрос о причинах и условиях ее возникновения. М.Н. Тухачевский, опираясь на Ленина, писал в статье «Война как проблема вооруженной борьбы», что война – в самой природе капитализма, и пока он существует, сохраняется опасность возникновения новых войн: «Без новых переделов мира империализм не может существовать, ибо, как говорил Ленин, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и *нельзя* не воевать, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний новые империалистические страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистические державы»[7]. Этот подход доведен до предела у С.М. Буденного. Основываясь на

[4] КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 177.
[5] Фрунзе М.В. Избранные произведения. С. 456.
[6] Война будущего. М., 1925. С. 10.
[7] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ленинских положениях, он писал в 1930 г., что все войны делятся на империалистические, колониальные, национально-освободительные и революционно-классовые. К последнему типу он и относил будущую войну между СССР и «коалицией империалистических держав и их вассалами», и СССР должен будет превратить такую войну «в войну гражданскую между всемирным пролетариатом и мировой буржуазией»[8].

Этот подход отражен и в трудах военных теоретиков того периода, писавших, что в новую эпоху империализму придется вести войну против рабочего класса воюющих стран, что война с неизбежностью примет классовый характер с элементами гражданской войны, и что революционно-классовый характер будущей войны знаменует наступление новой эпохи военного искусства[9]. Это закреплялось и в официальных военных документах. Так, Временный полевой устав Красной Армии гласил: «Противоречия интересов буржуазных государств и СССР, при резком обострении их, могут привести к открытой организованной вооруженной борьбе, т.е. к войне», и далее подчеркивалось, что совпадение интересов Красной Армии и угнетенных трудящихся всего мира «дает ей огромный моральный перевес над армиями буржуазных государств»[10].

Еще более усилился упор на революционно-классовую сущность будущей войны в связи с наступлением периода культа личности. В юбилейном сборнике статей «Сталин», который вышел к 50-летию вождя и как раз к тому времени, когда юбиляр «разобрался» с основными оппозициями и попытками инакомыслия по основным вопросам политики, была статья К.Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», которую историки считают манифестом передергивания исторических фактов в угоду политической конъюнктуре. С этой поры и взгляд на историю гражданской

[8] См.: Война и революция. М., 1930. Кн. 6. С. 15, 17.
[9] См.: Там же. М., 1931. Кн. 5. С. 101; Кн. 10-11. С. 8.
[10] Временный полевой устав РККА. Часть II (дивизия и корпус). М., 1926. С. 33.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

войны официально был возможен только с точки зрения решающей роли действий т. Сталина, и взгляд на характер будущей войны мог опираться только на то, что по этому вопросу звучало из уст вождя. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Сталин утверждал, что война «будет самой опасной для буржуазии еще и потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника. Буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран»[11].

Статьи, публиковавшиеся журналом «Военная мысль» довольно строго придерживались основных идей и высказываний первого лица государства по вопросам военной доктрины. Так, в статье под названием «Полководческая деятельность товарища Сталина» утверждалось, что высказывания Сталина по военно-теоретическим вопросам «составляют классические образцы практического боевого руководства и марксистского военного мышления, на которых будут учиться поколения командиров Красной Армии»[12]. На страницах теоретических работ во избежание подозрений в «контрреволюционных пораженческих теориях» и «меньшевиствующем идеализме в вопросах войны» стали появляться рассуждения о «новом способе» ведения такой войны, какой суждено быть будущей войне СССР против мирового империализма. Этот новый способ ведения войны определялся как «военное выражение новых общественных отношений»[13].

В целом полемика по проблемам советской военной доктрины в 20-е – 30-е гг. развивалась между теми военными теоретиками, которые наиболее

[11] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): 26 января-10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 12.
[12] Военная мысль. 1939. № 12. С. 49.
[13] См.: Война и революция. 1932. Кн. 3. С. 82-83.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вероятной считали в будущем войну между империалистическими державами за передел мира, и теми теоретиками и политиками, что исходили из развязывания империалистическими странами войны против Советского Союза. Последних было большинство, что по-видимому, объяснялось тем обстоятельством, что такой точки зрения придерживался Сталин. Впрочем после второй мировой войны, которая опровергла такую постановку вопроса, Сталин высказался в том смысле, что теоретически противоречия между капитализмом и социализмом были сильнее, но на практике противоречия внутри капиталистического мира в тот конкретный момент оказались более острыми, что и привело к первоначальному столкновению империалистических держав между собой.

Оценка специалистами расстановки военно-политических сил в будущей войне существенно корректировалась на протяжении исследуемого периода соответственно динамике в сфере геополитики. Так, в середине 20-х гг. военные теоретики достаточно единодушно утверждали, что основная военная опасность для страны создается на западных границах СССР, что обусловливалось следующими факторами: возобновление польско-румынского военного союза, направленного своим острием против СССР; заключение Румынией договоров и военных соглашений с Италией и Францией; существование фактического военного сотрудничества Польши, Латвии и Эстонии; наличие польско-французского союзного договора и военной конвенции; соглашения Польши с Чехословакией, Малой Антантой, Латвией и Эстонией; соглашения Румынии с Чехословакией и Югославией. «Все это вместе, – писал военный теоретик Я.М. Жигур, акцентируя означенные факторы, – создало значительные внешнеполитические предпосылки для подготовки наших соседей под прямым нажимом Англии к войне против нашего Союза»[14].

[14] Война и революция. 1927. № 2. С. 27.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В основе реального военно-стратегического планирования в 20-х – начале 30-х гг. лежала примерно такая же оценка расстановки военно-политических сил на мировой арене. Штаб РККА в этот период полагал явно враждебными по отношению к СССР прежде всего Великобританию, Францию, Польшу и Румынию, а отчасти Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Считалось, что в случае нападения этих стран на СССР, США, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Болгария и Греция могут примкнуть к агрессии или предоставить в распоряжение нападающих свои военно-экономические ресурсы и коммуникации.

На дальнем Востоке в качестве реального противника рассматривался Китай. Но после захвата Японией Маньчжурии стало очевидно, кто является врагом номер один для СССР в этом регионе. В обстановке, когда японская военщина повела открытые военные приготовления, приходилось учитывать реальную опасность войны на два фронта, особенно в случае затруднений для Советского Союза в войне на Европейском театре.

Таким образом, штабом РККА в начале 30-х гг. в качестве реальных рассматривались три варианта будущей войны:

- нападение на границы СССР вооруженных сил Польши, Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы при поддержке их материально-техническими средствами Великобритании и Франции и при нейтралитете Германии;
- нападение на западные границы Советского Союза вооруженных сил сопредельных государств, частично поддержанных вооруженными силами Великобритании, Франции и других крупных империалистических держав; при этом ВМС и ВВС Великобритании постараются использовать базы Эстонии, Латвии и Литвы;
- нападение одновременно на западные, южные и восточные границы СССР вооруженных сил Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Польши, Франции и Великобритании (через Турцию, Персию, Афганистан), маньчжурских милитаристов и Японии[15].

До середины 30-х гг. предпочтение, как правило, отдавалось первому варианту. Но когда в отношениях с Германией обозначился резкий поворот, а затем оформился военно-политический блок Германии, Италии и Японии, советские оценки были существенно скорректированы. Стали писать и говорить о необходимости быть готовыми к войне на два фронта: против нацистской Германии и ее союзников на западе и против Японии на востоке. Во второй половине 30-х гг. позиции Англии, Франции и США в этой связи оценивались советским политическим и военным руководством достаточно трезво. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии прямо говорилось: «В политике невмешательства сквозит стремление, желание – не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, – выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия»[16].

В конце 30-х гг., когда западные державы ужесточили свою позицию в отношении СССР в связи с финской войной в аналитический расчет по будущей войне стали приниматься в качестве потенциального противника также Англия с Францией. И все же основными были Германия на западе и Япония на востоке. Надо отметить, что в ходе формирования советской военной доктрины эти страны и прежде привлекали внимание теоретиков.

---

[15] См.: Война будущего. С. 37-41.

[16] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Так, Л.С. Амирагов в статье «О характере будущей войны» еще в 1934 г. писал, что вполне возможно образование против СССР коалиции государств во главе с Германией и Японией. Однако в связи с безраздельным господством классового подхода к военно-теоретическому анализу прочность такой коалиции недооценивалась. Война против СССР, писал Амирагов, «превратится в целую систему революционных, национально-освободительных войн... Это будет война, где противник наш будет иметь несколько внешних фронтов большой войны и сплошной фронт гражданской войны в тылу, внутри страны»[17]. Такая позиция была в русле официальной установки на неизбежность победоносного для СССР характера будущей войны. «Едва ли можно сомневаться, – говорилось на XVII съезде партии, – что вторая война против СССР приведет к полному поражению нападающих, к революции в ряде стран Европы и Азии и разгрому буржуазно-помещичьих правительств этих стран»[18].

Уверенность в победе вселяла и растущая экономическая мощь страны, позволявшая весьма динамично развивать отрасли военно-промышленного комплекса, и сохранявшееся убеждение, что в случае нападения империалистических держав на СССР там вспыхнут революции, и советские войска в ходе наступления встретят поддержку рабочих и крестьян этих стран. Опыт польской кампании 1920 г. при этом предпочитали не вспоминать. Практика показала, что уверенность в победе СССР в будущей большой войне имела под собой реальную почву, однако дело здесь было не в романтике мировой революции, а в том, что военная мощь государства действительно гигантски возросла в 30-е гг. Свою роль, конечно, сыграло и то, что представления о будущей победе и ее основах сохранялись на

[17] См.: Война и революция. 1934. Сентябрь-октябрь. С. 13.
[18] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

протяжении всего предвоенного и военного периода в сфере пропаганды и политико-массовой работы.

Хотя по мере приближения к войне советское руководство, сохраняя в той или иной мере иллюзии классового характера будущей войны и ее неизбежной победоносности, стало все же проявлять большую осмотрительность, стремясь всеми средствами не дать втянуть страну в войну на два фронта или против коалиции ведущих держав. Набирала силу стратегия политического лавирования, пиком которой стал «пакт Молотова-Риббентропа» или «реанимация Рапалло» 23 августа 1939 г., в результате чего были опрокинуты расчеты на создание единой антисоветской коалиции, а СССР выиграл драгоценное время для укрепления обороны страны.

Важнейшей составляющей военной доктрины любой страны в определенный исторический период, наряду с политической оценкой потенциальной войны, является оценка ее стратегического характера, основанная на анализе сложившейся геополитической обстановки, военно-технического потенциала и человеческого фактора. По этим вопросам в советском политическом и военном руководстве не было единства с самого начала обозреваемого периода. Уже в 20-е гг. оформились и столкнулись две противоположные точки зрения. Одна из них состояла в том, что Красная Армия не может сравниться с армиями ведущих капиталистических держав. Поэтому она должна исходить из тех способов борьбы, где можно в полной мере использовать свои преимущества в людских ресурсах и моральном потенциале. Например, в 1921 г. начальник штаба Западного фронта, бывший подполковник царской армии М.А. Баторский писал: «Относительное богатство техникой , особенно в классовой войне, не имеет столь большого значения, как соответствующая подготовка командования и

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

войск и их моральное превосходство»[19]. Выразителем такой позиции был и видный военный теоретик и историк, автор капитальных трудов «Стратегия», «Эволюция военного искусства» военного искусства»в те годы преподаватель Академии Генерального штаба РККА А.А. Свечин, обосновавший важнейшие принципы военной стратегии, сформулировавший основы разработки и реализации политического, стратегического, экономического и дипломатического планов войны. В оценке стратегии будущей войны он исходил из двух основных вариантов: стратегия сокрушения и стратегия измора. Первая предпочтительнее, поскольку последняя, по его словам, ведет «к затрате гораздо больших средств, чем короткий сокрушительный удар в сердце неприятеля»[20]. Однако, исходя из объективных возможностей Красной Армии, в будущей войне в основном придется делать ставку на измор.

Другую точку зрения отстаивало более молодое поколение военных специалистов, а также часть военачальников, выдвинувшихся в годы гражданской войны. В основе их взглядов лежало предположение о том, что предстоящая война будет основываться на широком применении новейшей военной техники, будет войной многомиллионных механизированных армий, а поэтому примет самые решительные и активные формы. Наиболее дальновидными представителями этого направления военного анализа были М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, В.К. Триандафиллов и др. На публичном разборе книги А.А. Свечина «Стратегия», состоявшемся в 1931 г. в Коммунистической академии, М.Н. Тухачевский назвал ее автора «агентом интервенции империализма», а его труд «пораженческим»[21]. А.В. Голубев

[19] Баторский М.А. Подготовка плана войны и операций: Работа высших штабов и командования. М., 1921. С. 3.
[20] Свечин А.А. Стратегия. М., 1927. С. 180.
[21] См.: Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М., 1931. С. 6, 7.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

писал, что теория измора Свечина является «по существу вредительской для Красной Армии»[22].

Не обошлось и здесь без травли. С начала 30-х гг. взгляды А.А. Свечина, Н.А. Морозова, А.И. Верховского все чаще объявляются «вредительскими», противоречащими большевистской военной науке. Как писал М.Р. Галактионов в статье «Задачи большевистской критики на военно-научном фронте», «развернутое наступление социализма по всему фронту есть одновременно наступление марксистско-ленинской теории на всех участках теоретического фронта»[23]. По законам непримиримой идеологической борьбы, второй подход к формированию советской военной доктрины стал отождествляться с единственно научным, и многие глубокие и обоснованные разработки военных теоретиков старшего поколения по инерции клеймились как «реакционные» и «антинаучные». Так, Б.М. Фельдман в своей книге «К характеристике новых тенденций в военном деле», опубликованной в 1931 г., подчеркивал: «Нам совершенно классово-враждебны тенденции отрицания стратегии сокрушения и подмены ее философией о войне на измор»[24].

Надо отметить, что в 30-е гг. в СССР публиковались и работы западных теоретиков военного дела, в которых впрочем в отношении характера будущей войны царил еще больший разнобой, нежели среди отечественных специалистов. Писалось и о возможности затяжной позиционной войны на измор, и о широком применении новейшей военной техники и технологий, включая химическое и бактериологическое оружие, и о столкновении малых высокомеханизированных профессиональных армий, и о ведении воздушной войны «независимой воздушной армией», которая, овладев воздушным пространством, наносит сокрушительный удар по

[22] См.: Война и революция. 1931. Кн. 10-11. С. 129.
[23] Там же. 1932. Кн. 1. С. 93.
[24] Там же. 1931. Кн. 10-11. С. 130.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наземным силам противника[25]. Среди всей этой мозаики весьма противоречивых установок формирование советской военной доктрины в 20-е – 30-е гг. сохранило свою национальную самостоятельность.

Советские военные теоретики уже в 20-х гг. исходили из того, что в своей основе предстоящая война будет всеобъемлющей, длительной и предельно напряженной. В ходе ее военные действия приобретут исключительно активный и главным образом маневренный характер. И преобладало все же мнение, что это будет война техники, война моторов. Однако не сбрасывался при этом со счетов и фактор исключительного напряжения и соревнования морально-боевых качеств солдат и офицеров. Все эти положения сформулированы еще у М.В. Фрунзе. В статье «Фронт и тыл будущего» он писал: «Опыт войны показал, что достижение целей войны в современных условиях стало делом значительно более сложным, чем прежде... Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления армии, последняя может легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу... При столкновении первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жестокого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения»[26].

[25] См.: Там же. 1931. Кн. 12; Дуэ Д. Господство в воздухе: Сборник трудов по вопросам воздушной войны: Перевод с итал. М., 1936.
[26] Фрунзе М.В. Избранные произведения. С. 182-183.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Вывод, к которому еще в 1926 г. приходит М.Н. Тухачевский, таков: «Основной чертой современных войн является грандиозный размах и по тем экономическим средствам, которые применяются в войне, и по людским ресурсам, которые ее питают, и по пространству, занимаемому воюющими, и, наконец, по продолжительности»[27]. Выяснением стратегического характера будущей войны занимались И.И. Вацетис, Б.М. Шапошников, А.М. Зайончковский, А.И. Корк и др. И за отдельными разногласиями все же просматривается общее убеждение в мировом характере, огромном размахе будущей войны, ее беспрецедентности как по количеству участвующих в ней людских масс, пространству и продолжительности, так и по экономическим средствам, питающим войну, в том, что воевать будут многомиллионные армии, оснащенные самым современным оружием и военной техникой. Поэтому страна должна готовиться к такой войне заблаговременно.

При разработке стратегической доктрины для будущей войны советские теоретики в целом сходились и по вопросу о том, что война будет носить наступательную направленность. Предполагалось, что в основе действий как агрессора, так и обороняющейся стороны будут лежать преимущественно активные наступательные действия. Такое требование к Красной Армии исходило из основных принципов большевистской внешней политики. «Наша внешняя политика ясна, – говорилось на XVII съезде ВКП(б). – Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами. СССР не думает угрожать кому бы то ни было и – тем более – нападать на кого бы то ни было. Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. Кто хочет мира и добивается деловых связей с

[27] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 252.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

нами, тот всегда найдет у нас поддержку. А те, которые попытаются напасть на нашу страну, – получат сокрушительный отпор»[28].

Наступательный характер советской военной доктрины 30-х гг. получил отражение и в проекте Полевого устава 1939 г.: «Оборона нашей Родины есть активная оборона. На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушительным ударом, всей мощью своих Вооруженных Сил... Если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападающих армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории»[29]. Исходя из этого перед армией и флотом ставилась задача воспитывать воинов в духе активности, готовить их к защите завоеваний революции путем энергичных, решительных и смело проводимых операций.

При разработке военной доктрины чрезвычайно важно было теоретически решить вопрос о том, станет ли будущая война маневренной или по преимуществу позиционной. Здесь не было единого мнения. М.В. Фрунзе и И.И. Вацетис доказывали вероятность и маневренных, и позиционных форм ведения войны при преобладающей роли первых. «Никакая наиманевреннейшая война, – писал Фрунзе, – никогда не обходится без элементов позиционности»[30]. С такой точкой зрения был категорически не согласен Н.Е. Какурин, полагая, что позиционные войны навсегда остались в прошлом, а для будущей войны характерен маневр[31]. Этого взгляда в начале 20-х гг. придерживался и М.Н. Тухачевский. Но большинство военных теоретиков и военачальников исходили из необходимости в будущем сочетать позиционные и маневренные формы

[28] XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 14.
[29] Полевой устав Красной Армии. 1939. Проект. М., 1939. Ст. 2.
[30] Фрунзе М.В. Избранные произведения. С. 65.
[31] Какурин Н.Е. Характер и метод нашей военно-научной работы // Военный вестник. 1922. № 3. С. 5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ведения войны. Так, А.М. Вольпе подчеркивал, что между этими формами вообще нет резкой непреодолимой грани: «Война может быть или более маневренной, или более позиционной. Нельзя дать гарантии, что в будущей войне можно будет совершенно избегнуть позиционных форм, периодов, участков и т.д.»[32]. К подобному выводу в 1937 г. приходит и М.Н. Тухачевский.

Особое место в развитии советской военной доктрины в 30-е гг. занимает разработка вопросов материального обеспечения войны, которые неразрывно связаны с проблемами способов ведения войны. Советская военно-теоретическая мысль пришла к выводу, что предстоящая война будет войной самой разнообразной и передовой военной техники, и ее успех будет во многом зависеть от качества этой техники и ее умелого использования. Еще в 1925 г. М.В. Фрунзе писал: «Мы должны иметь армию, вооруженную по последнему слову техники, армию, которая в этом отношении будет стоять на равной доске, если не выше, с армией любого буржуазного государства. Надо помнить, что в грядущих военных испытаниях мы будем иметь против себя силу, гораздо более серьезную, чем противники эпохи гражданской войны. Техника Колчака, Деникина, Врангеля, техника белополяков – лишь слабый намек на то, что в будущем выставят против нас наши враги. Этой силе мы должны противопоставить собственную мощь»[33]. Но в 20-е гг. такая постановка вопроса выглядела, как мечты, поскольку технически СССР был отсталой страной, переживавшей острые экономические трудности в связи с разрухой, необходимостью восстанавливать народное хозяйство.

Осуществить техническое переоснащение Красной Армии на основе индустриализации и выполнения пятилеток стало возможно лишь в 30-е гг. И

[32] Вольпе А.М. Фронтальный удар: Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. М., 1931. С. 388.
[33] Фрунзе М.В. Избранные произведения. С. 57.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в этой связи взгляды на характер будущей войны претерпели существенные коррективы. Правда, тот шквал репрессий, который был обрушен на верхушку военного руководства, тяжело отразился на техническом переоснащении армии. Наиболее последовательные защитники идеи войны моторов, техники и технологий, прежде всего М.Н. Тухачевский, были объявлены «врагами народа», а потому те призывы и требования, с которыми они выступали и острая актуальность которых была, казалось бы, очевидной, либо замалчивались, либо преподносились под другим авторством. Только в январе 1941 г. Сталину пришлось признать, что настало время «расклевать опыт гражданской войны» и взять на вооружение новый опыт, что «современная война будет войной моторов. Моторы на земле, моторы в воздухе, моторы на воде и под водой. В этих условиях победит тот, у кого будет больше моторов и больший запас мощностей»[34].

Однако советская военная мысль не склонялась к абсолютизации технической стороны подготовки к будущей войне, отдавая отчет в том, насколько важно, в чьих руках будет передовая военная техника. Большое значение придавалось подготовке и выучке личного состава войск. Ленинское положение о том, что при всем громадном значении нового оружия успех в современной войне недостижим без сознательного и инициативного бойца, имело большое значение при разработке военной политики.

Опыт войны с Финляндией в 1939-1940 гг. обнаружил большие проблемы со стратегической подготовкой нашей страны к будущей большой войне: между теоретическими представлениями о характере войны и реальной действительностью выявился большой разрыв. Практика показала, что наркомат обороны не справляется с решением многих насущных проблем. Итоги финской кампании были обсуждены на мартовской (1940 г.)

[34] Цит. по: Казаков М.Н. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 61.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пленуме ЦК ВКП(б). по итогам проверки деятельности наркомата обороны К.Е. Ворошилов был снят с занимаемой должности, новым наркомом обороны в мае 1940 г. был назначен С.К. Тимошенко. В конце декабря состоялось совещание высшего командного и начальствующего состава. В докладах генералов Г.К. Жукова, И.В. Тюленева, Д.Г. Павлова и некоторых других участников совещания указывалось на крупные изменения в оперативной искусстве воюющих армий, звучала озабоченность состоянием боеготовности советской армии, разработкой в теории ряда проблем, связанных с ведением войны на Европейском театре[35].

В условиях исключительно тяжелой и напряженной военно-политической обстановки, которая сложилась в мире на рубеже 30-х – 40-х гг., связанной прежде всего с агрессивной политикой правящей верхушки Германии, Японии и Италии, в условиях уже фактически начавшейся второй мировой войны советское руководство было вынуждено в кратчайшие сроки приводить свою военную доктрину, военную стратегию в соответствие с теми требованиями, которые предъявляла война. Было исключительно важно правильно решить в теории вопрос о том, что будет собою представлять начальный период войны.

В советской военно-теоретической мысли по инерции, идущей еще от 20-х гг., считалось, что период этот будет охватывать промежуток времени от объявления войны до завершения развертывания и начала решающих операций главных сил воюющих сторон. При этом предполагалось, что с момента объявления войны противники поведут мобилизацию, а под прикрытием ограниченных боевых действий одновременно или с некоторым разрывом по времени сосредоточат и развернут на театрах военных действий необходимые стратегические группировки своих войск. Ожидалось, что этот период продлится не менее 10-15 суток.

[35] См.: Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12(1).

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Но со временем становилось все более очевидно, что в связи с бурным развитием авиации и танковых войск война вероятнее всего начнется с внезапного нападения агрессора, без официального объявления. В такой ситуации начальный период войны должен был характеризоваться ожесточенной борьбой на земле, в воздухе и на море за захват и удержание стратегической инициативы. Агрессор должен еще в мирное время тайком и в максимально сжатые сроки провести частичную мобилизацию, сосредоточить на границе армию вторжения, ядром которой будут танковые и моторизованные соединения. При поддержке авиации эти части поведут приграничные наступательные операции с целью разгрома приграничных войск и срыва мобилизации и стратегического развертывания противника.

Начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский еще в 1926 г. обращал самое пристальное внимание на необходимость определить характер начального периода главной для СССР войны – на Европейском театре. В работе «Вопросы современной военной стратегии» он подчеркивал, что старые представления о способах развертывания войск и ведения приграничных сражений уже не соответствуют возможностям новых боевых средств. Он утверждал, что агрессор попытается сорвать планомерную мобилизацию в прилегающих к границе районах, в связи с чем особую важность приобретает разработка первого периода войны[36].

Этот подход к началу 30-х гг. стал широко признанным среди специалистов. О первом периоде войны, его скоротечности и динамизме, необходимости удерживать инициативу, о том, что под прикрытием армии вторжения агрессор будет проводить общую мобилизацию, писали начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе Р.П. Эйдеман, начальник ВВС РККА Я.А. Алкснис, С.И. Венцов, Е.А. Шиловский, Р.С. Циффер и др. «Борьба за право развернуться первыми, – подчеркивал Р.П. Эйдеман,– вот

[36] См.: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 261.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

что, по нашему мнению, будет характеризовать завязку будущей войны»[37]. Впрочем, и здесь не обходилось без разногласий. Например, Р.С. Циффер, обосновывая скоротечность начального периода войны и выдвигая ряд дельных стратегических соображений, в качестве одного из аргументов приводит следующее: в случае нападения на СССР империалистических стран в их тылу трудящиеся начнут гражданскую войну[38].

Анализ проблем начального периода войны осуществлялся в военных академиях, в Генеральном штабе Красной Армии. В 1932 г. под руководством начальника Штата РККА А.И. Егорова были разработаны тезисы «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов». Документ был представлен в Реввоенсовет СССР. В нем подчеркивалось, что «новые средства вооруженной борьбы (авиация, механизированные и моторизованные соединения, модернизированная конница, авиадесанты и т.д.), их качественный и количественный рост ставят по-новому вопросы начального периода и характера современных операций». Разрабатывался вопрос о целях групп вторжения: а) уничтожение частей прикрытия; б) срыв в пограничных районах мобилизации; в) захват и уничтожение запасов, созданных противником для ведения войны, и удержание районов оперативного значения, захваченных в ходе глубокого вторжения на территорию противника; г) вынуждение противника осуществлять развертывание глубоко в тылу[39]. От оперативности и успешности решения этих задач на начальном этапе войны, по мнению разработчиков документа, зависела стратегическая инициатива. Особая роль отводилась авиации, которая бомбовыми ударами, высадкой десантов могла мешать перевозкам войск на глубине до 600-800 км. Вместе с тем утверждалось, что «группы

[37] Война и революция. 1931. Кн. 8. С. 12.
[38] См.: Там же. Кн. 10-11. С. 13.
[39] См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.). с. 377-378.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армиям прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решительного поражения... Это – задача последующего периода операций, когда закончится оперативное сосредоточение»[40].

В последующие годы вышел в свет ряд военно-теоретических трудов, которые позволили глубже разобраться в сущности и содержании начального периода войны, особенностях проводимых на этом этапе операций и боевых действий. Весомый вклад внесли зарубежные теоретики и военные деятели – немецкий генерал Х. фон Зект, английский генерал Б Лиддел Гарт и др. Большинство западных военных теоретиков склонялись к тому, что с самого начала это будет война массовых армий, и начнется она крупными решительными операциями всех видов вооруженных сил.

К этому же мнению склоняется Е.А. Шиловский в статье «Начальный период войны», написанной в 1933 г.: «Даже при поверхностном обзоре современной политической ситуации и состояния военной техники (особенно развития авиации и мотомеханизированных войск) ясно, что начальный период будущей войны будет резко отличаться от такового в 1914 г. Он будет совсем другой, как по своему содержанию, так и по формам военных действий. В определенных случаях его даже может не быть в прежнем понимании, как четко ограниченного отрезка времени: он, с одной стороны, может раствориться в длительно проводимых мероприятиях подготовительного порядка, а с другой – незаметно перейти в ведение операций»[41]. Примерно об этом же пишет М.Н. Тухачевский в работе «Характер пограничных операций», подчеркивая, что действия армии прикрытия выльются в ожесточенное пограничное сражение крупного масштаба, какое прежде считалось прерогативой главных сил: «Пограничное

[40] См.: Там же.
[41] Война и революция. 1933. Сентябрь-октябрь. С. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сражение будут вести не главные силы армии, как это было в прежних войнах, а особые части, особая передовая армия, дислоцированная в приграничной полосе»[42]. Ядро такой армии должны составить механизированные и кавалерийские соединения, расположенные в 50-70 км от границы, а также соединения авиации, базирующиеся в 120-200 км от границы.

Большое внимание советская военно-теоретическая мысль уделяла проблеме срыва планов противника на начальном этапе войны. Здесь авторы работ единодушно подчеркивали, что пассивность может привести к самым плачевным результатам. Как писал Р.П. Эйдеман, «самое худшее в современных условиях это стремление в начальный период войны придерживаться тактики выжидания. Такая тактика при активном противнике, подготовившем свой воздушный флот и подвижные наземные войска для активных действий уже в начальный период войны, приведет к тому, что авиация обороняющегося, будучи принуждена распылять свои усилия по всему пространству обороняемой территории, неизбежно принесет в этой борьбе крупные потери и вступит в конечном счете в решающий фазис войны достаточно измотанной и морально подавленной»[43].

Теоретические представления по данному важнейшему вопросу легли в основу разработанного Штабом РККА в 1934 г. «Наставления по операции вторжения». В нем начальный период войны был определен как период борьбы за стратегическое развертывание вооруженных сил. Войска вторжения должны были решать те задачи, которые были определены еще в тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов». В мае 1935 г. начальник Штаба РККА А.И. Егоров предпринял полевую поездку по Белорусскому и Приволжскому военным округам с целью

[42] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 217.
[43] Война и революция. 1931. Кн. 8. С. 13-14.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

проверки действий войск на начальном этапе войны в условиях, когда противник упреждает в развертывании. По итогам поездки был сделан такой вывод: войска прикрытия должны сохранять силы даже ценой частичной потери территории[44]. В самом начале 1936 г. были изданы директивы наркома обороны и начальника Штаба РККА, объявлявшие 1936 г. годом отработки проблем начального периода на оперативном фоне будущей войны. На маневрах войск по-прежнему отрабатывалась ситуация, в соответствии с которой войска противостояли противнику, имевшему некоторое преимущество в развертывании. В последующие годы на учениях и маневрах разновариантная отработка действий уже не допускалась. Единственным и определяющим стал вариант, по которому Красная Армия с первых дней войны наносила поражение противнику, отбрасывала его от границы и вела военные действия на вражеской территории.

В общих чертах официальный взгляд на начальный период войны, составлявший существенную часть советской военной доктрины, можно представить на конец 30-х гг. следующим образом:

- Современные войны не объявляются, а начинаются внезапно, вероломно, поэтому уже в мирное время должны быть созданы могучие вооруженные силы, находящиеся в постоянной боевой готовности.
- Война начнется крупными силами, но не основными. В это время главные силы будут завершать мобилизацию, продолжат сосредоточение и стратегическое развертывание под прикрытием первого эшелона.
- Войска приграничных военных округов (армии прикрытия), заранее отмобилизованные, развернутые и приведенные в повышенную боевую готовность, должны нанести немедленный ответный удар. Одновременно начинается всеобщая мобилизация для создания второго стратегического эшелона главных сил Красной Армии.

[44] РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 860. Л. 1785-1799.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

■ В ходе начального периода армии приграничных округов, опираясь на действия авиации, бронетанковых и механизированных войск, отразят нападение противника и перенесут борьбу на его территорию. Одновременно завершаются мобилизация, сосредоточение и развертывание главных сил, которые, опираясь на успешные действия войск армий прикрытия, начнут свои операции в значительно более выгодных условиях, чем это было возможно при прежних взглядах на начальный период войны.

Как показал последующий опыт, эти положения во многом уже не отвечали изменившимся условиям развязывания войны. Когда Германия внезапно напала на Польшу, а затем разгромила Францию, стала очевидной та особенность, что первый удар скрытно отмобилизованными и развернутыми главными силами. Нельзя сказать, чтобы это прошло незамеченным для советской военно-теоретической мысли и военного руководства. Как подчеркивал преподаватель Военной академии Генштаба Г.С. Иссерсон, германо-польская война «началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов»[45].

На совещании высшего руководства РККА в декабре 1940 г., на котором обсуждалось нападение Германии на Польшу, была подмечена и внезапность удара, и решающая роль танковых войск и авиации в ведении современной маневренной войны. Однако сохранилось убеждение, что подобное внезапное нападение заранее отмобилизованными силами возможно лишь в войне против небольшого государства. Для нападения же на СССР потребуется время для мобилизации, сосредоточения и развертывания основных сил. На этом совещании начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П.С. Кленов резко критиковал взгляды Г.С. Иссерсона по поводу того, что начального

[45] Иссерсон Г.С. Новые формы обороны: (Опыт исследования современных войн). Вып. 1. М., 1940. С. 29.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

периода войны не будет, а она начнется вторжением готовых и отмобилизованных сил[46].

Г.К. Жуков в своих воспоминаниях пишет: «Крупным пробелом в советской военной науке было то, что мы не сделали практических выводов из опыта сражений начального периода второй мировой войны на Западе»[47]. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, – продолжает он, – практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами. На самом деле и силы, и условия были далеко не равными»[48].

В трудах советских военных теоретиков 20-х – 30-х гг. совершенно особое место занимают вопросы стратегического наступления. Это объясняется тем, что будущая война официально оценивалась как революционно-классовая война, что ориентировала советскую военную стратегию на самые решительные настроения в отношении стратегического наступления. Например, во Временном полевом уставе 1925 г. подчеркивалось: «Обороняясь, можно только ослабить противника, но не уничтожить его. Уничтожение же его боевых единиц достигается только путем наступления»[49]. Такая точка зрения превалировала в руководстве РККА. Хотя были сторонники и более гибкого подхода к вопросам стратегии ведения войны. Так, командующий Сибирским военным округом Н.Н. Петин,

[46] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 153.
[47] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 323-324.
[48] Там же. С. 338.
[49] Временный полевой устав РККА. Часть II. (Дивизия и корпус). С. 218.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

выступая на I Всероссийском съезде командного и политического состава, отстаивал маневр как важнейшую составляющую стратегии и тактики в современной войне, посредством которой наилучшим образом достигается ошеломляющее впечатление на противника[50].

Критикуя взгляды Петина, М.Н. Тухачевский в своей работе «Вопросы высшего командования» изложил свой взгляд на проблему наступления, который значительно лучше согласуется с официальной и общепринятой позицией: «Операции ведутся для уничтожения живой силы врага, что необходимо для достижения целей войны. Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как помимо ослабления неприятельской армии пленные экономически укрепляют тыл победителя. Если пленение затруднительно или не удается, операция должна достигнуть уничтожения путем физического истребления врага. На активности, изобретательности, на решительном стремлении к уничтожению армии противника должны быть воспитаны командиры всех степеней»[51]. Таким образом, в качестве цели стратегического наступления должен рассматриваться переход к победителю всех обороняемых противником территорий и промышленных районов как результат уничтожения армии последнего. Это считалось незыблемым правилом.

Анализируя опыт первой мировой и гражданской войн, советская военно-теоретическая мысль приходит к выводу, что в современной войне из-за высокой живучести армий недостаточно одного удара, одной наступательной операции, пусть даже и гигантской по своим масштабам. Необходима серия наступательных операций, проводимых на широком фронте и на большую глубину. При разработке способов ведения стратегического наступления большое внимание уделялось вопросам

[50] См.: Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 106-107.
[51] Там же. С. 185.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наращивания усилий войск и ведения последовательных операций. «В наших западных условиях, – писал по этому поводу М.Н. Тухачевский, – ряд последовательных операций является нашим окончательным средством для уничтожения армий противника... Наша Красная Армия... должна быть на сто процентов готова к выполнению непрерывных операций. В этом заключается основа нашего стратегического успеха, в этом заключается для нас ключ к экономному ведению войны»[52]. Он полагал, что быстро развивающиеся последовательные операции не дают противнику возможности перегруппироваться, и он оказывается прижат к последнему рубежу обороны в невыгодной для него обстановке.

Опыт стратегического руководства в гражданской войне подсказывал, что чрезвычайно важен умелый выбор направления главного удара в сочетании с решительным массированием сил и средств. Последнее считалось возможным и даже нужным проводить за счет смелого снятия сил и средств на второстепенных направлениях фронта. Предполагалось, что на направлении главного удара необходимо иметь 1,5 - 2-кратное превосходство; если противнику удалось поспешно занять оборону – 3-кратное; при прорыве подготовленной обороны –5 - 6-кратное. Плотность артиллерии соответственной должна составлять 25-30, 40-50 и 60-80 орудий на 1 км фронта прорыва[53].

Независимо от способа и формы ведения наступления считалось совершенно необходимым главный удар дополнять рядом энергичных ударов на вспомогательных направлениях, чтобы лишить противника возможности маневра силами для отражения наступления основной группировки войск и ввести его в заблуждение относительно намерений наступающей стороны. В качестве наиболее эффективной формы ведения

[52] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 256.
[53] См.: История отечественной артиллерии. Т. 3. Кн. 8. С. 141-142.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стратегического наступления рассматривалось окружение главных сил противника, хотя в современной маневренной войне окружение и уничтожение крупных группировок – очень непростое дело. Поэтому такая операция рекомендовалась только при наличии значительного превосходства сил, главным образом, при наступлении силами двух фронтов.

С середины 30-х гг. большое внимание в советской военной теории уделялось расчету обоснованных темпов наступления. При прорыве спешно занятой противником обороны обоснованным считался среднесуточный темп наступления в 10-12 км, в случае подготовленной обороны – 5-6 км. Но даже самый успешный прорыв не мог рассматриваться как решающий, если он сразу же не перерастает в неотступное преследование противника. Главное условие для этого – чтобы основная ударная группировка действовала компактно, а ее наступление велось стремительно и маневренно.

В это же время в советской военной науке разрабатывается теория глубокой операции, согласно которой, прорыв стратегического фронта противника осуществляется в два этапа: на первом этапе оборона подавляется на всю тактическую глубину мощными ударами авиации и артиллерии, а затем прорывается безостановочным наступлением пехоты и танков; на втором этапе в прорыв вводятся подвижные войска – механизированные и кавалерийские соединения, десанты. Развитие прорыва в глубину превращается из тактического успеха в оперативный, захватываются важные экономические районы противника, аэродромы, базы снабжения. В качестве важнейшего условия для проведения глубокой операции выдвигалось завоевания господства в воздухе. Другими условиями признавалось ведение наступательных действий на широком фронте с решительным массированием сил и средств на направлении главного удара, изоляция района наступления ударной группировки от резервов противника

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

посредством нанесения авиаударов и высадки десантов, воспрепятствование подвозу материальных средств атакованным войскам.

Данная теория проверялась и дорабатывалась в ходе маневров и военных игр в Белорусском, Киевском и других военных округах. Специальная военно-стратегическая игра была проведена Генштабом РККА в 1936 г. Затем на авторов теории глубокой операции обрушились репрессии, и о ее существовании какое-то время старались не вспоминать. Но в декабре 1940 г., выступая с докладом «Характер современной наступательной операции» на совещании высшего командного и политического состава Красной Армии, Г.К. Жуков, в частности, говорил: «В условиях нашего Западного театра военных действий крупная наступательная операция со стратегической целью, мне кажется должна проводиться на широком фронте, во всяком случае масштаба 400-450 км»[54]. Проведение такой операции, по его словам, должно было бы потребовать сосредоточения 85-100 стрелковых дивизий, 4-5 моторизованных и 2-3 кавалерийских корпусов, 30-35 авиационных дивизий. По существу это был подход к стратегическому наступлению, заложенный еще разработчиками теории глубокой операции М.Н. Тухачевским, Р.П. Эйдеманом, В.К Триандафилловым.

В то же время, опираясь на опыт локальных конфликтов и набирающей обороты второй мировой войны, Г.К. Жуков сформулировал ряд новых требований к наступлению. По его убеждению, современная наступательная операция могла рассчитывать на успех лишь в том случае, если удар наносился в нескольких решающих направлениях, на всю глубину оперативного построения с выброской крупных подвижных сил на фланги и в тыл основной группировки противника. «Одновременно с действиями на решающих направлениях, – отмечал он, – наступательными и вспомогательными ударами противник должен быть деморализован на

[54] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 135.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

возможно широком фронте. Только такая наступательная операция может в относительно короткие сроки привести к окружению и разгрому основной массы сил противника на всем фронте предпринимаемого наступления»[55].

На том же совещании свои соображения по вопросам ведения наступательных операций современной войны на главном для СССР Западном театре военных действий изложил С.К. Тимошенко. Он согласился с Г.К. Жуковым, что современная операция полнее всего развертывается в масштабах фронта, при этом фронт играет роль оперативно-стратегической организации. Говорилось о возможности достижения конечной цели войны посредством проведения ряда промежуточных фронтовых операций. Ширина полосы наступления фронта определялась в 80-300 км, глубина – в 60-250 км, среднесуточный темп наступления – 10-15 км. Было выделено три формы оперативного прорыва в качестве основного вида наступательной операции: единый удар сосредоточенными силами нескольких ударных армий с целью пробить брешь на сравнительно узком участке фронта (80-100 км) с целью прорыва в тыл противника крупных конно-моторизованных соединений; наступление нескольких ударных армий на широком фронте (200-250 км); нанесение нескольких взаимосвязанных ударов на общей полосе шириной 350-450 км с целью добиться прорывов на нескольких направлениях, дробление фронта противника, окружение и разгром отдельных его группировок[56].

В непосредственной близости к нападению со стороны фашистской Германии на совещаниях комсостава РККА, в публикациях военачальников и военных теоретиков рассматривался и доводился до ума весь комплекс вопросов, связанных со стратегическим наступлением, включая оптимальную концентрацию танков и орудий на 1 км фронта, число этапов операции и

[55] Там же.
[56] См.: Там же. С. 349-350.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

состав эшелонов наступления, варианты использования подвижных войск, масштаб артиллерийской и авиационной подготовки, условия, исключающие для группировок разгромленного противника восстановить фронт и т.д. Имея в виду маневренность как неотъемлемую характеристику предстоящей войны, специалисты анализировали вопросы, связанные с встречным сражением и его характерными особенностями (быстро меняющаяся обстановка и скоротечность боевых действий, требующие предельной инициативности, борьба за упреждение в развертывании, за выигрыш флангов, за захват и удержание инициативы). Большое значение придавалось организации непрерывного и твердого управления войсками. От командующих фронтами требовался учет политических и военных факторов обстановки. Важнейшей задачей командования и штабов считалось глубокое проникновение в планы противника с тем, чтобы в ходе наступательной операции все время поддерживать превосходство в силах на главном направлении.

Все эти теоретические установки, элементы советской военной доктрины периода, предшествующего непосредственному вступлению в войну, были в основном правильными и для своего времени передовыми. Но все же в них присутствовала определенная недооценка противника, возможности его реального противодействия. Несколько излишний оптимизм присутствовал в оценке морального превосходства Красной Армии, равно как и материального потенциала Вооруженных Сил СССР. Поэтому с реализаций многих положений теории наступления возникли большие проблема в первые годы войны. Однако теоретический задел не пропал даром, и в конечном итоге критически пересмотренные, доведенные до ума практикой военных действий, положения советской наступательной доктрины заработали.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Советская военная доктрина, становление которой происходило в 20-е - 23-е гг., не ограничивалась положениями наступательной стратегии. В ней присутствовало признание не только правомерности, но и необходимости как оперативной, так и стратегической обороны. К такому повороту событий надо было быть готовым в случае неблагоприятного поворота в общей стратегической обстановке, а также на второстепенных театрах военных действий, для экономии сил, выигрыша времени, отражения превосходящих сил противника, закрепления достигнутого успеха и решения других задач. Но значение обороны в силу политических соображений принижалось, постоянно подчеркивалось, что это вспомогательный вид военных действий, и обороной не только войну, но даже и сражение выиграть нельзя. Однозначная установка на победу в будущей войне сыграла здесь отрицательную роль. Недооценка обороны как в теории, так и на практике со временем стала давать о себе знать очень отчетливо.

На рубеже 30-х - 40-х гг. о стратегии обороны в специальной литературе практически ничего не появлялось. О ней говорили как об «уделе обреченных», и вообще даже в частном разговоре всерьез обсуждать проблемы обороны было небезопасно. Но это не означает, что теория обороны вообще не развивалась. В 20-е гг., развивая опыт гражданской войны, теоретики писали об обороне с позиций сдерживания и истощения противника в маневренных боевых действиях. Стратегическая оборона в начале возможной войны мыслилась как средство обеспечения развертывания Вооруженных Сил и прикрытия участков фронта между направлениями наступления. Обосновывая этот подход, М.Н. Тухачевский писал в 1923 г.: «Наши будущие боевые столкновения... будут маневренного характера, т.е. решительного и подавляющего... Стремление к решительным столкновениям потребует смелых, плотных группировок на решающих направлениях и смелого оголения участков неважных, связующих. Войска

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

связующих участков на неважных направлениях обыкновенно будут обороняться, а при недостатке сил иногда и отступать»[57].

На случай оборонительных действий вставал вопрос, чему теоретически должно отдаваться предпочтение – сохранению живой силы войск или удержанию взятых позиций любой ценой. Сторонники гибкого подхода в этом вопросе предлагали в каждом случае руководствоваться конкретно возникающей ситуацией. Так, М.В. Фрунзе предлагал не отмахиваться от тех обстоятельств, которые могут заставить Красную Армию оставить занимаемую территорию, и в этом случае, писал он, «отступление не есть бегство.., бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его разгромить»[58]. Другие авторы предлагали в любом случае исходить из необходимости жесткого удержания обороняемых рубежей, ставя способ ведения стратегической обороны, применения маневренных или позиционных ее форм в зависимость от размеров удерживаемой территории и важности прикрываемых объектов. Например, А.А. Свечин, подчеркнув, что в будущей войне хотя бы некоторые участки фронта будут существовать как позиционные, писал: «Богатый промышленный центр, важный узел сообщений, близость ценной для рокировки магистрали заставляют крепче занимать участок; остальная местность, лишенная ценных географических объектов, будет прикрываться слабее, но эта разница не будет столь значительна, как в маневренной войне»[59]. При любых вариантах построения обороны в литературе шла речь об активном ее характере, смелом нанесении по противнику контрударов и контратак.

---

[57] Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Т. 1. С. 110.
[58] Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 60.
[59] См.: Свечин А.А. Стратегия. С. 187-188, 189.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В 30-е гг. стали много писать о том, что оборона должна быть непреодолимой для врага. Это положение отражено во Временном полевом уставе 1936 г., где говорится, что враг не должен быть в состоянии преодолеть оборону, «*как бы силен он ни был на данном направлении*»[60]. Для реализации такой установки требовались специальные меры по повышению способности войск противостоять массированным ударам крупных сил артиллерии, авиации и танков. Репрессии не дали возможность провести эти меры, по существу, вновь переведя проблемы стратегической обороны в категорию несущественных, тех, которые не стоит обсуждать. И лишь в 1940 г., когда уже стали очевидны первые уроки мировой войны, а также имелся невеселый опыт советско-финляндской войны, советское руководство вынуждено было вернуться всерьез к проблемам организации стратегической обороны в теории и на практике.

В декабре 1940 г. на совещании высшего командного и политического состава РККА генерал И.В. Тюленев сделал доклад «Характер современной оборонительной операции», в котором признал: «Мы не имеем современной обоснованной теории обороны, которую могли бы противопоставить современной теории и практике глубокой армейской наступательной операции». Вывод доклада сводился к тому, что оборонительные действия в зависимости от задач, предусмотренных оперативным планом и условиями, которыми они вызваны, могут носить длительный характер, что, по убеждению докладчика, обрекает обороняющегося на неудачи и на позиционную войну, либо временный характер, что «вызывается закономерностью общего боя и позволяет обороняющемуся при создании наивыгоднейших для него условий нанести противнику поражение малыми силами». В докладе речь шла о роли сильных инженерных укреплений и широкого использования новейших средств борьбы против стремления

[60] Временный полевой устав РККА. 1936. (ПУ-36). С. 16.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

противника парализовать эшелонированную оборону мощной авиацией и мотомехсоединениями. «Необходимо так организовать оборону, – подчеркивал Тюленев, – чтобы она была способна не только дать одновременный мощный огневой отпор по всей глубине проникновения танковых, моторизованных, авиационных и пехотных соединений, но и сломить наступающего морально и физически частыми контрударами, а также общим контрнаступлением оперативных резервов, в полном взаимодействии с войсками фронта нанести противнику сокрушительный удар»[61].

На том же совещании было уделено внимание ряду проблем оперативной обороны. Было, в частности, подчеркнуто, что оборона должна быть противоаритллерийской, противотанковой и противосамолетной, и какие задачи с этим связаны. Однако в теоретическом отношении рассмотрение проблем стратегической обороны не пошло дальше рамок ведения фронтовой оборонительной операции и ограничилось теми положениями, которые имелись относительно действий сил прикрытия на начальном этапе войны. Исходя из опыта финской кампании, нарком обороны С.К. Тимошенко поставил вопрос о том, чтобы современная оборона была «многоэшелонной, многополосной, глубокой, с нарастающим в глубине сопротивлением», а также упорной и активной[62]. В отношении проблем обороны эти требования – упорство, активность, решительность действий, а также готовность в любое время перейти в наступление, – звучали постоянно, как заклинание, часто подменяя серьезную научно-практическую разработку теории стратегической обороны советских войск в приближающейся войне. Уделялось в теории внимание таким проблемам, связанным с обороной, как проведение контрударов (высшее проявление

[61] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 209-210, 211, 213.
[62] Там же. С. 343.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

активности обороны), взаимодействие обороняющихся соединений с подошедшими фронтовыми резервами, сочетание позиционной и маневренной обороны. Ведение последней обычно предусматривалось на широком фронте и на значительную глубину. К сожалению, нападение Германии на СССР в том виде, в каком оно было организовано противником, сразу же поставило Красную Армию в такое положение, при котором организовать и вести стратегическую и оперативную оборону в том виде, в каком это мыслилось до войны, оказалось практически невозможно.

Важное место в формировании советской военной доктрины в исследуемый период занимали научные разработки в области применения наиболее современных видов Вооруженных Сил в предстоящей войне. Изучением теоретических проблем использования авиации в будущей войне занимались Генеральный штаб, Главное управление ВВС, а также большая группа военных ученых – А.С. Алгазин, В. Колосовский, А.Н. Лапчанский, В.В. Хрипин и др. Разрабатывалась особая стратегия, о которой писали, как об «искусстве наиболее рационального применения воздушных сил в масштабе всего театра войны», создавалась теория совместного с другими войсками, а также самостоятельного проведения операций силами ВВС[63].

Большинство военных теоретиков, отдавая должное авиации как одному из перспективнейших видов вооружений, исходили все же из необходимости для ВВС в будущей войне действовать в только в тесном взаимодействии с операциями наземных войск и ВМФ. На Всесоюзных Бобруйским больших маневрах в сентябре 1929 г. с участием войск Белорусского, Московского, Ленинградского, Украинского и Северокавказского военных округов авиация выполняла следующие задачи: наносила удары по обороняющимся войскам, развивала успех штурмовыми

[63] См.: Война и революция. 1925. Кн. 7-8. С. 128; 1926. № 1-2. С. 109; Алгазин А.С. Обеспечение воздушных операций. М.-Л., 1928.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

действиями совместно с конницей и мотомеханизированными частями, прикрывала войска, наносила бомбовые удары по железным дорогам и транспортным узлам, вела воздушные бои для достижения господства в воздухе. Опыт этих маневров обобщил А.Н. Лапчинский в труде «Воздушные силы в бою и операции», уделив особое внимание борьбе за господство в воздухе[64].

В 30-е гг. написано много военно-теоретических трудов, посвященных оптимальным военным операциям с участием ВВС, воздушно-бомбардировочным, воздушно-десантным операциям и их сочетанию. В феврале 1934 г. был проведен опертивно-тактический сбор высшего начсостава под руководством командующего Ленинградским военным округом по авиации В.Н. Лопатина, на котором проводились занятия на тему «Воздушная операция по срыву железнодорожных перевозок противника». В 1936 г. вышел приказ наркома обороны К.Е. Ворошилова, которым ВВС предлагалось всесторонне отработать «самостоятельные действия и операции Воздушных Сил в условиях взаимодействия авиации с другими родами войск в современном общевойсковом глубоком бою и операции»[65]. Вышедшая в апреле 1936 г. «Временная инструкция по самостоятельным действиям Воздушных Сил РККА» содержала основные направления этой отработки будущих действий в условиях войны: нанесение ударов по самолетам противника на аэродромах, морскому флоту в море и на базах, разрушение крупных политико-экономических центров в глубине территории врага, срыв мобилизации и стратегического сосредоточения путем проведения самостоятельных операций.

К концу 30-х - началу 40-х гг. вопрос о месте и роли ВВС в будущей войне стал в теории решаться как вопрос о путях и методах достижения

[64] См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.). С. 632.
[65] РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 6. Л. 136.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

господства в воздухе. В специальной статье на эту тему П.П. Ионов выделяет три вида такого господства: тактическое, оперативное и стратегическое. Первое он трактует как достижение господства авиации в ограниченной зоне действия наземных войск над полем боя. Оперативное господство – это временное господство в воздухе на период проведения наземной, воздушной или морской операции. Стратегическое же господство в воздухе это положение, которое составляет главную цель воздушной войны, «при котором мы, разгромив воздушные силы противника, уничтожив источники их восстановления (склады и авиационную промышленность) и не допуская восстановления этих источников, в состоянии выполнять все свои последующие задачи»[66].

Еще с января 1936 г. в ВВС стали создаваться так называемые авиационные армии особого назначения (АОН). На них и возлагалась твердая надежда на достижение в будущей войне стратегического господства в воздухе. Но опыт финской войны показал излишнюю громоздкость и трудноуправляемость АОН, и от них пришлось отказаться. В декабре 1940 г. вопросы целесообразного применения ВВС в войне обсуждались на совещании высшего командного и политического состава РККА, участники которого поддержали положения доклада начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации П.В. Рычагова, в котором говорилось о проведении ряда воздушных операций по уничтожению действующей авиации противника, запасов материальной части и горючего, разрушению авиационной промышленности как одному из основных средств достижения стратегического и оперативного господства в воздухе. Отмечалось, что лучшим способом поражения авиации противника на земле является одновременный удар всех родов авиации по большому количеству

[66] См.: Военная мысль. 1937. № 5-6. С. 77.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

аэродромов возможного базирования вражеской авиации[67]. Однако проблемы обеспечения безопасности ВВС на случай проведения противником аналогичных действий по захвату стратегического господства в небе оставались накануне войны все же недостаточно проработанными, что было связано с преобладанием наступательной стратегической доктрины.

В качестве неотъемлемого элемента защиты от потенциальной угрозы сильной авиации противника в надвигающейся войне в Советском Союзе осуществлялись энергичные мероприятия по созданию войск ПВО. С конца 20-х гг. разрабатывается теория стратегического применения этих войск в войне. Первоначально мыслилось, что они будут необходимы лишь в приграничной полосе, так как воевать советская сторона намеревалась на территории противника. Однако в дельнейшем со всей очевидностью встал вопрос о необходимости организации противовоздушной обороны объектов на всей территории страны, для чего необходимо было создавать зоны, районы и секторы ПВО. Отражение воздушного нападения планировалось производить силами зенитной артиллерии, истребительной авиации, прожекторных частей, средств воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В 30-е гг. шли дискуссии среди специалистов о целесообразных формах применения истребительной авиации в ПВО. Уже в первой половине 30-х гг. основные теоретические вопросы применения войск ПВО были разработаны в литературе. Но связь между теорией и практикой в этой области оставляла желать лучшего. На практике противовоздушная оборона продолжала строиться по-старому. Отсутствовал единый план ПВО и централизованная система управления[68].

В последующем по инициативе 6-го управления Генштаба РККА была всесторонне разработана система ПВО военно-административного,

[67] См.: Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). С. 176.
[68] РГВА. Ф. 32871. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

административно-политического и промышленного пункта, в основе которой была идея глубоко эшелонированной ПВО, взаимодействия авиации и зенитной артиллерии. Эта система была рассчитана на отражение массированных ударов авиации противника в широком диапазоне высот и скоростей полета, в любое время суток и в любых метеоусловиях. Опыт начала второй мировой войны показал необходимость сочетания объектового и зонального принципов прикрытия в ПВО, и эта проблема была всесторонне разработана в труде Н.С. Виноградова «Противовоздушная оборона крупного центра», который вышел в самом начале 1941 г.[69]

Важную роль в проработке военной доктрины советского государства накануне надвигающейся войны предстояло сыграть формированию новых теоретических подходов к применению Военно-морского флота в современной войне. По этой проблематике в конце 20-х - начале 30-х гг. шли острые дискуссии. Одни теоретики исходили из необходимости завоевания полного господства на море и рассматривали вытекающие отсюда военно-стратегические задачи. Другие, учитывая огромные материальные затраты, связанные с такой постановкой вопроса, а также бурного развития морской авиации и подводного флота, разрабатывали теорию «малой войны на море», для ведения которой предлагалось использовать авиацию, подводные лодки, торпедные катера и другие быстроходные легкие силы надводного флота[70]. Официально же была занята промежуточная позиция. Так, во Временном морском уставе 1936 г. говорилось, что ВМФ может проводить как самостоятельные операции, так и участвовать «в совместных действиях с сухопутными войсками на морском побережье»[71]. Значительное место в официальном подходе 30-х гг. занимала разработка способа нанесения

[69] Виноградов Н.С. Противовоздушная оборона крупного центра. М., 1941.
[70] См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940 гг.). С. 685, 701.
[71] Временный полевой устав РККА. 1936. (ПУ-39). С. 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

комбинированных ударов по превосходящим военно-морским силам противника, которые мыслились как одновременная атака надводными кораблями различных классов, подводными лодками и авиацией с использованием артиллерии береговой обороны и минно-артиллерийских средств. На морских коммуникациях противника планировалось использовать в первую очередь подводные лодки.

Таким образом, становление военной доктрины СССР в 20-е - 30-е гг. складывалось в теоретических и научно-практических дискуссиях, в которых свои позиции по основным проблемам будущей войны, которая в той сложной обстановке резонно представлялась неизбежной, высказывали видные военные теоретики и военачальники – как выдвинувшиеся в годы гражданской войны, так и те, кому предстояло показать свой полководческий талант в Великой Отечественной войне. Излишняя политизированность общих представлений о будущей войне (ее революционно-классовом характере, вероятной поддержке со стороны пролетариата империалистических государств в случае нападения их на СССР, о большом моральном превосходстве советского воина над солдатом империалистической державы и т.д.) существенно затрудняли анализ реальных проблем, возникающих со значительным изменением параметров новой мировой войны по сравнению с предыдущей. С этим был связан и излишний оптимизм относительно неизбежно наступательного характера будущей войны со стороны Советского Союза. Тем не менее, ряд важнейших вопросов стратегии и тактики был весьма глубоко проработан в литературе, что получило отражение в официальных документах РККА, а впоследствии было реализовано на полях сражений (в первую очередь это касается стратегии наступательной операции, серии наступательных ударов, неотступного преследования противника и т.д.). Несмотря на большие трудности советской экономики в 30-е гг., военным теоретикам и практикам

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

в целом удалось убедить руководство страны в острой необходимости серьезной военно-технической подготовки, вооружения Красной Армии самыми современными видами оружия и военной техники, а также проработать теоретические аспекты использования этих вооружений в битвах будущей войны. Как известно, не все на практике пошло так, как это замышлялось в теории и отрабатывалось на маневрах. Не хватило времени на решение многих проблем, связанных с подготовкой к войне (в частности, на отработку теории стратегической обороны). Однако ни в коем случае нельзя недооценивать того, что было практически сделано в области разработки и принятия военной доктрины накануне практического начала военных действий, – хотя бы потому, что многие теоретические положения и разработки, о которых шла речь в этом разделе, со всей очевидность получили выход в практику военных действий, работали на победоносное наступление Советской Армии и разгром агрессора.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел IV. Формирование основ советского военно-промышленного комплекса в 20-е - 30-е гг.

Уже в войнах первой четверти XX в. комплекс военно-промышленных производств занимал в воюющих странах от 15 до 25% объема совокупного валового общественного продукта. А в годы второй мировой войны производство в военно-промышленном комплексе выросло более чем в два раза и составило 35-60% в объеме валового общественного продукта[1]. В годы первой мировой войны ВПК лишь потеснил все другие виды производства, а менее чем за четверть века он занял господствующее положение, подчинив своим потребностям многие ключевые отрасли советской промышленности.

Разработка большинства видов оружия и военной техники, с которыми СССР вступил в Великую Отечественную войну производилась именно в 20-30-е годы. Можно утверждать, что именно в этот период происходила комплексная производственно-технологическая милитаризация промышленности. При этом необходимо отметить, что за завесой секретности и при неизменности общей отраслевой организации производства, этот процесс не имел явных признаков и был незаметен для неискушенного человека.

На практике это происходило следующим образом: специализированные или как их еще называют кадровые заводы постепенно, но неуклонно насыщались лабораторным, опытно-производственным и испытательным оборудованием. В свою очередь специализированные КБ и НИИ заводят собственные опытно-производственные, инструментальные, строительно-монтажные производства. Первоначальное разделение труда между специализированными производственными и научными

[1] Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 102.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

организациями в деле изготовления военной продукции, сменяется комплексной интеграцией науки и производства, которая впервые проявилась именно в военном производстве.

Далее по мере усложнения вооружения происходит резкое увеличение номенклатуры военной продукции наряду со значительным возрастанием её сложности. А это в свою очередь, потребовало гораздо более высокого уровня производственной специализации. Часть военных заказов начинают передаваться на гражданские предприятия соответствующего профиля в виде постоянного заказа, за выполнение которого они несли особую ответственность. Доля этих заказов постоянно росла, а круг гражданских предприятий, привлекаемых к выполнению военных программ расширялся. Учитывая особенности плановой экономики и характер социально-политического строя нашего государства в данный период принимались и радикальные решения по перепрофилированию одного или нескольких предприятий на производство продукции военного назначения.

Крайне низкая техническая оснащенность Красной Армии в начале 20-х гг. по окончании гражданской войны была очевидна. В основном приходилось довольствоваться вооружением, оставшимся от старой царской армии слабой и отсталой в этом отношении. Современной боевой техникой промышленность еще не могла снабдить Красную Армию. Сказывалось трудное экономическое положение страны, недостаточное развитие военной промышленности. Не хватало станковых и особенно ручных пулеметов, еще не было автоматической винтовки, а старая «трехлинейка» нуждалась в модернизации. Конструктивно устарела и была сильно изношена артиллерия.

Если в наиболее развитых странах Запада практически сразу после окончания первой мировой войны, начинается бурное развитие авиации, то боевая авиация советских войск состояла тогда из 6 дивизионов, в составе

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

которых имелось 38 самолётов в основном зарубежного производства. Во время Кронштадтских событий этим силам было приказано нанести удар по обороняющимся. При его подготовке выяснилось, что 50% самолётов не готовы к ведению боевых действий и тому же не обеспечены авиационными боеприпасами. Были приняты срочные меры, самолёты были подняты в воздух и бомбили о. Котлин, военную гавань, боевые корабли и казармы. Однако их эффективность была слабой, к тому же во время налёта три самолёта потерпели аварию. По результатам применения авиации военным руководством был сделан вывод: «Воздушные средства пригодны лишь для целей разведки, наблюдения... и морального воздействия и лишь при условии отсутствия со стороны противника воздушных средств и противоздушной артиллерии. Что же касается до применения воздушных средств для борьбы с современным воздушным флотом и для разрушения укреплений современной крепости, то необходимо признать, что наличные военные средства для этого непригодны»[2].

На III Всесоюзном съезде Советов специально обсуждался вопрос о создании прочной экономической базы обороны СССР и обеспечении Красной Армии новой военной техникой. Тогда же по решению партии начался пересмотр стрелкового, артиллерийского и авиационного вооружения старых систем, для того чтобы отобрать лучшее и усовершенствовать его. Увеличиваются ассигнования на техническое оснащение армии, восстанавливаются предприятия металлопромышленности, в том числе оборонные. Создание отечественной авиации и флота советскому руководству удалось с самого начала превратить буквально во всенародное дело. Еще в 1921 г. Совет Труда и Обороны принял специальное постановление о разработке программы-минимум в строительстве воздушного флота. На его развитие отпускались

[2] Авиация и космонавтика. 1997. №3. С. 3-4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

десятки миллионов золотых рублей. Весной 1923 г. создается добровольное общество друзей воздушного флота, которое за два года собрало 6 миллионов рублей золотом. На эти средства было построено свыше 300 боевых самолетов. В итоге уже в 1925 году были прекращены закупки самолетов за рубежом.

В 1922 г. комсомол был объявлен шефом Военно-Морского Флота. За три призыва добровольцев на флот прибывают 8 тыс. комсомольцев. Происходит восстановление и организационное укрепление военно-морских сил, которые тогда состояли из Балтийского и Черноморского флотов, отрядов кораблей на Баренцевом, Каспийском и Белом морях, а также нескольких озерных и речных флотилий. Модернизацию и капитальный ремонт на Балтике проходят линейный корабль «Октябрьская революция» (бывший «Гангут»), семь эскадренных миноносцев, достраивается крейсер «Профинтерн», на Черном море входят в строй крейсер «Червона Украина», около 60 отремонтированных кораблей и вспомогательных судов. В целом же восстановление и модернизация кораблей Военно-морского Флота в основном заканчиваются к 1928 г.

Для создания отечественной военной техники, разработки новых современных образцов вооружения необходим был подъем творческой конструкторской мысли. В 1924 г. РВС СССР утверждает Положение о комиссии по военным изобретениям и состав комиссии, в которую вошли С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, И.С. Уншлихт и др. Создается ряд научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. Работу Косартопа (Комиссии особых артиллерийских опытов) консультируют такие видные ученые, как А.Н. Крылов и С.А. Чаплыгин, организуется опытное строительство новых, отечественных образцов самолетов и авиационных двигателей в знаменитом ЦАГИ (Центральном аэрогидродинамическом институте). Здесь Н.Н. Поликарпов, А.Н. Туполев и другие конструируют

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

опытные образцы истребителей и бомбардировщиков, среди них – ТБ-1, по летно-техническим данным превосходивший зарубежные самолеты этого типа.

Выдающимися трудами в области реактивного двигателя и космических полетов обогащают советскую науку К.Э. Циолковский и Ф.А. Цандер, всемерно поддерживаются талантливые изобретатели Н.И. Тихомиров, Ф.В. Токарев и др. В 1927 г. В.А. Дегтярев совместно с В.Г. Федоровым создает ручной пулемет новой системы, который по конструктивным и боевым качествам превосходил пулеметы иностранных марок. Тогда же появляется отечественная полковая пушка калибра 76 мм, а затем – зенитная пушка.

И все же к концу 20-х гг. РККА насчитывала только 7 тыс. орудий и то в основном легких. Зенитной, танковой и противотанковой артиллерии не было вовсе. К 1928 г. имелось лишь 1000 военных самолетов, в основном старой конструкции, всего 200 танков и бронемашин. Армия была очень слабо моторизована. К концу 1928 г. в войсках было лишь 350 грузовых и 700 легковых автомобилей, 67 гусеничных тракторов. Это было ничтожно мало, но до 1928 г. в стране вообще не было ни автомобильной, ни тракторной промышленности.

По сравнению с ведущими западными державами отечественная промышленная база отставала как в количественном, так и в качественном отношении. Достаточно сказать, что по сравнению с военной промышленностью Франции, оборонная промышленность СССР в конце 20-х гг. имела мощностей по выпуску боевых самолетов в 7 раз меньше, а по танкам в 20 раз[3]. Немецкий посол в СССР фон Гартман в марте 1933 года докладывал в Берлин: «Промышленность страны еще не в состоянии удовлетворить массовые потребности. Совершенно исключается

[3] Симонов Н.С. ВПК СССР в 1920-1950-е годы. С. 58.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

возможность полного или частичного удовлетворения всем необходимым, мобилизованной армии»[4]. Если учесть, что уже в 1936-1937 годах РККА была признана одной из лучших армий в мире, становится понятным весь огромный объем работы, который был проделан в этот период.

Через два года после того, как в конце 1925 г. был взят курс на индустриализацию, техническое перевооружение и реконструкцию промышленности, транспорта, сельского хозяйства, XV съезд ВКП(б) записал в своих директивах по составлению первого пятилетнего плана: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности, в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»[5].

Хотя соотношение вооруженных сил и вооружений складывалось в 1927 г. не в пользу Красной Армии, на ее стороне, в случае войны, были некоторые стратегические преимущества, обусловленные громадной территорией СССР, при сравнительно небольшой глубине фронта потенциальных противников на западном театре военных действий, которых, при условии всесторонней мобилизационной подготовки, можно было разгромить поодиночке, до вступления в боевые действия вооруженных сил второго эшелона. Правда, высшее командование Красной Армии оценивало военные и экономические возможности страны более пессимистически.

26 декабря 1926 г. Заместитель Наркома по военным и морским делам М.Н. Тухачевский представил в Распорядительное заседание (РЗ) СТО доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик», в

---

[4] Там же. С. 123.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

котором сформулировал следующие важные выводы относительно военно-стратегического положения СССР:

1. Наиболее вероятные противники на западной границе имеют крупные вооруженные силы, людские ресурсы, высокую пропускную способность железных дорог. Они могут рассчитывать на материальную помощь крупных капиталистических держав.

2. Слабым местом блока является громадная протяженность его восточных границ и сравнительно ничтожная глубина территории.

3. В случае благоприятного для блока развития боевых действий первого периода войны, его силы могут значительно вырасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу.

4. В случае разгрома нами в первый же период войны хотя бы одного из звеньев блока, угроза поражения будет ослаблена.

5. Наши вооруженные силы, уступая по численности неприятельским, все же могут рассчитывать на нанесение контрударов.

6. Наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады).

7. Задачи обороны СССР РККА выполнит лишь при условии высокой мобилизационной готовности вооруженных сил, железнодорожного транспорта и промышленности.

8. Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»[6].

Учитывая состояние материальных ресурсов и финансовых возможностей, Штаб РККА в представленном в СТО 16 июня 1927 г. 5-летнем плане развития вооруженных сил СССР не преследовал задачи получить военно-стратегическое превосходство. Первоочередными

[5] КПСС в резолюциях... Ч. II. С. 452.
[6] ГАРФ. Ф. 8418. Оп.16. Д. 3. Л. 334-335.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мероприятиями 5-летнего (1926-1931 гг.) плана строительства вооруженных сил являлись:

1. Некоторое увеличение количества стрелковых дивизий;

2. Максимально-возможное увеличение воздушного флота;

3. Усиление полевой и тяжелой артиллерии;

4. Организация противовоздушной обороны;

5. Частичное усиление технических средств борьбы (химическое и танковое вооружение, средства связи);

6. Усиление береговой обороны.

На осуществление этих мероприятий Военное ведомство запрашивало ассигнований в течение 5 лет в размере 4260 млн. рублей, большая часть которых падала на военные заказы промышленности[7].

В государственном бюджете СССР на 1927/28 г. общие расходы на оборону возрастали до 1 млрд. руб., по сравнению с 780 млн. рублей в 1926/27 г. или с 15,4% до 17,3% по отношению к сумме общегосударственных расходов. В 1928/29 хозяйственном году расходы на оборону увеличивались еще на 135 млн. рублей. Увеличение расходов приходится в основном на дотации военной промышленности, на оборонное строительство в системе НКПС, на финансирование закупок стратегического сырья и материалов за границей для пополнения мобилизационных запасов, на создание фондов финансирования оборонных мероприятий промышленности и т.д.[8]. Кроме того, для осуществления намеченных в Приказе ВСНХ СССР № 693-666 мероприятий по организации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию новых образцов вооружения и боеприпасов из бюджета начинают отпускаться средства действующим и вновь создаваемым конструкторским

[7] Там же. Л. 337.
[8] Там же. Оп. 3. Д.26. Л. 119.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

организациям и лабораториям при военных заводах (8,5 млн. руб. в 1928/29 г.)[9].

В начале 30-х годов обстановка в мире начала быстро меняться и на повестку дня стал вопрос о максимальном ускорении темпов развития военной промышленности, причем с опорой только на собственные силы. Это была чрезвычайно трудная задача и печальный опыт первой мировой войны был тому подтверждением.

В конце 20-х - начале 30-х гг., опираясь на первые успехи и опыт индустриализации, в СССР был разработан первый пятилетний план развития народного хозяйства. Это имело самое позитивное значение для развития военного производства, поскольку были также определены главные направления и перспективы развития военной промышленности на пятилетний период. При этом было учтено ряд новых факторов. Во-первых, окончательно прошла пора революционного романтизма с ее верой в мировую революцию, а стало быть на повестку дня стала необходимость обеспечения надежной обороны страны, опираясь при этом только на собственные силы. Во-вторых, в конце 20-х гг. в основном было завершено восстановление отечественной промышленности, что создавало материальные предпосылки для подъема военной промышленности. В-третьих, был накоплен десятилетний опыт работы, позволяющий найти наиболее оптимальные организационные формы, обеспечивающие эффективную работу военных предприятий в новых социально-экономических условиях. В-четвертых, практически полностью была разработана концепция развития военной промышленности, определявшая ее статус и место в общей структуре промышленности страны, а также механизм взаимодействия с гражданскими предприятиями и отраслями промышленности.

[9] РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1096. Л. 1-7.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В 1928-1929 гг. в Госплане СССР и ВСНХ СССР продолжалось уточнение контрольных цифр развития советской промышленности и народного хозяйства на 1928/29-1933 годы. Особое внимание уделялось показателям роста металлургической, химической промышленности и машиностроения, являющимися базовыми отраслями по отношению к военно-промышленным производствам. 5 апреля 1929 г. Сектор Обороны Госплана СССР представил в СТО доклад, посвященный вопросам учета интересов обороны в первом пятилетнем плане. Экспертами Госплана СССР принимались во внимание следующие моменты: 1) абсолютный объем и удельный вес материальных потребностей вооруженных сил, 2) степень удовлетворения потребностей страны в военное время и 3) объем и характер программы материальных затрат.

Сектор Обороны Госплана СССР пришел к выводу, «что интересы обороны требуют осуществления в течение пятилетия темпов, намеченных оптимальным вариантом плана», но при более высоких бюджетных расходах на финансирование НКВМ и дотации военной промышленности. Затраты на капитальное строительство по военной промышленности и военным производствам в «гражданской» промышленности в размере 1190 млн. руб., предложенные ВСНХ СССР, Сектор Обороны признал чрезмерными и предложил урезать их до 500 млн. рублей[10].

Всецело отвечающим интересам обороны страны социально-экономическим мероприятием Сектор обороны Госплана СССР назвал намечаемое пятилетним планом увеличение до одной трети доли обобществленных крестьянских хозяйств по отношению к их общему количеству. «Не приходится сомневаться, — подчеркивалось в докладе, — что в условиях войны, когда особенно важно сохранение возможностей регулирования, обобществленный сектор будет иметь исключительное

[10] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 3. Д.52. Л. 10-14.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

значение. Столь же важно наличие крупных производственных единиц, легче поддающихся плановому воздействию, чем многомиллионная масса мелких, распыленных крестьянских хозяйств»[11].

20 декабря 1928 г. Совет Труда и Обороны на своем Распорядительном заседании утвердил разработанный Военным ведомством мобилизационный план промышленности, рассчитанный на случай войны, ВСНХ СССР предлагалось представить не позднее 1 июля 1930 г. конкретные предложения по созданию мощностей для максимального увеличения объема производства военной продукции, однако ВСНХ СССР с этой задачей не справился, в том числе, по причине того, что Госплан СССР не разработал соответствующих материальных балансов. По словам начальника Штаба РККА Б.М. Шапошникова, «Госплан систематически преувеличивал возможности планирования на военное время, стремясь запланировать в совершенно конкретных показателях такие детали общеэкономических процессов, которые могут быть "предвидены только в самых основных чертах»[12].

15 июля 1929 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был заслушан доклад И.П. Павлуновского о состоянии военной промышленности, по которому было принято постановление «О состоянии обороны СССР», отметившее целый ряд крупных недостатков в подготовке всего народного хозяйства к обороне, включая отставание технической базы вооруженных сил от техники современных буржуазных армий; далеко неудовлетворительное материальное обеспечение мобилизуемой армии по действующему мобилизационному плану; совершенно неудовлетворительную подготовку всей промышленности, в том числе военной, к выполнению требований вооруженного фронта»[13].

---

[11] Там же. Л. 10-11.

[12] РГВА. Ф. 40442. Оп.1. Д.38. Л. 107.

[13] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 104-105.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило следующие лимиты развития вооруженных сил к концу первой пятилетки: численность армии мирного времени определялась в 648700 человек, а мобилизованной — 3 млн. человек; военно-воздушный флот должен был иметь в строю 2 тыс. боевых самолетов, еще 500 самолетов составляли резерв и 1000 штук — запас; количество танков в строю определялось 1500 штук, запас — 1500 штук, резерв 1-2 тыс. штук; количество орудий средних и крупных калибров определялось в 9348 штук, а мелких — 3394 штук. Для осуществления этих задач правительству была дана директива при ассигновании средств военному ведомству и военной промышленности исходить из оптимального варианта контрольных цифр Госплана, а в случае необходимости — превысить эти лимиты[14].

В отличие от первых вариантов 5-летнего плана строительства вооруженных сил, которые не предусматривали достижения военного превосходства над вероятным противником, Политбюро ЦК ВКП(б) указывало Военному ведомству: «по численности — не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике — быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно — по воздушному флоту, артиллерии и танкам» [15].

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило чрезвычайно напряженную мобилизационную заявку Военного ведомства на предметы вооружения и боевой техники на два первых и два последних года первой пятилетки, то есть своего рода «контрольные цифры» советской промышленности на случай вступления СССР в войну. Эти показатели определяли проектную мощность военно-промышленных предприятий, которую они должны были достигнуть в течение первой пятилетки, а также необходимые для производства установленных мобзаявкой изделий объемы продукции черной и

[14] Там же. Л. 106.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

цветной металлургии, химии и машиностроения. Одновременно с мобилизационной заявкой Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило ее оперативный вариант.

В дальнейшем Военное ведомство разработало вариант мобилизационного плана, по которому потребности НКВМ в случае войны к началу 1932 г. определялись в 5735 млн. винтпатронов, 96600 артвыстрелов, 7632 танка, 7098 самолетов и 9460 моторов[16].

В литературе мало написано о значении первых мобилизационных планов развития советской промышленности, вытекающих из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1929 г. «О состоянии обороны страны», как для дальнейшего развития оборонного комплекса СССР, так и для основных направлений социально-экономического развития страны в 30-е гг. Исключением являются мемуары Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, который вспоминает: «В середине 1929 г. Центральный Комитет партии принимает постановление «О состоянии обороны страны», в котором излагается линия на коренную техническую реконструкцию армии, авиации и флота. ...Это постановление легло в основу первого пятилетнего плана военного строительства, который, кроме всего прочего, предусматривал создание новых технических родов войск, моторизацию и организационную перестройку старых родов войск, массовую подготовку технических кадров и овладение новой техникой всем личным составом»[17]. Г.К. Жуков мог бы еще добавить, безо всякого преувеличения, что отмеченное им постановление легло в основу первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, так как определило его главные приоритеты.

В 1929/30 г. руководство страны в целях обеспечения выполнения строительной и производственной программы первой пятилетки переходит к

[15] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 21-30.
[16] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 21-30.
[17] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 106.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

решению задачи распределения финансовых и материальных ресурсов между отраслями экономики, их производственными единицами и объединениями методами директивных нарядов и назначений, не взирая на вопиющие хозяйственные диспропорции и полное расстройство товарно-денежного обращения. В принципе, это метод управления экономикой военного времени, когда государство по потребности осуществляет эмиссию денежных знаков и в то же время стремится заморозить цены и заработную плату, определяет, в зависимости от военно-стратегической обстановки, лимиты капитальных вложений, составляет и корректирует для важнейших видов производства оперативные задания, изыскивает материальные и финансовые ресурсы для их выполнения в установленный срок.

Особыми распоряжениями правительства регулируются взаимоотношения между профсоюзами и администрацией, исключающие забастовки и необоснованные производственной необходимостью увольнения рабочих и служащих. Комплектование кадров предприятий оборонного значения производится по принципу обязательной трудовой повинности, заменяющей для военнообязанных воинскую повинность.

Снабжение населения продовольственными и прочими товарами рационируется. Денежное выражение зарплаты и прибыли участвует в распределении национального дохода лишь постольку, поскольку сохраняются налоги и другие обязательные платежи, а также рынок товаров и услуг, который, в зависимости от отношения к нему государства, является либо противозаконным («черным», «спекулятивным»), либо регулируемым.

Основные экономические категории при такой системе управления, конечно, не отменяются, но, как говорят экономисты, сильно деформируются; экономическое равновесие из функции рынка переходит в субъективно-волевое усмотрение и сферу ответственности многочисленных аппаратов управления: плановых, статистических, финансовых, торгово-

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

заготовительных, контролирующих и т.д., — которые, с большим или меньшим успехом, ведут борьбу с экономическими диспропорциями, бесхозяйственностью, расточительностью и прочими органическими пороками военно-мобилизационной, планово-распределительной экономики.

Применительно к СССР конца 20-х - начала 30-х гг., переход от государственного регулирования товарно-денежных отношений к строго-плановому распределению был обусловлен задачами создания в максимально сжатые сроки основной индустриальной базы для имеющих оборонное значение отраслей промышленности (металлургическая, машиностроительная, автомобильная, тракторная, авиационная) и новых видов военно-промышленного производства. Чтобы успеть к 1932-1934 гг. преодолеть военно-техническую отсталость СССР, иного способа накопить, распределить и использовать материально-финансовые ресурсы, по нашему убеждению, не было.

1929/30 хозяйственный год являлся решающим для закладки, а следовательно, своевременного ввода в действие запланированных Магнитогорского, Кузнецкого и Запорожского металлургических комбинатов, Сталинградского, Харьковского и Челябинского тракторных заводов, Нижегородского и Московского автомобильных заводов, Уральского и Ново-Крамоторского машиностроительных комбинатов, Бобриковского и Березниковского химических заводов и т.д. На эти 50-60 крупнейших строек, имеющих первостепенное значение для обороны страны, приходилось 45% назначенных капитальных вложений[18]. Во сколько в действительности обошлось их строительство, по-видимому, никто не ответит, поскольку кроме бюджетных средств для возведения этих

[18] ГАРФ. Ф. 5475. Оп. 24. Д. 5. Л. 231.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

индустриальных гигантов широко использовалось внебюджетное финансирование и сверхлимитные ресурсы, получаемые по импорту.

15 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушивает доклады РВС о состоянии вооруженных сил и ВСНХ СССР о мобилизационной подготовке промышленности. В постановлении Политбюро отмечается, что крупные капитальные вложения в военно-промышленные производства (около 600 млн. руб. за 1924-1929 гг.) должны были в основном обеспечить удовлетворение потребностей Красной Армии на первый год войны в соответствии с показателями мобилизационного плана. ВСНХ СССР в категорической форме предписывалось обеспечить, начиная со второй половины 1930 г. подачу винтовочных патронов, пулеметов, артиллерийских систем и выстрелов, предусмотренную мобзаданием, и с этой целью к 1 марта 1931 г. закончить строительство Березниковского и Чернореченского химических заводов, к 1 октября — Горловского и Бобриковского комбинатов и Московского толуолового завода. В постановлении Политбюро, между прочим, предусматривалось введение пониженных кондиций для изготовления патронов и снарядов (замена латуни и мельхиора плакированным железом). Сверх ввозимых по импортному плану 1929/30 г. 29 тыс. т натриевой селитры предусматривалось закупить за рубежом дополнительно еще 40 тыс. т для увеличения производства пороха и взрывчатых веществ[19].

Первоначально план заказов военной промышленности на 1929/30 г. был установлен в размере 625 млн. руб. В записке заместителя наркомвоенмора И.П. Уборевича в Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 июля 1930 г. отмечается, что, план заказа выполняется едва на 10-15%. РВС и НКВМ бьют тревогу, поскольку на 1930/31 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило еще

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп.162. Д. 8. Л. 43-46.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

более напряженный план военных заказов на сумму 750 млн. руб. (на 200 млн. руб. меньше, чем просил РВС)[20].

Предприятия трестов военной промышленности и их объединения — Главного Управления Военной промышленности ВСНХ СССР — кроме напряженной программы выполнения текущих военных заказов загружались заказами на производство мирной продукции и при этом должны были, не прерывая производственного процесса, осуществлять реконструкцию своих производственных мощностей. Так, влсемь заводов Орудийно-Арсенального Треста по плану на 1929/30 г. должны были произвести товарной продукции на 103,3 млн. руб., в том числе выполнить мирных заказов на 37,6 млн. руб. Кроме орудий, номенклатура продукции треста включала драги, авиамоторы, текстильные машины, котельное оборудование, оптику, литье, арматуру. Четыре завода Оружейно-Пулеметного треста обязывались по плану произвести за год товарной продукции на 97,6 млн. руб., в том числе выполнить мирных заказов на 50,9 млн. руб. В номенклатуре продукции треста были охотничьи ружья, станки, специальные сорта стали, различный инструмент[21].

В 1928-1929 гг. число рабочих на предприятиях трестов военной промышленности (45 заводов) увеличилось с 86,7 тыс. человек до 101,5 тыс. человек, служащих — с 14,9 тыс. до 18,1 тыс. человек. В то же время выпуск товарной продукции в ценах 1926/27 г. падает с 256,6 млн. руб. до 202,4 млн. руб.[22] В апреле 1929 г. Распорядительное заседание СТО принимает решение о переводе нескольких заводов военной промышленности на положение мобилизованных. В их числе Тульские и Ижевские оружейные заводы; крупнейшие артиллерийские заводы: «Большевик», «Баррикады», Мотовилихинский, которые едва на половину

[20] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 17. Д. 2. Л. 252-257.
[21] РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1051. Л. 35.
[22] Там же. Л. 17-18.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

выполнили полугодовую производственную программу. На мобилизованных предприятиях вводится непрерывный круглосуточный график работы, рабочим и инженерно-техническому персоналу отказывают в праве свободного увольнения и перехода на другую работу[23].

1 февраля 1930 г. РЗ СТО приняло постановление «О реорганизации военной промышленности». Военно-Химический трест передавался во Всесоюзное Объединение Химической Промышленности, Авиатрест выделялся в самостоятельное производственное объединение, подчиненное Президиуму ВСНХ. ГУВП ВСНХ упразднялось. Его тресты — Оружейно-Пулеметный, Патронно-Трубочный и Орудийно-Арсенальный — преобразовывались в «объединения военных заводов, действующих на началах хозрасчета»[24]. Ликвидацией ГУВП, по-видимому, преследовалась цель сделать «кадровые» военные заводы менее обособленными в производственно-техническом отношении от других групп промышленных предприятий. И хотя новый порядок управления еще никак не проявил свои преимущества перед прежним, руководство ВСНХ СССР поспешило объявить бывших ответственных работников ГУВП «вредителями».

Такая постановка вопроса диктовалась определенными идеологическими приоритетами, политической конъюнктурой и кампанейщиной, однако в организации производства в формирующемся военно-промышленном комплексе тяжело сказывалось и отставание самой производственной базы. Это давало возможность органам ОГПУ и партийным организациям военных предприятий, постоянно контролирующих состояние военного производства, в действительности обнаруживать существенные недостатки в технологиях и организации.

Часть руководителей военной промышленности, пользуясь закрытостью военных предприятий, действительно мало внимания уделяла

[23] Там же. Л. 64.
[24] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 4. Д. 10. Л. 2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вопросам улучшения организации производства, что впрочем было характерно и для военных заводов дореволюционной России. Чтобы снять данную проблему, 4 апреля 1928 года, СНК СССР принял постановление, в соответствии с которым, надзор за условиями труда и качеством всего производственного процесса на предприятиях военной промышленности был возложен на Народный комиссариат труда совместно с ОГПУ[25]. Фактически же эти функции всецело осуществлялись специальными структурами ОГПУ, и недостатков в организации работы военной промышленности находилось немало.

Так, контролируя организацию производства танков на заводе «Большевик» в Ленинграде, органы ОГПУ докладывали в обком партии, что по состоянию на конец 1929/30 операционного года, при программе выпуска 305 танков Т-18 готово всего 238. Из этого числа, при первом пробеге 11 машин сразу сдано в ремонт. На второй пробег предъявлено только 204 машины, а реально с завода отправлена 151 машина. Далее в докладе отмечалось: «Заводоуправление свое внимание сосредоточило исключительно на темпе выпуска танков в количественном выражении, что подтверждается тем, что хотя машин 305 штук и собраны, но к ним нет не только запчастей, но и значительного количества деталей»[26]. Примерно такое же положение было и на Ижорском заводе, где к октябрю 1929 г. должны были изготовить 15 тыс. фугасных снарядов, но не смогли сделать это и к середине 1930 г. Основной причиной подобного положения было огромное количество брака. Количество брака от кривизны снарядов составило 15%, от трещин – 20%. Из 40 тыс. отштампованных снарядных стаканов, в работу можно было пустить только 4 тыс. Брак таким образом составил 90%[27]. В реальной боевой практике это приводило к печальным

[25] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 7р. Оп. 12. Д. 8. л. 35.
[26] ЦГА СПБ. Ф. 2279. Оп. 10. Д. 227. Л. 67.
[27] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

последствиям. Например во время конфликта на КВЖД 25 отдельному авиационному отряду было приказано провести демонстрационное бомбометание, но боевое задание выполнить не удалось. Для подвешивания авиационных бомб не оказалось обжимных колец и их пришлось привязывать простой проволокой. После взлета одна из бомб сорвалась и упала на нашу территорию, но не взорвалась. После проведенного расследования было установлено, что большое количество бомб имеют бракованные взрыватели и непригодны для использования[28].

Это была своеобразная оборотная сторона медали, порожденная чрезвычайно высокими темпами производства, отсутствием научно обоснованных подходов к организации производства. Жизнь показывала, что необходимо больше внимания уделять уровню подготовки кадров и повышению культуры производства.

25 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О ходе ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности». В постановлении указывалось: «Заслушав доклад ОГПУ о ликвидации на предприятиях военной промышленности последствий вредительства, ЦК ВКП(б) констатирует, что до настоящего времени во всей военной промышленности не принято достаточных мер по ликвидации этих последствий и до сих пор имеет место выпуск военной продукции с пониженными боевыми качествами во всех военных производствах. ...Необходимы героические усилия для того, чтобы наверстать упущенное»[29].

Для ликвидации «вредительства» при трестах военной промышленности создавались специальные комиссии из представителей ОГПУ, НКВМ и профсоюзов, которым поручалось организовать генеральную проверку чертежей, эталонов, шаблонов, лекал и рабочего инструмента, улучшить систему проверки качества продукции. Другие, намеченные в

[28] Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 6р. Оп. 1. Д. 484. Л. 17.
[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 85.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

постановлении мероприятия, являлись напоминанием различным ведомствам того, что они, по идее, обязаны были делать без напоминания, например, СТО и НКВМ Политбюро просило установить реальную производственную программу, ВСНХ — принять меры к своевременному и полному снабжению военных заводов сырьем и полуфабрикатами, Наркомтруд — обеспечить капитальное строительство необходимыми кадрами. Военные заводы освобождались «от мобилизации личного состава на разные кампании (посевная, хлебозаготовительная, колхозная и т.д.)»[30].

Кампания по борьбе с «вредительством» в военной промышленности, продолжавшаяся на протяжении трех лет, привела к тому, что к началу весны 1930 г. в военной промышленности и на военных производствах осталось 1897 инженеров и 4329 техников (в 1928/29 г. только на 45 заводах, подчиненных ГУВП, насчитывалось 18153 служащих), при потребности более 10 тыс. инженеров и 16,5 тыс. техников. РЗ СТО в своем постановлении «О пятилетнем плане подготовки кадров для военной промышленности и военных производств гражданской промышленности» от 10 мая 1930 г. признал положение с инженерно-техническими кадрами критическим. Правительство предложило в течение 5 лет «в целях полного покрытия потребностей военной промышленности охватить военно-промышленным уклоном не менее 20 тыс. инженеров и техников» — будущих выпускников Военных академий, технических вузов и техникумов при объединениях военной промышленности (Вохимтрест, Орудийно-арсенально-ружейно-пулеметное объединение, Авиаобъединение, Патронно-трубочное объединение)[31].

Кризисное положение с инженерно-техническими кадрами усугублялось слабостью научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы военной промышленности. Большинство заводских

[30] Там же. Л. 86-87.
[31] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 9. Д. 195. Л. 2-5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лабораторий и конструкторских бюро не имели достаточных площадей и подходящих помещений. Опытные заказы выполнялись непосредственно в цехах, тогда как более выгодно было заниматься их изготовлением в специальных опытных мастерских, укомплектованных наиболее квалифицированными рабочими и техниками. По словам начальника Химического управления НКВМ Д.А. Фишмана, тресты военной промышленности рассматривали опытные заказы «как неприятную обузу», сроки их выполнения, как правило затягивались на 4-6 месяцев, а стоимость — в 2-3 раза превышала сметную. На полигонных и войсковых испытаниях опытных образцов вооружения представители промышленности не считали нужным присутствовать[32].

Анализ технологического состояния отечественных вооружений свидетельствовал и о том, что назрело и жизненно необходимо радикальное, качественное улучшение отечественной артиллерии в соответствии с новейшими достижениями науки и техники в стране и за рубежом. Уже в 30-е годы артиллерийские системы приобрели достаточно сложный технический характер. Об этом красноречиво свидетельствует цена артиллерийских орудий. Так, в ценах 1937 года 122-мм орудие стоило 240 тыс. рублей, тогда как танк Т-26 всего 65 тыс. рублей, а истребитель И-16 - 75 тыс. рублей[33].

Ведущими предприятиями в области артиллерии стали заводы Ленинграда Кировский и Большевик. На заводе Большевик выпускались 180-мм. артсистемы Б-1, 130-мм артиллерийские системы Б-13, 230-мм гаубицы, 152-мм орудия Б-10-ЗО^ля сухопутных войск, а также 100-мм пушки, палубные артиллерийские установки Б-24 и другие артиллерийские системы. Опытный образец 180-мм орудия заводом Большевик был

[32] РГАЭ Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1096. Л. 96.
[33] Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. С. 104.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

изготовлен за 12-13 месяцев, а организация серийного производства затянулась на 3 года[34].

По мере насыщения армии и флота новыми, современными образцами оружия и военной техники, на повестку дня все более вставала проблема создания надежных боеприпасов. Если при этом еще учесть и резкое увеличение скорострельности буквально всех видов вооружения, то можно без труда представить всю остроту данной проблемы. На необходимость обратить самое пристальное внимание на улучшение качества боеприпасов указывал и крупнейший авторитет в этой области, ленинградский ученый В.И. Рдултовский, основавший отечественную школу боеприпасников. В одной из своих последних записок, датированной 11 декабря 1937 г., в адрес руководителей военной промышленности страны он, на основе глубокого анализа эволюции средств ведения войны, сделал расчеты потребностей в боеприпасах для обеспечения боеспособности армии. При этом, он обратил особое внимание на явный недостаток производственных мощностей по производству боеприпасов. Как выдающийся ученый и патриот, он отчетливо осознавал всю опасность такого положения и писал: «Надо рассчитывать на 1 год 100 млн. выстрелов для 76-мм, и 60 млн. для средних калибров. А у нас 3 завода - Ленинградский № 4, Пензенский №50 и Куйбышевский и то последний не имеет оборудования и может работать только в кооперации с ленинградским заводом. Надо строить несколько трубочно-взрывательных заводов». Достаточно сказать, что производственные возможности этих трех военных заводов исчислялись в 1927 г. 1,2 млн. дистанционных трубок в год, тогда как в 1916 г. их было произведено не менее 7 млн. штук[35].

24 декабря 1930 г. СНК СССР принимает постановление об упразднении РЗ СТО, которое на протяжении нескольких лет возглавляли

[34] Там же. С. 87-88.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

А.И. Рыков и его заместитель Я. Рудзутак. Вместо РЗ СТО при СНК СССР формируется Комиссия Обороны в следующем составе: И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышев[36]. Таким образом, группа Сталина окончательно, в организационном плане, оформляет свою победу над «правыми», закрепляя за собой один из самых важных рычагов государственного управления — подготовку страны к обороне.

Во второй пятилетке (1933-1937 гг.) заметно увеличилось число оборонных предприятий в СССР. В значительной мере это достигалось за счет перевод предприятий гражданской промышленности на выпуск военной продукции. Приведем для наглядности примеры из индустриальной истории столь промышленно развитого региона, как Ярославль и Ярославская область.

В 1935 г. в Ярославле завод по производству швейных машин (бывшая спичечная фабрика Дунаева) был перепрофилирован под производство снарядов и стал заводом N 62[37]. Здесь производился снаряд БР-45 - сначала в лабораторном, затем в массовом изготовлении. Вскоре к нему добавился снаряд С-20 (для авиационных пушек). Производство, естественно, оказалось совсем новым, а оборудование - совсем старым и плохим. Плавильные печи, установленные в 1933 г. и работавшие без ремонта, пришли в ветхость. Брак по 5-му цеху термообработки доходил до 70%. И в целом из-за невыполнения плана и 60-процентного брака долг завода достиг 7 млн. руб. В итоге план, например, на сентябрь 1935 г. составлял 100 тыс. снарядов, а задолженность на начало месяца - 80 тыс. изделий.

[35] Там же. С. 58.
[36] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 5. Д. 11. Л. 2.
[37] Там же. Оп. 27. Д. 97. Л. 2.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В результате за короткий срок на заводе сменилось 11 директоров, 7 технических директоров, 16 начальников основного цеха и 7 - инструментального.

Потребовалась неотложная помощь, и она была оказана центром. Начались работы по расширению предприятия. Теперь оно стадо финансироваться по 3-й категории - выше оплачивался труд рабочих и инженеров (директор получал, например, 1500 руб., тогда как на гражданском заводе "Красный Маяк" - 750). Шло пополнение квалифицированными кадрами.

Теперь уже сам Ярославский 62-й помогал другим предприятиям, переходившим на производство боеприпасов. С ним в кооперацию вошли Ярославский электромеханический завод, завод "Пролетарская Свобода", механический завод N 1. В годы войны все они самостоятельно или в кооперации производили боеприпасы. Во время боев в Испании, когда республиканскому правительству потребовалось наладить производство оружия на гражданских заводах, в числе срочно посланных туда советских специалистов инженеры и техники ярославского завода N 62[38]. Приобретенный в Испании опыт в свою очередь вскоре пригодился и в собственной стране[39]. Усилия коллектива 62-го завода и целесообразные административные меры обеспечили стабильный старт производства[40].

Вторая пятилетка стала началом новой истории других заводов тяжелой промышленности этого индустриального центра СССР. В 1934 г. Ярославский лакокрасочный № 3 прекратил выпуск прежней номенклатурной продукции и был передан в Главэлектропром Наркомата машиностроения. С тех пор его изделиями стал целый набор электрических инструментов - вибраторов, пил, долбежников. В те же время он был

[38] Там же. Оп. 8. Д. 147. Л. 376-377.
[39] РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. д. 38. Л. 209-211.
[40] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

подготовлен и к освоению спецпроизводства, Так появился Ярославский завод "Красный Маяк"[41]. Еще одним новым предприятием, приобретшим оборонное значение, стал опытный завод N 151. Его строительство началось в 1936 г. на базе временной тепловой станции Волгостроя (ВТС) и Ярославских ремонтно-механических мастерских. Продукцию нового производства составили аэростаты и другие резинотехнические изделия оборонного назначения. Одновременно началось создание второго аналогичного предприятия - N 150. Так первоначально появились два самостоятельных завода - опытный N 151 и основной N 150. Это позднее они слились в единый завод резинотехнических изделий[42]. Полностью оба эти предприятия вступили в строй перед самой войной.

Трагедией для страны, региона и его военно-оборонной промышленности стал 1937 год. В результате целого комплекса причин репрессии достигли тогда своего апогея. В числе многих других репрессированных оказались первые руководители Ярославской области, тяжелый удар пришелся по промышленным предприятиям. Были репрессированы директора Ярославского автозавода, резинокомбината, заводов N 62, N 151), ЯЭМЗ, "Пролетарская Свобода", Ярославской судоверфи, Рыбинского N 26, Тутаевского нефтеперерабатывающего и др.[43] К примеру, на Рыбинском машиностроительном заводе были репрессированы почти все руководители и многие специалисты: директор, технический директор, главный инженер, секретарь парткома, начальники цехов – всего около 60 человек. Кроме этого в результате "чистки кадров" за 1935-1937 гг. с предприятия уволили 3547 человек из числа так называемых "классово-чуждых, судимых, связанных с заграницей и не внушающих никакого доверия"[44].

[41] Там же. Оп. 9. Д. 211. Л. 9-12.
[42] Там же. Л. 13-14.
[43] Там же. Л. 15.
[44] Там же. Оп. 11. Д. 221. Л. 52.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

При всех потрясениях вторая пятилетка в основном завершила техническую реконструкцию, создала мощную индустрию оборонной промышленности, способную производить все виды вооружения.

Надрывно начиналась 3-я пятилетка у судостроителей - сказались аресты 1937 г. Но и здесь к концу 1938 г. положение стало выправляться. Одним из основных видов продукции Ярославской судоверфи были различные модификации катера «Д»: «Д-3», «Д-3а», «Д-4». Их изготовляли с применением новаторского для того времени метода электросварки. Катера «Д» спроектированные на самом предприятии, вместо импортного использовали отечественный двигатель ЗИС-5. В конце 30-х освоили сборку мостовых полупонтонов[45]. За перевыполнение правительственного задания первого полугодия 1939 г. ярославские судостроители стали уже победителями Всесоюзного соревнования, завоевав переходящее Красное Знамя наркомата и ЦК профсоюза. В целом рост производства в 1939 г. здесь составил 157%. За столь внушительные достижения директор верфи Я.В. Яковлев "был удостоен чести" быть принятым самим И.В. Сталиным. В сентябре 1939 г. Ярославская судоверфь переименовывается в судостроительный завод[46].

Быстро модернизировался Рыбинский машиностроительный завод. Здесь впервые в СССР начали конвейерную сборку авиационных моторов. Каждые 45 минут с конвейера сходил один мотор. Продолжалось и усовершенствование двигателей. Ресурс мотора М-100 АУ при мощности 850 л.с. был доведен до 200 часов (эти моторы предназначались для скоростного бомбардировщика СБ). Усилия В.Я. Климова привели к созданию более мощного М-103 и его модификации М-103А. С начала

[45] Там же. Л. 55-57.
[46] Там же. Оп. 23. Д. 73. Л. 62.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

1938г развернулась работа над созданием моторов М-105 и М-110, которые стали одними из лучших авиамоторов военного времени).[47]

По третьему пятилетнему плану в оборонной промышленности страны первоначально было намечено строительство 84 предприятий, общей сметной стоимостью около 3,2 млрд. руб. Более 8 млрд. руб. капитальных вложений планировалось направить на реконструкцию и расширение действующих «кадровых» военных заводов. В результате пересмотра программы оборонного строительства (июль 1939 г.) общий объем капитальных вложений в оборонную промышленность в третьей пятилетке (НКАП, НКВ, НКБ, НКСП) возрастал до 20,3 млрд. руб.[48]

Сейчас широко признано в историографии, что на вторую половину 30-х гг. в советской истории приходится период острых экономических трудностей, связанных с резким снижением темпов индустриального развития СССР. На этом фоне и развивалось выполнение напряженнейших задач третьей пятилетки в области развития военно-промышленного комплекса страны. Структурному кризису советского народного хозяйства способствовало одновременное действие нескольких факторов: неспособность страны ввозить из-за рубежа технологии в том огромном количестве, в каком это осуществлялось в начале 1930-х гг. в связи с вынужденным сокращением экспорта зерна; резкое сокращение притока рабочей силы в промышленность, чему в немалой степени способствовала стабилизация положения в деревне; перегруженность экономики затратами на оборону, которые неудержимо росли после 1935 г.

Огромную роль в экономических бедах страны сыграли большие чистки, когда сплошь и рядом на место опытных хозяйственников становились малоопытные управленцы – и это именно тогда, когда значительно обострились экономические трудности и усложнились задачи

[47] Там же. Оп. 26. Д. 9. Л. 4-5.
[48] РГАЭ. Ф. 7733. Оп.36. Д. 281а. Л. 42.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

управления экономикой. Высшие советские руководители, в особенности И.В. Сталин, ожидали новых «экономических чудес» и «великих прорывов» в экономике, а потому склонялись к объяснению экономических проблем, начавшихся с середины 1936 г., деятельностью широкой тайной организации саботажников и шпионов как в руководстве ведущими отраслями и предприятиями гражданской и оборонной промышленности, так и в руководстве армией на всех уровнях. Причем этим мнимым врагам приписывалось сотрудничество с реально существующими врагами СССР – Германией и Японией. Данная позиция ясно выражена в докладе, которое Сталин сделал на пленуме ЦК ВКП(б) в феврале-марте 1937 г.[49]

Дополнительным бременем на экономику страны, усугубляющим фактор дефицита рабочей силы, явилась необходимость именно в этот период значительно увеличить личный состав РККА. Если численность советских вооруженных сил с 1924 г. по март 1934 г. поддерживалась на уровне 562 тыс. человек, то на январь 1937 г. это был уже 1 млн. 433 тыс., а на январь 1941 г. – 4 млн. 207 тыс. человек[50]. Что касается военных затрат СССР на период начала кризисных явлений в экономике, о них красноречиво свидетельствует тот факт, что к 1936 г. Советский Союз, превратившись в ведущую мировую военную державу, держал под ружьем армию в 1300000 человек, имевшую на вооружении 5000 танков, 100000 грузовиков, 150000 тракторов, 112 подводных лодок и более 3500 военных самолетов[51]. А под влиянием японского и германского экспансионизма военные затраты в советской экономике начиная с 1936 г. военные затраты в СССР еще более возрастают. В 1936-1940 гг. они выросли вчетверо, даже если смотреть по официальной бюджетной статистике, которая заведомо преуменьшает реальные объем этих затрат в экономике страны.

[49] См.: Правда, 29 марта, 1937.
[50] См.: Нарочницкий А.Л. (ред.) СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933-1945 гг. 2-е изд., дополненное. М., 1986. С. 5, 150-151.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Соответственно инвестиции в другие отрасли экономики сокращались, что вносило свой вклад в нарастание серьезных диспропорций в народном хозяйстве и замедление темпов индустриального роста 1936-1940 гг.

Если в 1932 г. только 3,4% советского госбюджета направлялось в оборонный сектор, в то время как 65,2% инвестировалось в остальную экономику; то в 1940 г. оборона притягивала 32,5% бюджета, и лишь немногим больше инвестировалось в экономику – 33,4%. Размах военных затрат к этому времени вынудил СССР фактически урезать объемы капиталовложений в народное хозяйство – впервые с начала осуществления первой пятилетки в 1928 г.

Однако задолго до 1940 г. сокращение инвестиций имело место в большинстве отраслей советской экономики, и в реальном исчислении оно было более значительным, чем это отражено в рублевых показателях официального советского госбюджета. В политических настроениях середины - второй половины 1930-х гг. вооруженные силы и производство вооружений занимали приоритетные позиции по отношению к гражданской промышленности, сюда направлялось первоочередное снабжение, а перегруженность транспортной системы страны касалась этих сфер в последнюю очередь. В 1936-1940 гг. периодическое незапланированное и непредвиденное увеличение военных расходов, которое предпринималось в ответ на определенные изменения на международной арене, срывало все усилия в области экономического планирования и до предела напрягало и без того выбивающуюся из сил экономику.

Все более обострялась проблема снабжения промышленности и сельского хозяйства. Второй пятилетний план (1933-1937 гг.) предусматривал значительный рост военных расходов на 150%. Но события на международной арене заставляли советское руководство вносить

[51] Советское строительство. 1937. № 1 (126). С. 43; Большевик. 1937. № 5-6. С. 56; Власть советов. 1936. № 23. С. 45-47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

коррективы в эти планы в 1935, 1936 и 1937 гг. сторону увеличения и постоянно превышать затраты, что способствовало развитию безудержной инфляции в эти годы. В 1936 г. Советский Союз истратил на оборону 20,2 млрд. руб., значительно больше, чем те 4,3 млрд., о которых шла речь во втором пятилетнем плане, и чем те 14,9 млрд. руб., которые ассигновались на эти цели бюджетом на 1936 г. в начале года. С 1938 по 1940 гг. затраты на оборону возросли на 141,6% вместо 127,5% по плану; а к началу 1940 г. было решено увеличить их на 200-250% в течение года и еще наполовину за два года[52]. Это наглядно представлено в следующей таблице.

Таблица. Среднегодовое производство основных типов вооружений в СССР, 1930-1940 гг.[53]

Виды вооружений	1930-1931 гг.	1932-1934 гг.	1935-1937 гг.	1938-1940 гг.
Авиация (а)	869	2595	3758	8805
Танки	740	3371	3139	2672
Артиллерия	1911	3778	5020	14996
Винтовки	174000	256000	397000	1379000
Военный флот (тонн водоизмещения)	2400 (б)	14000 (в)		30460 (г)

(а) Включая производство гражданских самолетов

(б) Цифра дана за 1928-1932 гг.

(в) Цифра дана за 1933-1936 гг.

(г) Цифра дана за 1939 г.

Тяжело сказывалось на положении в экономике создание мощных военных запасов, а также снова и снова проводимые государством в 1938-1940 гг. частичные военные мобилизации. Вооруженным силам требовались

[52] См.: Нарочницкий А.Л. (ред.) СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933-1945. 1-е изд. М., 1976. С. 4, 161-164.
[53] Holloway D. The Soviet Union and the Arms Race. New Haven, CT, 1983. P. 6.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

срочные поставки огромного количества ресурсов, включая нефть. Транспортная система страны начинала давать сбои.

Анализируя состояние мировой экономики, в СССР приходили к тревожному выводу, что те страны, которые наиболее продвинулись на пути производства новых вооружений, как Германия, Италия, Япония и Великобритания, справляются с новым кризисом успешнее, чем Соединенные Штаты, не желавшие идти на большие военные затраты в мирное время и, как следствие, сумевшие восстановить объемы промышленного производства к уровню до Великой депрессии только после втягивания во Вторую мировую войну. И все страны, включая США, ответили на кризис увеличением затрат на оборону, большие правительственные заказы поддержали тяжелую индустрию в 1937 г. и в последующие годы.[54] В этом отношении последствия кризиса для СССР еще увеличивались, поскольку нужно было делать все возможное, чтобы не отстать в производстве вооружений от главных своих противников – Германии и Японии.

В августе 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О развитии авиамоторных заводов». Оно было рассчитано на удвоение мощностей советского авиамоторостроения. В сентябре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов». Оно предусматривало к концу 1941 г. увеличить производственные мощности авиазаводов более чем в полтора раза по сравнению с 1939 г. Было решено построить 9 новых самолетостроительных заводов и реконструировать 9 действующих. Не дожидаясь завершения этой программы, советское руководство распорядилось о передаче Наркомату авиационной промышленности СССР 60 предприятий «гражданского» машиностроения. По сравнению с 1938 г.

[54] Большевик. 1937. № 23-24. С. 43-48; № 4-5. С. 106.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

производственные площади НКАП выросли в 2 раза, а количество установленного оборудования (металлорежущие станки) — в 1,4 раза.

В январе 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О работе Наркомата авиационной промышленности», направленное на скорейшую разработку новых образцов боевых самолетов и сокращение сроков перехода к их массовому производству. Количество авиационных научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций в системе НКАП увеличилось с 9 до 20.

Порученное советским руководством задание не уступать по тактико-техническим данным лучшим образцам зарубежной авиационной техники советские конструкторы выполнили с честью. Особенно отличились конструкторские коллективы под руководством С.В.Ильюшина (бронированный штурмовик), В.М.Петлякова (скоростной пикирующий бомбардировщик), А.Лавочкина (истребитель ЛаГГ-3), А.И.Микояна (истребитель МИГ-3) и А.С. Яковлева (истребитель Як-1). В начале 1941 г. авиационная промышленность полностью перешла на выпуск только самолетов новых конструкций. По состоянию на 22 июня 1941 г, их насчитывалось уже 17% от общего количества находившихся на вооружении ВВС РККА единиц авиационной техники.

В июне 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О производстве танков Т-34 в 1940 г.», в котором обязало Наркомат среднего машиностроения СССР изготовить в 1940 г. 600 танков Т-34. Принятие Т-34 на вооружение РККА произошло 19 декабря 1939 г. Освоение в серийном производстве началось на харьковском танковом заводе № 183. Затянувшаяся подготовка рационального технологического процесса не позволяла загрузить под серийное производство Т-34 мощности Челябинского и Сталинградского тракторных заводов, поэтому в течение 1940 г. промышленность выпустила только 115 боевых машин данного типа. В

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

начале 1941 г. к серийному выпуску Т-34 подключились все тракторные и броневые заводы страны. Изготовленные в течение 1940 г. и первой половины 1941 г. 1225 танклв Т-34 вместе с 636 тяжелыми танками КВ производства ленинградского Кировского завода составили около 10% от общего количества единиц бронетанковой техники, состоявшей на вооружении Красной Армии.

В результате реконструкции и строительства новых цехов на Уралмашзаводе, Уралвагозаводе, Ново-Черкасском, Ново-Краматорском и Боткинском машиностроительных заводов в 1939-1940 гг. удалось в 1,5-2 раза увеличить мощности по производству основных комплектующих для артиллерийской промышленности. В том, что во время Великой Отечественной войны система артиллерийского вооружения Красной Армии не испытывала потребности в введении новых калибров или принципиально новых конструкций, большая заслуга принадлежит советским военным руководителям и инженерам-конструкторам, отработавшим в 30-е гг. большой диапазон калибров артиллерийских систем с хорошими качествами.

В сентябре 1939 г. советское руководство приняло решение резко сократить число строящихся линкоров и тяжелых крейсеров, с тем чтобы сосредоточить материальные средства и рабочую силу на постройке в сжатые сроки подводных лодок и легких боевых надводных кораблей. В этой связи, например, пришлось заморозить строительство самого крупного в стране судостроительного завода № 402 в г. Молотовске, который был рассчитан на одновременную постройку 2-х линкоров в эллинге и 8-ми миноносцев на стапелях.

Все вопросы принятия на вооружение новых образцов вооружений и боевой техники, их освоения в серийном производстве находились под личным контролем И.В. Сталина, возглавлявшего два последних предвоенных года Комитет Обороны СССР. По воспоминаниям Наркома

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вооружения СССР Б.Л. Ванникова, «Сталин изучал ежедневно сводки о выпуске самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика... То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов танковой промышленности и военного судостроения»[55].

Повседневного внимания к вопросам развития оборонной промышленности Сталин требовал и от своего ближайшего окружения. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 сентября 1939 г., Экономсовет (председатель А.И. Микоян, заместитель Н.А. Булганин, члены: С.М. Буденный, Е.А. Щаденко Л.З. Мехлис) и Комитет Обороны (председатель И.В. Сталин, первые заместители В.М. Молотов и Н.А. Вознесенский, члены Н.Г. Кузнецов, А.А. Жданов, А.И. Микоян, Л.П. Берия, Б.М. Шапошников, Г.И. Кулик, Ф.И. Голиков) обязывались «заседать ежедневно».[56]

Установление в 1939-1940 гг. жесткого централизованно контроля за деятельностью военно-промышленных наркоматов способствовало более рациональной загрузке производственных мощностей и своевременной комплектации военных заводов предметами материально-технического снабжения. Основные показатели хозяйственной деятельности предприятий военно-промышленных наркоматов (снижение себестоимости, освоение капитальных вложений, ликвидация финансовой задолженности и т.п.), напротив, ухудшились. Например, нарком боеприпасов И.Н. Сергеев в своей записке в Комитет Обороны «О работе за 1940 г. по производственно-хозяйственной деятельности Наркомата Боеприпасов» от 5 февраля 1941 г. отмечал: «Производственную деятельность НКБ закончил с удовлетворительными показателями. План, установленный правительством,

[55] Ванников Б.Л. Оборонная промышленность СССР накануне войны (из записок наркома) // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 117.
[56] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 51-52.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сорван (выполнение 83,7%). Капитальное строительство выполнено на 68,3%. Потери от убытков по браку составили 4,3% к себестоимости, против 4% в 1939 г.».[57]

Показатели хозяйственной деятельности других наркоматов военной промышленности также являлись далеко не блестящими. В записке наркома обороны СССР С.К. Тимошенко в Комитет Обороны от 25 мая 1940 г., например, сообщается, что в результате проверки калькуляции себестоимости и пересмотра оптовых цен на заказы по артиллерии на предприятиях Наркомата Вооружения достигнута экономия в размере более 1,5 млрд. руб. «Однако, — отмечает он, — этот результат далеко еще не является предельным, так как процент накладных расходов и брака в принятых на 1940 г. отпускных ценах продолжает оставаться чрезвычайно высоким». Наибольшие претензии Тимошенко предъявляет к авиационной промышленности, которая, по его словам, заложила в оптовые цены чрезмерные накладные расходы (от 200 до 500 %) к фонду заработной платы и попыталась списать на заказчика не менее 105 млн. руб. бракованной продукции.[58]

За ухудшение показателей хозяйственной деятельности военно-промышленных наркоматов во многом ответственны Экономический Совет и Комитет Обороны, которые в 1940 г. своевременно не сбалансировали стоимостные и натуральные показатели хозяйственного плана. До 1940г. несоответствия между натуральным и стоимостным выражениями хозяйственного плана военно-промышленных наркоматов могли быть устранены в процессе приведения цен в соответствие с реальными затратами, поскольку цены на новую продукцию являлись не твердо-расчетными, а ориентировочными. После утверждения СНК СССР решения Экономсовета от 23 августа 1940 г. «Об отмене ориентировочных цен на

[57] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 570. Л. 26.
[58] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1449. Л. 49-50.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военную продукцию, вырабатываемую заводами наркоматов авиационной промышленности, вооружений, боеприпасов, тяжелого машиностроения, цветной металлургии и стройматериалов» возможности повышением цен исправить ошибки в планировании оказались ограниченными. Свое решение об отмене ориентировочных цен Экономсовет мотивировал тем, что, дескать, практика их применения «приводит к безответственности поставщиков и создает возможность бесхозяйственного расходования средств»[59].

С осени 1940 г. формирование отпускных цен на военную продукцию осуществлялось на заводах-изготовителях, на основе нормативов расхода материалов, рабочего времени и планового процента накладных расходов. На все изделия устанавливаются утверждаемые правительством твердорасчетные, т. е. директивные цены. В случае выполнения заводом внеплановых заказов цены по ним устанавливались в соответствии с действующими общесоюзными прейскурантами, и лишь на опытные заказы, выполняемые Наркоматом авиационной промышленности СССР, допускалось, в порядке исключения, отклонение в пределах 50% в сторону повышения[60].

Установление директивных цен на военную продукцию полностью отвечало интересам ее главного заказчика и потребителя — Наркомата Обороны СССР. Его представители также получили доступ к отчетно-сметной документации предприятий и наркоматов, выполняющих военные заказы, и, в случае несоответствия отпускных цен на продукцию военного потребления установленным нормативам, могли апеллировать к вышестоящим инстанциям. Контингент военных представителей Наркомата Обороны СССР на промышленных предприятиях и опытно-конструкторских организациях с 1938 г. по 1940 г. увеличился почти в полтора раза и

[59] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1449. Л. 51-52.
[60] Там же. Л. 360-362.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

насчитывал 20281 человек, из которых 13791 представляли интересы сухопутных войск и военно-воздушных сил, 3004 человек — военно-морских сил[61].

В феврале 1939 г. в Комитете Обороны был разработан проект «Положения о военизированном предприятии». Его реализация привела бы к тому, что рабочие и служащие предприятий, входящих в систему военно-промышленных наркоматов, Наркомата обороны СССР и НКВД, были приравняны в своих правах к солдатам и офицерам срочной службы. Проект «Положения» узаконивал неограниченное применение сверхурочных работ и самых строгих дисциплинарных взысканий за невыполнение норм выработки, допущение брака и т.п. В какой-то мере эти идеи нашли отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который предварял введение всеобщей трудовой повинности и общую «военизацию» режима работы всех государственных предприятий и организаций.

Оценивая уровень военно-экономического потенциала СССР и степень приведения его в состояние мобилизационного развертывания в последние предвоенные годы, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих мемуарах констатировал «факт неуклонного и быстрого», даже «форсированного», развития оборонной промышленности, «Еще больший крен в эту сторону, — считал он, означал бы уже переход с рельсов мирного развития страны на рельсы военного развития, вел к изменению, перерождению самой структуры народного хозяйства, ее милитаризации в прямой ущерб интересам трудящихся»[62].

[61] РГАЭ. Ф.7. Оп. 1. Д. 384. Л. 145.
[62] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 190-191.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Однако такой форсированный рост с учетом военного и военно-промышленного потенциала будущего противника был совершенно необходим. С 1937 г. по 1940 г. степень милитаризации народного хозяйства СССР характеризуется увеличением в два раза доли прямых военных расходов в величине национального дохода. Показатель прямых военных расходов в предвоенном 1940 г. плюс бюджетные расходы на финансирование военно-промышленных наркоматов, Осоавиахима, Управление Гражданского Воздушного Флота и других военизированных организаций страны составляет сумму в 90589 млн. руб. В сопоставлении с величиной национального дохода получается «коэффициент милитаризации» 24,6%. При этом удельный вес военных расходов гитлеровской Германии в национальном доходе страны уже в 1938 г. составил 23,5% по отношению к большей, чем в СССР, величине национального богатства. В 1939-1940 гг. Германия, по-видимому, использовала на военные цели уже не менее одной трети национального дохода, имея полностью отмобилизованную армию и работающую в режиме военного времени оборонную промышленность.

На основании доклада Наркома Обороны СССР К.Е. Ворошилова в Комитет Обороны при СНК СССР от 12 октября 1939 г, о плане заказа по вооружению и боевой технике на 1940 г. можно высказать предположение о том, что военное командование страны планировало с 1940 г. в полной мере начать мобилизационное развертывание советской военной промышленности. Общий объем заказов НКО СССР на предметы вооружения, боевую технику, боеприпасы и военно-техническое имущество определялся в размере 30,9 млрд. руб.[63] В дальнейшем, при разработке хозяйственного плана на 1940 г., размеры военного заказа были урезаны до 17,5 млрд. руб., и соответственно, уменьшены по количеству единиц боевой

[63] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 23. Д. 1259. Л. 1-4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

техники, артиллерии, ручного огнестрельного оружия и т.д., поскольку Сталин твердо обещал советскому военному командованию, что до 1942 г. военного столкновения СССР с Германией не произойдет.

Итак, во второй половине 30-х гг., несмотря на экономические и политико-административные трудности, в нашей стране громадными темпами стало возрастать расширенное производство оборонной промышленности, и осуществлял это уже сложившийся советский военно-промышленный комплекс. Его составляли связанные с производством государственные органы: главки, тресты, наркоматы, сперва подчинявшиеся наркомату тяжелой промышленности, потом объединенные в наркомат оборонной промышленности (из которого в 1939 г. выделились наркомат боеприпасов, вооружений, авиационной и судостроительной промышленности). Эти ведомства напрямую взаимодействовали с органам советской власти на местах.

Другой составляющей военно-промышленного комплекса стали военные ведомства-потребители оборонной продукции (например, Главное артиллерийское управление, Управление ВВС РККА, и др.). Они тесно взаимодействовали с оборонными отраслями, испытывали изделия на своих полигонах, имели своих представителей на предприятиях для приемки продукции и т.д. Важной составляющей частью ВПК являлась наука, работавшая на нужды войны. Это конструкторские бюро оборонных предприятий, научно-исследовательские и проектные институты, занимавшиеся изготовлением и совершенствованием вооружения.

Действий всех промышленных военных и государственных органов координировались такими центральными органами, как Высший совет народного хозяйства, учрежденный в 1917 г. при Совете Народных Комиссаров и Совет по военной промышленности (Промвоенсовет) при нем, или созданный в апреле 1920 г. Совет Труда и Обороны (СТО). СТО был

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наделен чрезвычайными полномочиями и сыграл важную роль в укреплении обороноспособности страны. Как государственный орган по руководству хозяйственным строительством и обороной СТО просуществовал до 28 апреля 1937 года, когда был упразднен постановлением ЦИК СССР.

18 октября 1923 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло постановление о создании Комиссии обороны при СНК СССР, а 28 апреля 1937 г. уже постановлением СНК СССР эта комиссия была преобразована в Комитет обороны, ставший органом СНК в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 27 апреля 1937 г. Большую роль в руководстве военной промышленностью сыграла и созданная 31 января 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) Военно-промышленная комиссия при Комитете обороны.

В декабре 1936 г. Наркомат тяжелой промышленности был разделен на несколько наркоматов. В результате появился Наркомат оборонной промышленности. Но военное производство имелось и в других ведомствах. Танковое производство подчинялось, например, Наркомату среднего машиностроения. В январе 1939 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Наркомат оборонной промышленности также был реорганизован - на его базе возникли Наркоматы боеприпасов и вооружения, авиационной и судостроительной промышленности. Наркоматы делились на главки, в прямом подчинении которых находились заводы.

Система главкизма в управлении советским ВПК имела свои положительные стороны: экономная концентрация и централизация ресурсов и управления, максимальная возможность маневрирования и перераспределения этих ресурсов на особо важные направления в интересах стратегических целей и задач, быстрая исполнительность и т.п. Хотя был, конечно, и ряд существенных недостатков: чрезмерная концентрация управления в немногих центральных учреждениях, порождал

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ведомственность, бюрократизм, параллелизм, сдерживание инициативы, а порой и распыление ресурсов.

Так, несмотря на наличие мобилизационных отделов во всех наркоматах и ведомствах, общего мобилизационного плана мероприятий по всему народному хозяйству до начала войны так и не было принято. При этом по различным иным вопросам принимались десятки отдельных постановлений ЦК ВКП(б), СНК СССР, Экономсовета, Комитета обороны при СНК[64]. И это при том, что частичная мобилизация 1939 г. показала неподготовленность промышленности к широким мобилизационным мероприятиям. К июню 1941 г., как отмечал Г.К. Жуков, "мобилизационный план по военной продукции так и остался не утвержденным. Грянула война, все стало делаться наспех, распорядительным порядком, зачастую неорганизованно и в ущерб одно другому"[65].

Жесткая концентрация управления ограничивала инициативу на местах и предельно регламентировала всякого рода согласования и разрешения на высшем уровне. Например, принятый 2 октября 1940 г. Наркоматом авиационной промышленности по требованию ЦК ВКП(б) и лично Сталина приказ N 518 гласил: "Если самолет или мотор прошел испытания и принят к серийному производству, изменения в технологии его производства можно внести только с разрешения наркома, а изменения в конструкцию самолета или мотора не может позволить даже нарком, а допустимы лишь с разрешения правительства"[66]. В таких условиях в целях координации усилий разных ведомств вновь приходилось создавать межведомственные органы с чрезвычайными полномочиями - Экономсовет, Комитет обороны при СНК и т.д.

[64] Вопросы истории КПСС. 1991. N 9. С. 23.
[65] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. С. 33.
[66] Шахурин А.И. Крылья Победы. М., 1985. С. 114.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Важнейшей особенностью становления советского военного производства в 20-е и особенно в 30-е гг. являлась та исключительная роль, которую играла в его организации ВКП(б). Она по сути заняла лидирующее положение надгосударственной силы, осуществляющей стратегическое руководство жизнью общества в целом и самого государства. Партия осуществляла руководство предприятиями через промышленные отделы партийных органов и парткомы на предприятиях и в организациях, без участия которых не определялись темпы, сроки и качество производства, не решались вопросы кооперации с другими отраслями промышленности, их взаимодействие и взаимопомощь, распределение заказов военного характера, обеспечение рабочей силой и материалами, моральное и материальное стимулирование труда. По решению XVIII съезда ВКП(б) были образованы промышленные отраслевые и военные отделы партийных органов (до ЦК включительно).

Даже государственные органы принуждения, через которые государство реализует свои функции, - армия, милиция, государственная безопасность, прокуратура, суд и др. - перешли под партийное начало, персонифицированное в лице политорганов и партийного аппарата. И в основу строительства советских Вооруженных Сил был положен принцип безраздельного партийного руководства. Он был четко сформулирован еще в декабре 1918 г. постановлением ЦК РКП(б) "О политике военного ведомства". В нем говорилось: "Политика военного ведомства... ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем"[67].

Беспрецедентная волна репрессий, поднявшаяся в середине 30-х гг. в ходе народно-хозяйственного развития и становления ВПК и направленная не в последнюю очередь против руководителей промышленности и ВПК

[67] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Сб. документов (1917-1958). М., 1958. С. 47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

бумерангом ударила и по морально-политической стороне обороноспособности страны, по самой партии. Только в 1937-1938 гг. были репрессированы 116 885 коммунистов (почти каждый девятый), 40 тыс. офицеров и генералов армии, 20 тыс. чекистов, многие хозяйственные руководители, создатели оборонной промышленности и вооружений.

И все же за годы мирного строительства в стране сложился мощный военно-промышленный комплекс, существенно отличавшийся от ВПК капиталистического типа. Индустриализация страны заложила прочную базу для создания крепкой обороны и дальнейшего наращивания военной промышленности. Были созданы специализированные отрасли оборонной направленности, построены и модернизированы военные предприятия, производилось небывалое количество новой техники, боеприпасов и снаряжения. Вооруженные силы СССР в принципе получили или могли получить в ближайшее время все средства современной войны.

Мощная база обороны страны была создана. Красная Армия после технической реконструкции, проведенной в предвоенные пятилетки, в целом превратилась из технически отсталой в передовую, современную армию. По соотношению видов и родов войск, по своей организационной структуре и техническому оснащению она достигла уровня армий развитых капиталистических стран.

Ученые, инженеры и изобретатели справились с поставленной задачей: создать такие образцы военной техники и оружия, которые не уступали бы иностранным и смогли бы превзойти их по боевым качествам. Практически по каждому виду вооруженных сил и роду войск были созданы крупные военно-конструкторские бюро, лаборатории и научно-исследовательские институты. Родились десятки талантливых конструкторских коллективов, горячо взявшихся за дело. Основным

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

направлением развития стрелкового оружия было упрощение его устройства, облегчение веса и увеличение скорострельности.

В 1938 году на вооружение принимается первый отечественный крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпагина, который отличался своими боевыми качествами. В 1939 году армия получает новый станковый пулемет системы В. А. Дегтярева. Хорошо приняла армия пистолеты-пулеметы под пистолетный патрон В. А. Дегтярева (ППД) и особенно новые образцы конструкции Г. С. Шпагина (ППШ). С 1930-1931 по 1938 г. выпуск винтовок возрос со 174 тысяч до 1174 тысяч, пулеметов - примерно с 41 тысячи до 74 с половиной тысяч. По насыщенности ручными и станковыми пулеметами, а также по количеству пуль, выпускаемых в одну минуту на одного бойца, Красная Армия к концу второй пятилетки превосходила зарубежные армии того времени[68].

Правда, в результате кризисных явлений и экономических диспропорций, связанных со сверхцентрализацией народного хозяйства и ВПК, обозначались и опасные недостатки: замедлились темпы добычи нефти, упал прирост продукции металлургии, наметилось технологическое отставание в производстве станков и других видов оборудования. Начали проявляться недостатки и боевой техники, о чем свидетельствовали бои в Испании и Финляндии. Но в целом оборонный комплекс позволял быстро наращивать производство, компенсировать и устранять недостатки и отставания. Все это наглядно проявилось в годы подготовки и в ходе самой Великой Отечественной войны.

[68] Архив МО СССР. Ф. 7. Оп. 21536. Д. 75. Л. 54—55; Ф. 1. Оп. 1762. Д. 66. Л. 192—199.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел V. Военно-техническое сотрудничество СССР с зарубежными государствами

Одним из эффективных путей преодоления военно-технической отсталости по сравнению с Западом в период после гражданской войны представлялся советскому руководству поиск путей сотрудничества с зарубежными странами в области обмена технологиями, совместной разработки современных типов вооружений, строительства основ военно-промышленного комплекса. В силу особенностей геополитического положения СССР в начале 20-х гг., о которых шла речь во втором разделе, направления этого поиска были весьма ограниченными. Главные перспективы таило в себе сотрудничество с Германией в данной области, для чего рапалльский период во взаимоотношениях двух стран открывал благоприятные возможности. Обе страны были глубочайшим образом заинтересованы в обновлении и наращивании вооружений, в то время как ведущие державы мира были заинтересованы в прямо противоположном и делали все политическими и дипломатическими средствами, чтобы воспрепятствовать этому. Но известно, что любое воздействие порождает соответствующее противодействие. Поэтому в определенном смысле усилия стран Антанты, направленные на консервацию военной немощи Советской России и побежденной Германии были стимулом к обратным тенденциям в самих странах-участницах рапалльских отношений. Причем потенциал для возрождения военной мощи и у России, и у Германии был поистине гигантский. Первая располагала неисчерпаемыми запасами естественных ресурсов, огромными людскими ресурсами, решимостью правительства всемерно восстанавливать экономику страны как основу оборонного могущества. Вторая была готова сотрудничать и делиться своими

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

уникальными военными разработками, опытом военных приготовлений небывалого масштаба.

Главнокомандующий рейхсвером Х. фон Сект, в целом не желая усиления военного потенциала Советской России, тем не менее был за содействие развитию ее промышленности. Русские, по мнению фон Секта, могли бы при необходимости обеспечивать поставки боеприпасов для рейхсвера и в то же время сохранять нейтралитет, если возникнут международные осложнения. Он видел в этом союзе возможность обойти наложенные Версальским договором военно-технические ограничения. К тому же Россия, по меньшей мере теоретически, была в состоянии в случае войны на Западном фронте поставлять Германии нужные объемы марганца, молибдена, никеля, хрома, вольфрама и другого сырья. Особое значение имел доступ к марганцевым рудам, без которых производство немецкой стали могло быть быстро парализовано.

Контакты между военным руководством обеих стран имели оживленный и регулярный характер и осуществлялись, как правило, минуя МИД в Берлине и германское посольство в Москве. С этой целью еще в начале 1921 г. при военном министерстве Германии по указанию Х. фон Секта была создана «Зондергруппа Р» (т.е. «Россия»), которая у советской стороны в соответствии с принятыми тогда аббревиатурами называлась «Вогру», т.е. военная группа. В марте того же года начался обмен мнениями, может ли и при каких условиях запрещенная Версалем немецкая военная промышленность перебазироваться в Россию. И, как следует из доклада представителя РСФСР в Берлине В. Л. Коппа — Троцкому, одновременно уже шли секретные переговоры: о строительстве самолетов — непосредственно с заводами «Альбатрос», подводных лодок — с промышленниками Бломом и Фоссом, заводов боеприпасов — с Круппом.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Советско-германское сотрудничество постепенно набирало силу. Летом 1921 года полковник фон Нидермайер (с 1923 г. руководивший представительством «Вогру» в Москве, получившим название «Московский центр») вместе с военной миссией Германии прибыл в Москву как бы на «рекогносцировку», в том же году в России побывал и начальник управления Генерального штаба рейхсвера генерал-майор фон Хассе, которого принял начальник штаба РККА П. П. Лебедев.

Ответная встреча состоялась в Берлине в сентябре 1921 года. В переговорах участвовал К. Радек и руководитель Наркомвнешторга Л.Б. Красин, а с немецкой стороны — фон Хассе и майор К. фон Шлейхер. Результатом переговоров стало создание организации под названием ГЕФУ («Гезельшафт цур Фердерунг геверблихер Унтер немунген»)—«Общество по развитию промышленных предприятий» — с конторами в Москве и Берлине. Оно занималось вопросами технического и экономического содействия военно-промышленным объектам на территории Советской России и просуществовало до 26 февраля 1927 года. После его ликвидации, причинами которой было неудовлетворительное ведение хозяйства и взяточничество персонала, функции ГЕФУ перешли к так называемой ВИКО («Виртшафтсконтор»)—«Экономической конторе», представителями которой в СССР являлись полковник авиации фон дер Лит-Томсен и доктор Цур-Лойс. Так через торговые переговоры, наметки военного сотрудничества, неофициальные миссии туда и обратно осуществлялось осторожное, несколько половинчатое сближение между Москвой и Берлином.

Летом 1923 г. участники совещания в Берлине — министр иностранных дел барон фон Розенберг, министр финансов А. Гермес, советник металлургической фирмы «Гутехофф — нунгсхютте» П. Ройш, начальник отдела вооружений штаба сухопутных сил подполковник В. Менцель и др. согласовали сумму для финансирования военных расходов в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

России в размере 75 млн. марок. Однако на неофициальной встрече канцлера В. Куно и посла Брокдорф-Ранцау с наркомом финансов СССР А. Розенгольцем и заместителем наркома иностранных дел Н. Крестинским, которая проходила на частной квартире в Берлине 30 июля 1923 г., канцлер подтвердил выделение лишь 35 млн. марок, оставляя, таким образом, резерв в 40 млн. для дальнейших переговоров. Здесь же А. Розенгольц предложил германской стороне немедленно наладить сотрудничество в самолетостроении.

Система руководства совместными военными и военно-экономическими проектами с советской стороны замыкалась на Политбюро ЦК большевистской партии, которое в этом направлении действовало через соответствующие группы в НКИД, РВС, НКВМ и свою Комиссию по спецзаказам, а с германской стороны интегрировала руководство военно-промышленных фирм, рейхсвера и специальные подразделения МИДа. С 1923 г. по 1930 г. за все вопросы военного сотрудничества и связей с представителями рейхсвера заместитель Председателя РВС СССР И.С. Уншлихт, а с 1925 г. к этим вопросам активно подключилось Разведывательное управление РККА во главе с его начальником Я.К Берзиным[1]. Подробная схема двустороннего руководства этой деятельностью приводится у российских военных историков В.В. Захарова и С.А. Мишанова[2].

Из многих предложений, сделанных советской стороне германскими военно-промышленными фирмами в ответ на ее к ним непосредственное обращение и при посредничестве Вогру в начале 20-х гг. было организовано лишь несколько проектов, сообразно с тогдашней материальной базой

[1] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 98. Л. 79; Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь. М., 1989. С. 732.

[2] См.: Мишанов С.А., Захаров В.В. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1921-1933 гг.: Анализ западной историографии. М., 1991. С. 120.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Советской России и отсутствием значительных финансовых средств у военного министерства Германии. Ограниченное число проектов и объем финансирования было связано также с позицией держав Антанты, пристально следивших за соблюдение Версальского договора.

26 ноября 1922 г. в Москве между правительством России и фирмой «Юнкерс» были заключены три концессионных договора: о производстве металлических самолетов и моторов; об организации транзитного воздушного сообщения Швеция-Персия; об аэросъемке в РСФСР. Документы были подписаны с советской стороны Председателем ВСНХ и замнаркома иностранных дел, с немецкой – директором фирмы «Юнкерс» в Дессау[3]. Фирма «Юнкерс» учреждала соответственно договорам три акционерных общества. Особо было оговорено право фирмы на учреждения Общества для производства самолетов и моторов по концессии сроком на 30 лет, для чего ей в аренду полностью передавались Русско-Балтийский завод в Филях и Русско-Балтийский завод в Петрограде. Планировалось производство 300 самолетов в год, из которых советская сторона обязалась закупать 60 машин. Серийный выпуск должен был начаться не позднее октября 1923 г.[4] При заключении договора «Вогру» и РВС добились того, чтобы 60% всего производственного процесса «Юнкерса» было перенесено в Россию. Фирме в довольно короткий срок удалось перенести в Россию современный по тем временам авиазавод с персоналом более чем в 1300 человек, практически готовый к выпуску 25 самолетов в месяц.

Однако в 1924 г. советская сторона не смогла дать заводу в Филях обязательный заказ в 60 самолетов, который бы устроил только разворачивавшее свою деятельность предприятие, т.к. советский партнер настаивал на слишком низких, экономически необоснованных ценах. Кризис

[3] АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 2. П. 111. Д. 61. Л. 5-98.
[4] Архив НКВТ СССР. Ф. Особый сектор. оп. 6115. Д. 245. Л. 12-14.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обернулся началом свертывания предприятия и увольнения советского персонала, насчитывавшего 1150 человек. В 1925 г. предпринимались попытки урегулировать конфликт на уровне НКВМ и РВС, руководить которыми в январе этого года вместо Л.Д. Троцкого был назначен М.В. Фрунзе – убежденный сторонник продолжения сотрудничества с «Юнкерсом». Предусматривалась также возможность в случае разрыва концессии «практически приступить к постановке этого дела собственными средствами»[5]. 2 июня 1925 г. на заседании РВС под председательством М.В. Фрунзе был поставлен вопрос о пересмотре концессионного договора с Акционерным Обществом «Юнкерс» в сторону предоставления льгот концессионеру. Помимо самолетостроения предусматривалось право последнего на постановку моторостроения и конструкторской работы по самолето- и моторостроению. Советским инженерам должна была предоставляться возможность знакомиться с конструкторскими работами как в СССР, так и в Германии. В случае несогласия «Юнкерса» концессия расторгалась.

Однако попытки Х. Юнкерса договориться с «Зондергруппой Р» об участии государства в капитале фирмы для спасения ее от банкротства не увенчались успехом, что во многом было связано с новыми тенденциями во внешнеполитическом курсе Германии – «план Дауэса» (август 1924 г.) и конференция в Локарно (сентябрь 1925 г.). Москва также не шла на переговоры о принципиальном изменении условий сотрудничества. Поэтому деятельность «Юнкерса» в Филях к концу 1925 г. заканчивается. Всего было изготовлено 170 самолетов, 120 из которых приобрела советская сторона. С учетом того, что в 1924/25 хозяйственном году в СССР всего было изготовлено 264 самолета, то деятельность завода в Филях представляется довольно значительной.

[5] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 157. Л. 167-167об.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

14 мая 1923 г. во время визита германской военной делегации в Москву была выработана договоренность о строительстве химзавода по производству отравляющих веществ. Немецкая сторона обязалась выделить 35 млн. марок на его создание. В июле в Берлине был подписан договор, повлекший с германской стороны создание 9 августа 1923 г. ГЕФУ (Общество содействия промышленным предприятиям), а с советской стороны – общества «Метахим» (Акционерное общество металлических и химических изделий). 30 сентября 1923 г. ГЕФУ и «Метахим» заключили между собой договор об организации смешанного акционерного общества «Берсоль» для реализации договора. По договору сроком на 20 лет советская сторона обязалась предоставить химический завод в Иващенкове под Самарой, немецкая сторона – поставить производство ряда химических веществ, в том числе иприта и фосгена, не позднее шести месяцев с момента готовности необходимых производственных зданий. С рядом трудностей и задержек к сентябрю 1925 г. монтаж основных необходимых для производства установок был практически завершен. Однако комиссия «Метахима» нашла, что установки непригодны к эксплуатации и должны быть переделаны. Комиссия РВС на переговорах в Берлине жестко поставила вопрос об окончании работ и устранении всех сомнений «путем осмотра аналогичной установки в Гамбурге». Но в Гамбург комиссия «Метахима», несмотря на обещания ГЕФУ, так и не попала, и в конечном итоге «Метахим» косвенным путем добыл доказательства того, что члены его комиссии не ошиблись в оценке работы немецких коллег[6].

В июле 1923 г. бал парафирован договор о реконструкции военных заводов при помощи фирмы «Крупп» и поставках их продукции (артиллерийские снаряды, гранаты) рейхсверу. Договоренности между фирмой и заводами были заключены при посредничестве «Зондергруппы Р»

[6] АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 146. Л. 41-43.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и РВС СССР. Договор предполагал выполнение для ГЕФУ заказа в 400 тыс. снарядов для полевых трехдюймовых орудий на общую сумму около 18 млн. золотых рублей. Главвоенпром размещал этот заказ на Тульском патронном заводе (гильзы), Златоустовском сталелитейном (стаканы), Казанском пороховом (порох), Ленинградском трубочном имени т. Калинина (трубки), Богородском взрывном (снаряжение стаканов), Охтенском пороховом (сборка трубки и ее снаряжение) заводах. ГЕФУ передавало 600 тыс. долларов США на налаживание производства и 2 млн. долларов – под заказ. Главным инструктором по заказу и инструкторами на перечисленных заводах были немецкие специалисты и представители рейхсвера[7]. К декабрю 1925 г. выполнение «снарядного» заказа успешно завершилось, и поскольку он оказался весьма выгодным для советской стороны, Москва высказала заинтересованность в новом заказе.

Возобновление условий прежнего заказа было невыгодно германской стороне, учитывая то, что он давался еще в период «пассивного сопротивления» Германии в Руре. Однако же немецкая сторона не уходила от обсуждения новых концессий, увязывая их, например, с вопросом «о постановке в СССР пулеметного дела». Шла речь и приобретении у рейхсвера танков и продаже ему советской стороной 112 пушек, поставленных «Круппом» еще царской России в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг.[8]

Опыт первых лет советско-германского военно-промышленного сотрудничества показал, что в целом оно было не вполне удачным, хотя определенные наработки, конечно, имели место, и обе стороны в разные периоды высказывали надежду на развитие этих связей в будущем. Так, полпред СССР в Германии Н.Н. Крестинский в конце 1925 г., информируя

[7] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 317. Л. 29-30.
[8] АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 146. Л. 111.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

НКИД и НКВМ о проблемах с ГЕФУ в деле с «Берсолью» и отсутствии новых германских заказов на снаряды, писал, что, тем не менее, «почва для совместной работы не утрачена» и советская сторона может рассчитывать на «активное содействие» немецких военных при постановке «всех тех дел, по которым от немцев не требуется затраты денег, а лишь техническая помощь». По мнению Крестинского, такие перспективные дела уже намечаются, и их благополучное завершение создало бы «новую атмосферу» в переговорах и сгладило бы спорные вопросы по «химическому делу»[9].

Причины неудач стратегии руководства рейхсвера, направленной на тайное вооружение Германии за счет военного производства в СССР крылись не только в трудностях, создававшихся советской стороной, что часто утверждается в западной историографии. При разумном инвестировании эти трудности можно было бы преодолевать. Здесь сыграло свою роль изменение внешнеполитического курса Германии, отказ от «пассивного сопротивления» в Руре и переход к конфронтации с Антантой, к использованию извечного англо-французского противоречия в борьбе за доминирование на континенте. При этом основная ставка руководителями внешней политикой Германии была перенесена с возрождения военного потенциала страны при опоре на Советский Союз на массированную экономическую помощь США. Руководители рейхсвера уже в 1925-1926 гг. в силу внешнеполитических и финансовых причин вносят разного рода коррективы в характер советско-германского военного сотрудничества. Если договорами 1923 г. немцы стремились обеспечить свое будущее влияние на РККА, становясь для советской стороны поставщиками в области авиации и химии, то начиная примерно с середины 20-х гг. их стратегия меняется. Чтобы в дальнейшем сделать свое влияние на армию и воздушный флот

[9] Там же. Ф. 04. Оп. 73. П. 87. Д. 50123. Л. 28-30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

России еще более сильным, руководство рейхсвера начинает делать ставку на участие в организации и тактической подготовке Красной Армии.

В этой области сотрудничества содержались также большие возможности для поддержания боеготовности самого рейхсвера, которых Германия по Версальскому договору была лишена, и без реализации которых немецкая армия вполне могла опуститься в смысле тактической, технической и морально-боевой подготовки до положения обычных полицейских подразделений. Тем более, что руководство рейхсвера не могло не отдавать себе отчет, сколь решающее значение в войне будущего приобретает наличие и умелое использование танков, авиации, моторизованных частей. Для испытания новой техники, новых наработок в области военной стратегии и оперативно-тактического искусства требовались полигоны, наличие соответствующей техники, возможности обмена опытом. Все это имелось в СССР. А кроме того, режим в стране гарантировал определенную степень секретности этой деятельности от разведок Англии, Франции, Польши.

У советской стороны были свои серьезные мотивы для развития такой формы военных связей. Решение о создании на своей территории «немецких командных курсов» было принято еще 5 ноября 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) под впечатлением неудачи в войне с Польшей. Судя по формулировкам документов заседания, вопрос о создании немецких командных курсов обсуждался в высшем советском руководстве не впервые[10].

11 августа 1922 г. было заключено временное соглашение о сотрудничестве рейхсвера и Красной Армии. Рейхсвер получил право создать на советской территории военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава тех родов войск, которые Германии запретил Версаль. Советская сторона

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 120. Л. 3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

получала ежегодное материальное «вознаграждение» за использование этих объектов немцами и право участия в военно-промышленных испытаниях и разработках.

В командовании рейхсвера не без оснований считалось, что самым перспективным направлением военного сотрудничество этого рода должна стать совместная подготовка кадров для ВВС. Авиационная школа в Липецке стала первым учебным центром рейхсвера а территории СССР. Официальное соглашение о создании такой школы было подписано в Москве 15 апреля 1925 г. В нем также предусматривалось создание складов авиационных материалов в Липецке; управление ВВС РККА обязывалось передать немцам свой бывший завод для хранения самолетов, а также в качестве жилого помещения. Аэродром и завод передавались бесплатно. Немецкий персонал школы должен был составлять восемь человек, включая руководителя школы. С советской стороны предусматривался один постоянный помощник руководителя школы и 20 человек по обслуживанию аэродрома. На каждом курсе предполагалось обучать шесть-семь летчиков, курс обучения – четыре недели.

Кодовое название школы было «4-й авиаотряд части А5 Рабоче-Крестьянского Красного Военно-Воздушного Флота», или просто «4-й отряд». Он включал в себя собственно школу по подготовке летного состава и подразделение по испытанию авиатехники одна эскадрилья советской военной авиации должна была оставаться в Липецке еще в течение ряда лет[11]. На подготовку летного состава рейхсвера ежегодно выделялось 10 млн. марок, в среднем 2 млн. из них направлялось на содержание авиашколы в Липецке. В 1929 г. школа получила 3,9 млн. марок, в 1930 г. – 3,1 млн. Причем деньги на создание необходимой инфраструктуры авиацентра

[11] РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 78. Л. 93-96.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

(ангары, производственные и ремонтные мастерские, лаборатории, жилые и административные здания и т.д.) были выделены по отдельной статье.

Поначалу в Липецкой школе имелось 58 самолетов (главным образом «Фоккер Д-13»), привезенных немцами. Однако советская сторона постоянно настаивала на поставке более совершенных, первоклассных машин. Поэтому к 1931 г. в распоряжение школы поступили 4 НД-17 и 2 «Фоккер Д-7».

В 1931 г. подготовка летчиков-истребителей осуществлялась в два курса. Занятия шли с 17 апреля по 5 октября. Срок учебы представлялся вполне достаточным для достижения поставленных целей. Всего в этом году обучался 21 человек. Обучение обоих курсов проводилось на основе опыта, накопленного за предыдущие годы. Если подготовка летчиков курса 1929 г. оценивалась как «хорошо», 1930 г. — как «в целом удовлетворительно», то выпуск 1931 г. уже получил оценку «очень хорошо».

В 1931 г. были запланированы полеты на большой высоте, но проводиться в полном объеме они не могли из-за потери времени на другие упражнения, нехватки машин и ограниченного количества кислорода, выдаваемого на полет. Выход нашли в проведении большего числа упражнений на высотах, позволяющих дышать обычным воздухом (5—6 тыс. м). Эта мера оказалась оправданной.

Были в учебном плане и нововведения. К примеру, в него ввели следующие занятия: бомбометание с истребителя, показавшее, что оно по количеству фактических попаданий превосходит обстрел из пулеметов; стрельба из пулемета по буксируемым мишеням. Летом 1931 г. впервые осуществлялось взаимодействие с «русской» эскадрильей, в ходе которого был отработан способ атаки дневных бомбардировщиков.

Деятельность рейхсвера, несшего все расходы по организации, оборудованию и содержанию школы, тщательно скрывалась и ни в чем не проявлялась. Чтобы обеспечить полную секретность, рейхсвер увольнял с

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

действительной службы командируемых в Липецк офицеров и механиков на срок их пребывания в СССР и переводил их в статус «служащих частных предприятий».

Летчики во время службы в Советском Союзе носили гражданскую одежду. Им было запрещено рассказывать, что они делали и где были. Сообщения о смерти — в результате несчастных случаев во время полетов — фальсифицировались. Гробы с телами упаковывали в ящики и заносили в декларации при возвращении в Германию как детали самолетов; их отправляли на родину морским путем из Ленинграда в Штеттин (нынешний Щецин — морской порт в Польше).

В школе не только готовился летный состав, но и проводилась опытно-исследовательская работа. Советская сторона указывала на целесообразность повышения ее качества, а также привлечения к ней и наших специалистов. Авиацентр в Липецке эксплуатировался и как испытательный полигон. Там отрабатывались оптимальные виды ведения боевых действий в воздухе (воздушные бои, бомбометание из разных положений), испытывались боевые самолеты, изготавливавшиеся в Германии, авиаприборы, бортовое оружие, бомбы и т.д.[12]

На конец 1926 г. в Липецке на прошли тренировку на современных истребителях 16 советских военных летчиков, техническую подготовку – 45 авиамехаников и 40 высококвалифицированных рабочих. Участие советских специалистов в работе школы позволяет быть в курсе новейших технических усовершенствований. В 1927—1928 гг. здесь было обучено 20 летчиков и 24 летчика-наблюдателя.[13] В записке И.В. Сталину И.С. от 31 декабря 1926 г. И.С. Уншлихт писал, что изучение тактических новшеств для советской стороны очень ценно, так как тактические приемы различных видов авиации

[12] См. об этом: Бойцов В.В. Секретные лаборатории рейхсвера // Армия. 1992. № 2. С. 59-64.
[13] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 151. Л. 19-20.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

изучаются немецкими инструкторами школы путем пребывания в Америке, Англии и Франции. «По отзывам наших компетентных товарищей, - продолжал он, - школа своей работой дает нам: 1) капитальное оборудование культурного авиагородка; 2) возможность в 1927 г. поставить совместную работу со строевыми частями; 3) кадр хороших специалистов, механиков и рабочих; 4) учит новейшим тактическим приемам различных видов авиации; 5) испытанием вооружения самолетов, фото, радио и др. вспомогательных служб дает возможность путем участия наших представителей быть в курсе новейших технических усовершенствований; 6) дает возможность подготовить наш летный состав к полетам на истребителях и, наконец; 7) дает возможность путем временного пребывания в школе наших летчиков пройти курс усовершенствования.» На основании изложенного И.С. Уншлихт делает вывод о несомненной пользе и желательности дальнейшего сотрудничества[14].

2 октября 1926 г. в Москве был подписан договор об организации танковой школы. Эта школа должна была размещаться в бывших Каргопольских казармах в Казани, и в ее распоряжение предоставлялись все имевшиеся там строения, а также находившиеся в 7 км учебное поле, стрельбище, полигон и пути сообщения с ними. Немцы отстроили здесь бывшие школьные помещения, мастерскую и учебное поле, израсходовав на это около 2 млн. марок. В распоряжении немцев был полигон. Учебные танки доставлялись из Германии, первая партия — в марте 1929 г.

У немецкого командования была особая заинтересованность в организации такой учебно-опытной базы, поскольку по Версальскому договору Германии запрещалось иметь бронетанковые войска, а верхушка рейхсвера имела отчетливое представление, какую роль предстоит играть таким войскам в будущих вооруженных конфликтах. Такое представление

[14] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 151. Л. 18—23.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

имелось и у советского руководства, так что опять была налицо взаимная заинтересованность. В Германии разработка новейших танковых конструкций была начата уже в 1925 г. на фирмах «Крупп», «Рейнметалл», «Даймлер».

Школа располагала шестью 23-тонными танками с моторами БМВ, вооруженными 75-мм пушками, а также тремя 12-тонными танками с 37-мм пушками. Кроме того, для танковой школы при посредстве РККА были получены легкие танки «Карстен-Ллойд» британского производства. Они были переданы рейхсверу в обмен на предоставленное Красной Армии вспомогательное оборудование для военного производства.

Начальником школы был генерал Лютц, в 1933 г. занимавший пост начальника мотомехвойск рейхсвера. Курировала ее через упомянутый уже «Московский центр» «Инспекция № б» (автомобильная) управления германского военного министерства.

Договор был заключен на три года и предусматривал автоматическое продление еще на год, если одна из сторон не заявит о расторжении договора за шесть месяцев до его истечения. По истечении договора танки, запасы имущества, вооружение, оборудование мастерских и инвентарь принадлежали возвращению ВИКО (аналог скомпрометировавшего себя в глазах обеих сторон партнерства и упраздненного в апреле 1926 г. ГЕФУ и его правопреемник), а строения и другие стационарные сооружения – Красной Армии. Советская сторона могла выкупить у ВИКО интересующее ее техническое оборудования по стоимости, которую определяла паритетная комиссия.

С немецкой стороны постоянный состав танковой школы предполагал на первых порах 42 человека (семь человек административной службы; трое преподавателей – по артиллерийскому, пулеметному и радиоделу; пять инструкторов по вождению танка), с советской стороны – 30 человек

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

административно-технического и вспомогательного состава, не считая охраны. В программе занятий в школе было предусмотрено обучение советских специалистов: пять человек из постоянного состава на инструкторов и десять обучающихся на танкистов. Договором предусматривалось, что число русских участников работы школы может быть окончательно установлено в 1927 г. на основании опыта работы школы.

В танковой школе обучались одновременно не более 12 человек. Немецкие офицеры временно увольнялись из рейхсвера. Они добирались в СССР через Польшу, имея паспорта с указанием вымышленной профессии. Как считают немецкие историки, подготовленная в Казанской школе плеяда танкистов, среди которых было 30 офицеров, облегчила позднее быстрое создание германских танковых войск. Эти специалисты были полностью подготовлены как в теоретическом, так и в техническом отношении. В школе учился будущий генерал-полковник вермахта, будущий командующий танковой армией в 1941 г. на советско-германском фронте, будущий автор трудов о применении танковых войск Г. Гудериан.

Строительство танковой школы в Казани затянулось. Поскольку это было нарушением Версальского договора, приходилось соблюдать режим строжайшей секретности. Строительная комиссия, которая, по ориентировочным советским оценкам поглотила на работы по созданию школы 1,5-2 млн. марок, была летом 1928 г. официально заменена Техническими курсами ОСОАВИАХИМа. Лишь в первой половине 1929 г. танковая школа в Казани приступила к практическому обучению.

Аналогичные формы советско-германского сотрудничества имели место и в области вооружений, применение которых по опыту первой мировой войны считалось в будущих военных столкновениях весьма вероятным и чрезвычайно опасным, – боевых отравляющих веществ. 15 августа 1925 г. было создано Военно-химическое управление (ВОХИМУ)

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Штаба РККА, которое возглавил бывший помощник военного атташе в Германии Я.М. Фишман. Он же стал руководителем образованного в июле 1928 г. Института химической обороны[15].

Выбор партнера по разработкам этого типа вооружений был определен для советского руководства не только опытом военного сотрудничества в других областях, но и тем обстоятельством, что Германия, по советским оценкам, занимала ведущее положение в мировой химической промышленности. У Германии же был все тот же мотив – создать скрытно от Антанты и эту базу вооружений. Было намечено строительство в СССР предприятие по выпуску химических отравляющих веществ, что получило название проекта «Берсоль». Кроме того, на особом химическом полигоне предполагалось испытывать новые боевые химсредства и отрабатывать способы их применения, что получило кодовое название проекта «Томка». Первые испытания по этому проекту проводились под Москвой в районе нынешних Кузьминок, затем они были перенесены на полигон «Томка» в Саратовской области неподалеку от г. Вольска.

Договор о совместных аэрохимических испытаниях был подписан сторонами 21 августа 1926 г. Он должен был возобновляться ежегодно не позднее 31 декабря и утверждаться обеими сторонами. Вся документация по испытаниям делалась в двух экземплярах и должна была быть доступна обеим сторонам. Все опыты производились только в присутствии советского наблюдателя. Советские специалисты должны были принимать участие в опытно-исследовательских работах. Советская сторона обеспечивала полигоны и условия работы. Немцы брали на себя обучение советских специалистов всем отраслям и формам опытной работы. Обе стороны несли ответственность за сохранение полнейшей секретности работ.

[15] См.: Гамс Э. Так создавался противохимический щит РККА // Военный вестник. 1993. № 11, с. 45, 47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«Томка» стала наиболее засекреченным объектом рейхсвера в СССР, что и понятно: это была так называемая школа химической войны. Руководил ею Людвиг фон Зихерер. Предприятие располагалось Волге. Если посмотреть на карту тех лет, то этот объект находился в непосредственной близости от территории автономной республики немцев Поволжья. Можно предположить, что это не было случайным совпадением. Школе требовался персонал со знанием немецкого языка, и, видимо, такие кадры черпались из немецкой республики. Этим же, вероятно, объяснялось и расположение Казанской танковой школы.

В «Томку» немцы вложили около 1 млн. марок. Все это осуществлялось вопреки Версальскому договору, по которому местонахождение и создание подобных военных предприятий должно было быть согласовано и одобрено правительствами главных союзных и объединившихся держав. Однако германское командование, игнорируя Версальские соглашения, пошло на развертывание в «Томке» научно-исследовательских работ на условиях, что советской стороне будут передаваться новые средства химической борьбы (отравляющие вещества (ОВ), приборы, маски).

В «Томке» испытывались методы применения отравляющих веществ в артиллерии, авиации, а также средства и способы дегазации зараженной местности. Научно-исследовательский отдел при школе снабжался новейшими конструкциями танков для испытания ОВ, приборами, полученными из Германии, оборудовался мастерскими и лабораториями.

После отработки всех юридических, технических и материальных сторон договоренностей практические работы на полигоне под Москвой начались без промедления. В сентябре-октябре из Германии было завезен оборудование. Группа немецких химиков и летчиков под кодовым названием «Гела» в ноябре-декабре провела 14 опытов с выливными устройствами, в

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ходе которых было использовано 5 т химических веществ. По результатам опытов Берлин уже к декабрю 1926 г. определился с тем, какие из выливных устройств следует принимать на вооружение.

Советская сторона придавала большое значение промышленному производству отравляющих веществ. Начальник Военно-химического управления Я. Фишман в совершенно секретном докладе Ворошилову от 8 февраля 1927 г. подчеркивал, что задача создания химической обороны страны грандиозна. Он обращал внимание на необходимость «подойти вплотную и всерьез» к нуждам химобороны, настаивал на увеличении производства ОВ, противогазов, строительстве новых химических предприятий. Для этого наша сторона рассчитывала совместно с немцами построить и использовать производственные мощности будущего завода «Берсоль» (г. Иващенково). Предполагалось, что завод «Берсоль» мог бы давать около 6 тонн ОВ в день. «В заводе «Берсоль»,—отмечал И.С. Уншлихт,— мы получаем первую и пока единственную базу производства ОВ в крупном масштабе».

Проекты «Липецк», «Кама» (Казанская танковая школа) и «Томка» с различной степенью отдачи для сотрудничающих сторон действовали вплоть до окончания военно-технического сотрудничества СССР и Германии в связи с резкими изменениями как внутри последней, так и на арене международных отношений. В 1931 г. Я.К. Берзин в донесении К.Е. Ворошилову сообщал, что итоги работы в Казани и Липецке «не совсем удовлетворяют УММ и УВВС, т. к. «друзья» слабо завозят новейшие технические объекты, подлежащие испытаниям, иногда ограничиваясь устаревшими типами (самолеты «Фоккер» До-ХШ) и не всегда откровенно делятся всеми материалами и сведениями, полученными в результате исследовательских и учебно-опытных работ. ... В отношении работы на химическом полигоне при ст. Причернавская («Томка») ВОХИМУ считает ее

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вообще весьма ценной и полезной для РККА.» Среди предлагаемых улучшений начальник Разведуправления РККА подчеркивает необходимость в Липецке усилить завоз новейших технических объектов, особенно моторов большой мощности, включая и моторы на тяжелом топливе; передавать советской стороне, хотя бы за плату, все технические объекты, которые, по нашему мнению, могут быть ценными для РККА; в Казани – усилить, завозы новейших образцов материальной части; упорядочить вопросы руководства и составление учебных программ, передав общее руководство работой курсов советской стороне[16].

Однако советская сторона при положительной общей оценке всех этих форм и направлений сотрудничества все же не вполне была удовлетворена их конкретными для себя результатами. В письме Н.Н. Крестинского И.В. Сталину от 1 февраля 1926 г. проводилась мысль о том, что трехлетний период сотрудничества с рейхсвером в силу различных причин мало что дал. Учитывая это, для решения возникших проблем Крестинский, с ведома высшего советского политического и военного руководства, предложил немецкой стороне организовать встречу. Фон Сект согласился на ее проведение в Берлине. В итоге переговоров 25—30 марта 1926 г. советские и германские представители пришли к выводу, что военные ведомства двух стран должны действовать непосредственно. Причем все вопросы будут решаться в Берлине через фон Секта, а в Москве—через заместителя председателя ВЧК (ГПУ) И.С. Уншлихта. Связь будет поддерживаться в Берлине военным атташе П. Н. Луневым, а в Москве — уполномоченным рейхсвера Лит-Томсеном.

Сотрудничество обеих сторон принимает разнообразные формы: взаимное ознакомление с состоянием и методами подготовки обеих армий путем направления командного состава на маневры, полевые учения,

[16] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 375. Л. 110—111.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

академические курсы; совместные химические опыты; организация танковой и авиационной школ; командирование в Германию представителей советских управлений (УВВС, Артуправление, Главсанупр и др.) для изучения отдельных вопросов и ознакомления с организацией ряда секретных работ.

Развивались во второй половине 20-х гг. и другие направления военного сотрудничества между СССР и Германией. Начало практике обмена разведданными было положено еще в январе 1923 г. в дни Рурского кризиса, когда руководство рейхсвера ознакомило Н.Н. Крестинского и К. Радека с имевшимися у него сведениями о положении под Мемелем и о мобилизационных мероприятиях поляков по подготовке возможного вторжения в Германию на стороне Франции. Тогда же была достигнута устная договоренность «держать друг друга в курсе» подобного рода сведений[17]. И.С. Уншлихт назвал обмен разведданными одним из пунктов, излагая в ходе своего визита в Берлин в марте 1926 г. советскую программу дальнейшего военного сотрудничества, указав при этом, что советская сторона передала немецким военным «все, могущее их заинтересовать». Практика такого обмена продолжалась до начала 30-х гг., что впрочем не исключало определенной доли взаимной дезинформации, исходя из тех или иных поворотов большой политики.

Важным фактором сотрудничества РККА и рейхсвера стали поездки советского комсостава в Германию для совершенствования в военном искусстве. На началах взаимности допускалось и посещение немцами РККА. В августе 1925 г. группа высокопоставленных офицеров рейхсвера впервые присутствовала на маневрах Красной Армии, положив тем самым начало еще одному важному направлению сотрудничества, каким стало взаимное участие наблюдателей в учениях и маневрах армий обеих стран. Немецкие офицеры, среди которых был начальник контрразведки рейхсвера,

[17] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 79. Д. 49957. Л. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

специалист в области военной авиации, военный теоретик и еще несколько представителей, прибыли в СССР в гражданской одежде под видом «германских рабочих-коммунистов»[18]. Практически сразу же, в конце августа - начале сентября 1925 г. состоялся ответный визит. Группа красных командиров во главе с членом РВС, помощником начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевским под видом «болгар» прибыла в Германию и присутствовала на осенних маневрах рейхсвера.

По воспоминаниям первого секретаря полпредства СССР в Германии, немецкая делегация, посетившая СССР, равно как и советские специалисты, осуществившие первый опыт наблюдения за маневрами в Германии, остались очень довольны этим опытом, высоко оценили профессиональную эрудицию друг друга. А советские военные высказали большое одобрение по поводу немецкой военной литературы. Взаимно было признано, что опыт полезный и необходимо его продолжать и развивать[19]. После этого обмен военными делегациями, посылка наблюдателей на маневры и крупные учения обеих армий, а также посылка краскомов на учебу в германскую военную академию осуществлялись регулярно. Германия была до 1930 г. единственной страной, чьи офицеры участвовали в крупных осенних маневрах Красной Армии. Германский посол Х. фон Дирксен записал 21 ноября 1926 г., что в СССР от рейхсвера было направлено 25 человек, из которых 8 присутствовали на маневрах, 14 выезжали в учебные центра в Липецк и Тоцкое, один присутствовал на испытаниях химического оружия, двое участвовали в полевых поездках; а от РККА в Германию было направлено 13 человек[20].

Из этих 13 человек двое были прикомандированы к военному министерству Германии и обучались на третьем, последнем курсе

[18] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 98. Л. 78.
[19] АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 87. Д. 50123. Л. 19.
[20] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 151. Л. 111.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

германской военной академии. Фактически это действительно была военная академия мирового уровня, хотя официально называлась академическими курсами, т.к. по Версальским соглашениям Германия не могла иметь военную академию. Ее курс прослушали преподаватели Военной академии РККА М.С. Свечников и С.Н. Красильников. 8 февраля 1927 г. они представили начальнику Академии РККА Р.П. Эйдеману доклад, в котором содержался очень точный анализ внутриполитического положения в Германии и перспектив его развития. Там говорилось и об огромной роли, которую предстоит сыграть рейхсверу в развитии ситуации, и о назревании идей и настроений реваншизма, и о вероятном приходе к власти фашизма. В документе, в частности, говорилось, что немецкий Генштаб «видит единственную реальную силу, могущую дать прирост его военной мощи, это – дружественные отношения с Советской Республикой. Наличие общего противника – Польши, опасного для Германии вследствие географических условий, еще более толкает Германский Генштаб по пути тесного сближения с Советской Россией»[21].

Командующий СКВО командарм 1 ранга И.П. Уборевич, работавший тринадцать месяцев в Германии в 1927-1928 гг., принимавший участие в штабных учениях рейхсвера в апреле 1928 г., на которых отрабатывались совместные действия немецкой армии и РККА против польско-французского альянса, писал: «Немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучать достижения в военном деле за границей, притом у армии, в целом ряде вопросов имеющей весьма интересные достижения. Очень многому удалось поучиться и многое еще остается нам у себя доделать, чтобы перейти на более совершенные способы боевой подготовки. Сейчас центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, главным образом в том

[21] Там же. Д. 148. Л. 76-78.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы: танки, улучшения в авиации, противотанковые мины, средства связи и т. д. ...Немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас...»

В ходе визитов советских военных специалистов в Германию им предоставлялась также возможность ознакомиться с образцами передовых вооружений. Вот лишь некоторые новинки, показанные немцами нашим специалистам: зенитная пушка — калибр 7,5 см, начальная скорость 88 м/с, потолок высоты обстрела 9,5 км, дальность 16 км, то есть пушка в 2 раза превосходила советские зенитные орудия; новейший оптический прибор для зенитной стрельбы профессора Пшора, изготовленный фирмами «Сименс» и «Цейс», предназначенный для зенитного огня по летящей эскадрилье противника и попадания с первого выстрела; малокалиберная пушка, использовавшаяся одновременно и против танков, и против авиации; зенитный пулемет, пробивающий броню более 20 миллиметров, то есть броню всех легких и средних танков, с потолком 4200 метров (у нашего станкового пулемета потолок 1 км). И.С. Уборевич и В.К. Триандафиллов, осматривая эти образцы, сделали вывод, что «наши пулеметы против танков совершенно не годятся».

До начала 1928 г. отношение немцев к сотрудничеству было выжидательным и отражало все те колебания между востоком и западом, которые наблюдались в германской внешней политике. Военное сотрудничество с СССР для германской дипломатии в значительной мере было козырем в переговорах с Францией и Англией. Однако с явным сближением между Англией и Францией в начале 1928 г. и крахом немецких надежд на благоприятное для Германии решение репарационного вопроса и «рейнской проблемы» отношение руководящих кругов рейхсвера к вопросу сотрудничества с РККА постепенно становится более серьезным. В СССР

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

для ознакомления с РККА и изучения возможностей сотрудничества командируются такие ответственные лица, как зам. начальника Генерального штаба Миттельбергер, а затем и начальник Генерального штаба генерал Бломберг. Во взаимоотношениях отмечается более дружественный тон. Неудачи немцев в попытках договориться по репарационным вопросам и по вопросу освобождения от оккупационных войск рейнской зоны вновь подталкивают Германию в сторону «восточной ориентации».

Новые предложения командования рейхсвера в этой связи об «урегулировании и расширении» сотрудничества обеих армий, предложенные через фон Нидермайера и А.И. Корка. Сводились к следующему: замена личного состава предприятий, состоящего из офицеров запаса, квалифицированными офицерами активной службы в рейхсвере; открытие весной 1929 г. танковой школы в Казани и доставка туда новых тяжелых и средних немецких танков последней конструкции; заключение договора о газовых опытах, расширение этих опытов и доставка из Германии химических снарядов и 4-х полевых гаубиц для опытной стрельбы; присылка радиостанций для увязки работы танковой школы в Казани и Липецкой школы, воздушная связь между школами и проверка действия радиостанций на самолетах на более далекие расстояния, чем позволяет липецкий аэродром; постепенное сближение морских штабов обоих государств путем поездки представителя советских морских сил в Германию или представителя германского флота в Москву, установление личного знакомства между ответственными руководителями обоих флотов, обсуждение некоторых общих проблем; контактирование разведывательной деятельности обеих армий против Польши, обмен разведывательными данными о Польше и встреча руководителей обеих разведок для совместного рассмотрения данных о мобилизации и развертывании польской армии; совместная работа конструкторских сил в области артиллерии и пулеметного

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дела с использованием достижений в этой области, как германской, так и советской промышленности, при условии равноправного использования результатов этой конструкторской работы; продолжение взаимных командировок на маневры, полевые поездки, допущение наших командиров на последний курс военной академии рейхсвера, приезд нескольких германских офицеров для стажировки в наших частях[22].

Перенос в 1925-1927 гг. центра тяжести в военном сотрудничестве на использование военных школ в СССР и обучение кадров не означал полного отказа от сотрудничества двух стран в области военной промышленности. В июле 1928 г. СНК СССР принял первый пятилетний план развития РККА на 1928-1932 гг., которым предусматривалось поставить на вооружение РККА 1 тыс. танков. Однако уже в июле 1929 г. вопрос ставился о 3500 танков трех типов[23]. В мае 1929 г. РВС разработал 5-летнюю программу артиллерийского перевооружения РККА, по которой должны были увеличиваться огневая мощь, дальнобойность, скорострельность, меткость орудий, что требовало создания крупных артиллерийских конструкторских бюро, строительства артиллерийских заводов[24]. 23 января 1930 г. РВС утвердил программу создания различных видов самолетов, включая гидросамолеты, аэростатов, аэрофотоаппаратов и приборов с основным упором на производство новых бомбардировщиков и истребителей[25]. Очень трудно было осуществлять эти и другие подобные программы с опорой только на собственные силы, разработки, технологии.

16 сентября из Берлина поступило донесение советского полпредства, в котором сообщалось, что «из Москвы приезжает много работников военной промышленности, причем эти представители военпрома..., находясь в

[22] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 71—78.
[23] См. об этом: Рыжаков А. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1968. № 8. С. 105-108.
[24] Советские Вооруженные Силы. История строительства. М., 1978. С. 188.
[25] Там же. С. 190.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Германии, зачастую действовали без согласования с советским военным атташе». Фирмы информировали о контактах с ними военное министерство Германии, которое в этой связи выражало недовольство военному атташе в Берлине В.К. Путне[26]. Такое, на первый взгляд, беспорядочное, самостоятельное движение за рубеж советских закупщиков при ближайшем рассмотрении обнаруживает свои закономерности. Выявленные в архивах сделки, заключенные таким полулегальным образом, точно отражают те направления развития военной и военно-технической мысли, которые появились в теоретической литературе и нашли отражение в советской политике того времени в соответствии с перспективами развития современных армий и военных приготовлений: химия, авиация, моторизация, артиллерия, танки, подводные лодки и т.д.

Между тем и военно-промышленное сотрудничество между СССР и Германией на уровне высокого руководства переживает в этот период подъем. 10 октября 1928 г. в Москве было заключено соглашение между советским Государственным оружейно-пулеметным трестом и фирмой «Карл Вальтер» (оружейный завод в Тюрингии), по которому фирма обязалась оказывать тресту полное техническое содействие в организации производства по нарезке стволов по тем технологиям, по которым работает сама фирма. После уплаты 120 тыс. марок трест получал право в течение трех лет посылать своих специалистов для изучения производства по нарезке стволов, соответствующих станков и технологий фирмы, ознакомления с соответствующей документацией[27].

На аналогичной основе взаимного соглашения началось в декабре 1928 г. сотрудничество между Государственным всесоюзным Орудийно-Оружейно-Пулеметным объединением (ООПО «Оружобъединение») и

[26] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 9. П. 45. Д. 32. Л. 20.
[27] Там же. Ф. 059. Оп. 6. П. 345. Д. 5486. Л. 1-5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

гермнской автомобилестроительной фирмой «ДАК». Целью соглашения была разработка конструкции гусенично-колесного танка. За 70 тыс. американских долларов фирма обязалась разработать в соответствии с техническими условиями «Оружобъединения» проект танка с гусенично-колесным приводом и поставить советской стороне детальные чертежи[28].

Советские военные химики вели переговоры с фирмами «Гольдшмидт» и «Рем и Хаас» о постройке завода по производству сырья для иприта. Им были предоставлены материалы времен первой мировой войны по производству отравляющих веществ, чертежи газомета, газоубежища, различных фильтров. Они встречались с начальником Генштаба рейхсвера на предмет согласования совместного проекта[29]. Зимой 1929 г. группа военных химиков находилась в Германии, где им была показана противогазовая лаборатория в Шпандау, полигон в Куммерсдорфе, фабрики по производству противогазов с предоставлением необходимой документации.

Весной 1929 г. велись переговоры с немецкой стороной о закупке у фирмы БМВ 200 авиамоторов. При заключении контракта заместителю начальника ВВС РККА Я.И. Алкснису удалось добиться некоторого снижения цен по сравнению с условиями предыдущего заказа. Тогда было закуплено 100 моторов, а также 20 гидросамолетов. В конце 1928 г. «Юнкерс» обратился к советскому военному атташе в Берлине с предложением возобновить производство самолетов в СССР и строительстве завода на концессионных началах[30]. «Юнкерс» также поставлял самолеты в Липецкую школу.

Военный атташе в Германии В.К. Путна докладывал К.Е. Ворошилову 15 августа 1929 г. о том, что общая сумма средств, выделенная на военные

[28] Там же. Ф. 082. Оп. 15. П. 69. Д. 11. Л. 179-182.
[29] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 295. Л. 13-15.
[30] Там же. Л. 76-77.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

закупки в Германии, составила 7,2 млн. руб. Основные заказы были сделаны по линии «Авиатреста», «Орудатреста», «Оружейно-пулеметного треста», «ВОХИМ-треста»[31]. Германская сторона оказывала советскому партнеру содействие в области модернизации военной промышленности путем направления немецких инженеров на заводы СССР, предоставления лицензий для серийного выпуска продукции, проведения совместных научно-исследовательских работ, в том числе и в процессе деятельности военно-учебных центров рейхсвера, поставки в СССР полуфабрикатов, производство и экспорт которых формально не подпадали под запреты Версальского договора.

В конце 1929 г. в Германию была откомандирована группа представителей НКО и военпрома для приобретения образцов танков всех типов. В ходе поездки этой группе были открыты двери немецких фирм-производителей танков, моторов, автомобилей. Группой были закуплены образцы тягачей и быстроходных тракторов. С конструктором-танкостроителем Э. Гротте был заключен контракт о работе в СССР. Он разработал средний танк «Т-Г» (Танк Гротте), который превосходил по боевым и техническим характеристикам танк «Т-24», находившийся на вооружении РККА, что было отмечено в оценке комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по танкостроению. «Т-Г» был признан основным типом среднего танка и было предложено развернуть его производство на Урале и в Харькове[32]. Всего инженерный отдел советского торгпредства в Германии закупил военного оборудования и снаряжения в 1929/30 хозяйственном году на 5,25 млн. марок[33].

[31] Там же. Д. 112. Л. 18-19.
[32] См.: Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 - июнь 1941 г. М., 1992. С. 92.
[33] Там же. Ф. 31863. Оп. 1. Д. 2106. Л. 3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Слабость отечественной научно-исследовательской и опытно-конструкторской базы военной промышленности компенсировалась в начале первой пятилетки активными поисками за рубежом новых образцов вооружений, боевой техники и технологий. В мае 1929 г. советская делегация во главе с заместителем начальника ГУВП ВСНХ СССР Будневичем побывала в Германии и Австрии с целью заключения договоров о технической помощи в деле организации военно-промышленных производств. В официальном отчете о результатах командировки, между прочим, сообщалось о том, что командованием рейхсвера «зондировался вопрос о широком военно-техническом сотрудничестве между Германией и СССР, вплоть до унификации вооружений»[34]. Главная Администрация фирмы Рейнметалл (генеральный подрядчик рейхсвера) согласилась передать СССР свой опыт по производству порохов, взрывателей, дистанционных трубок и специальных сортов сталей. Немецкая сторона, в частности многие фирмы, была готова предоставить РККА вооружение, боеприпасы, обмундирование, технологии различного военного производства. Так, в ходе переговоров с фирмой «Крупп» в апреле 1929 г. было достигнуто согласие «в области специального военного производства». Фирма брала обязательства предоставить «в распоряжение русской стороны накопленный опыт в лабораториях и на полигонах, по внешней баллистике», «передать весь опыт, который имеется в области производства материала для военного снаряжения, метод его обработки и весь режим обращения с ним», а также имеющийся опыт в отношении взрывчатых веществ и порохов.

Советская делегация проявила большой интерес к решению немцами проблем удешевления производства военной продукции, а именно:

[34] РГАЭ. Ф. 2097. Оп.1. Д. 1122. Л. 3.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

стандартизации, взаимозаменяемости и универсальности систем вооружения[35].

Советская делегация (при посредничестве посла СССР в Германии Н.И. Крестинского и военного атташе советского посольства В.К. Путны) парафировала соглашение о технической помощи с фирмами Круппа, Цейса и Юнкерса, причем Крупп, ссылаясь на условия Версальского мира, предложил для выполнения советских заказов использовать дочернюю кампанию концерна Круппа в Швеции (фирма Бофорс). В Австрии советская делегация осматривала патронные заводы, входившие в международный картель Манделя. В отчете о результатах переговоров с австрийцами отмечалось, что «производимые ими патроны в два раза превышают наши по дальности стрельбы и в гораздо меньшей степени приводят к выгоранию ствола», а культура производства «несравнимо выше нашей»[36].

По состоянию на 2 февраля 1930 г, представителями советской военной промышленности были заключены договоры с немецкими фирмами Фольмара (о разработке проекта танка на гусеничном и колесном ходу), Отто Шмица (о разработке проекта батальонной пушки), Вальтера (о внедрении технологии нарезки стволов и воронения стали), Гирш Купферверке (о разработке проекта завода плакировочных металлов), Байрише Моторен Верке (производство авиамоторов), Паулин (разработка проекта завода по производству азотной кислоты). Во Франции были заключены договоры с фирмами Гном и Рон (о производстве авиамотора «Юпитер»), Стик Обур (об организации производства искусственного шелка), Петролифер (о производстве активированного угля), Люмьер (об организации на пороховых заводах производства кино- и фотопленки). В Италии был заключен договор

[35] Там же. Л. 2-3.
[36] Там же. Л. 4.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

с фирмой Сентилла об организации производства магнето для автомобилей и самолетов[37].

По состоянию на 17 сентября 1929 г. советской казной в течение 1929/30 г. по заключенным договорам об иностранной технической помощи трестам военной промышленности намечалось отпустить 1318250 американских долларов[38]. В дополнение к этой, весьма кругленькой сумме, РВС СССР убедительно просил председателя ВСНХ СССР В.В.Куйбышева отпустить еще хотя бы 70 тыс. американских долларов для организации работы «по получению из-за границы агентурным путем рабочих чертежей и готовых образцов орудий», поскольку, как сказано в письме И.С. Уншлихта В.В. Куйбышеву от 28 сентября 1929 г., «состояние наших конструкторских организаций на сегодняшний день не может обеспечить требуемых сроков конструирования и производства новых систем артиллерийского вооружения для РККА»[39].

Особое внимание в 1929/30 г. было обращено на организацию производства боевой техники — танков и самолетов. Недостаточное финансирование в предыдущие годы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в этой области привело к значительному отставанию от индустриально развитых стран Европы и США, у которых теперь приходилось закупать образцы боевой техники и осваивать их в опытном и серийном производстве.

5 декабря 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О выполнении танкостроительной программы». В постановлении констатируется, что «к настоящему времени на вооружении РККА имеется только тип танка Т-18 (скорость 12 км/час, вооружение 37 мм пушка и 2 пулемета, защищен 18 мм. броней), производство которого установлено на

[37] Там же. Д. 890. Л. 4-5.
[38] Там же. Д. 1110. Л. 20-21.
[39] Там же. Д. 890. Л. 1.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

заводе «Большевик»». Далее, отмечается, что Т-18 не отвечает современным требованиям, а других конструкций нет, что 5-летняя программа тракторостроения не увязана с танкостроением по вопросам обеспечения броней и моторами. Политбюро предложило командировать за границу «авторитетную комиссию» из представителей военной промышленности и военного ведомства Для отбора и закупки образцов бронетанковой техники, а также выяснения возможности получения технической помощи[40].

20 октября 1929 г. Управление военно-воздушных сил РККА Справило в РЗ СТО свои предложения «о пятилетнем плане опытного строительства ВВС на 1928/29-1932/33 гг.» В записке. в частности, отмечалось, что специалистами Управления было доведено изучение 675 типов самолетов зарубежных конструкций, из которых 62 типа (истребители, бомбардировщики, торпедоносцы, учебные, транспортные и т.д.) отобраны в качестве образцов для освоения в опытном производстве. По авиамоторостроению Управление определяло отставание СССР от Запада не менее чем на 4 года. УВВС РККА просило ассигновать на организацию изучения заграничного опыта и оказание необходимой поддержки Центральному Аэрогидродинамическому институту (ЦАГИ) и Научному Автомоторному институту (НАМИ) не менее 50 млн. рублей[41]. Необходимая поддержка советским инженерам и конструкторам авиационной техники была в конце концов оказана, но перед этим руководство страны их, что называется, «хорошенько пропесочило». 20 мая 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев выводы комиссии А.А. Андреева о работах ЦАГИ, признало их «совершенно неудовлетворительными» как по срокам конструирования и опытной отработки образцов боевых самолетов, так и по их качеству[42].

[40] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 18-19.
[41] РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 1096. Л. 58-64.
[42] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 48-50.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Военно-техническое сотрудничество СССР и Германии осуществлялось по всем обозначенным линиям до 1933 г. Этот год начинался еще в рамках сложившихся взаимоотношений. Продолжали действовать производственные, учебные и научно-технические проекты. Продолжались контакты военных, причем с обеих сторон единодушно признавалась их целесообразность. Последние достижения советской военной техники демонстрировались, как правило, на парадах и неизменно привлекали внимание представителей рейхсвера. Например, 1 мая 1933 г. на Красной площади на трибуне Мавзолея присутствовал представитель руководства рейхсвера, а также «группа (3 человека) «друзей» из руководства предприятиями». Их приглашение было санкционировано Ворошиловым[43].

10 мая 1933 г. по приглашению М.Н. Тухачевского в Москву приехала группа из пяти высших германских офицеров во главе с начальником вооружений рейхсвера генералом фон Боккельбергом. Это был ответный визит на посещение Тухачевским в 1932 году предприятий германской военной промышленности. Во время поездки по СССР деятели рейхсвера побывали на таких предприятиях советской военной промышленности, как ЦАГИ, 1-й авиазавод, артиллерийский ремонтный завод в Голутвине, химзавод в Бобриках, Красно-Путиловский завод, полигон в Луге, оружейный завод в Туле, Харьковский тракторный завод, 29-й моторостроительный завод в Запорожье, Орудийный завод имени Калинина в Москве, и др. 13 мая на приеме у германского посла царила приподнятая атмосфера. К.Е. Ворошилов говорил о стремлении и дальше поддерживать связи между «дружественными» армиями. Во время беседы с немцами М.Н. Тухачевский подчеркнул: «Не забывайте, что нас разделяет наша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу. И всегда

[43] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 458. Л. 35.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

думайте вот о чем: вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе».

Фон Боккельберг в обстоятельном отчете о поездке в СССР отметил озабоченность наркома К.Е. Ворошилова и начальника Штаба РККА А.И. Егорова выступлениями фашистов в Германии, которая, по их мнению, могла помешать совместной работе. Интересно его общее заключение: «1. Не отмечены признаки, что в связи с несомненным голодом в России могла бы быть свержена советская власть. 2. Вновь построенные промышленные предприятия всюду оставляют исключительно хорошее впечатление. Советский Союз в ближайшие 10 лет достигнет цели — полного освобождения от иностранной зависимости. 3. Совместная работа с Красной Армией и советской военной промышленностью, учитывая грандиозность советских планов, крайне желательна, не только по военно-политическим соображениям, но и по военно-техническим...»[44].

Однако объективный ход исторических событий уже определил финал военно-технического сотрудничества двух стран. Прежде всего это было связано с приходом к власти фашизма в Германии. Озабоченность наркома и начштаба РККА на приеме у посла была вполне обоснованной. В течение 1933 г. СССР стремительно переходит для набирающей силы Германии из категории стратегического партнера в разряд потенциального противника. В отчете Полпредства СССР в Германии от 31 декабря 1933 г. подводится некоторый итог этому процессу: «С июля 1933 г. развертывается продолжающаяся до сих пор кампания о т. н. «голоде» в СССР. По размаху и широте эта кампания беспрецедентна в истории антисоветских кампаний... 1933 год был, бесспорно, переломным годом в развитии советско-германских отношений... Рост германских вооружений и трудности экспансии на запад и юго-восток Европы будут толкать Гитлера также на дальнейшее обострение

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

отношений с СССР... Советско-германский товарооборот в первые девять месяцев 1933 г., по сравнению с тем же периодом 1932 г., уменьшился на 45,7 %; при этом германский импорт из СССР уменьшился на 37 %, а германский экспорт в СССР на 49,9 %. Значительное сокращение всего товарооборота и особенно сокращение германского экспорта в СССР обусловили довольно сильное, абсолютное сокращение (на 61,1 %) активного для Германии сальдо советско-германского торгового баланса»[45].

14 октября 1933 г. Я.К. Берзин сообщал К.Е. Ворошилову, М.Н. Тухачевскому и А.И. Егорову, что в соответствии с приказом о принятии мер к быстрому, но безболезненному свертыванию немецких учреждений в Томке, Липецке и Казани, их деятельность полностью прекращена, имущество вывезено в Германию и личный состав их предприятий покинул пределы СССР. «В начальный период переговоров, – пишет он, – «друзья» пытались затянуть ликвидацию предприятий, полагая, очевидно, что в процессе переговоров последует изменение и что их пребывание в СССР будет продлено на неопределенное время. Однако, убедившись в бесплодности этой попытки, «друзья» в целях «сохранения лица», сами сравнительно быстро свернули предприятия, заявляя, что это вполне совпадает с их желаниями и что нынешняя обстановка требует новых форм сотрудничества, которое должно остаться и на будущее время после ликвидации предприятий»[46].

Подводя некоторый итог рассмотрению вопроса о военно-техническом сотрудничестве между СССР Германией в течение 20-х - начала 30-х гг., можно сказать, что оно имело значение для того стремительного развития, которое было характерно для германских

---

[44] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 505. Л. 135—137.
[45] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 476. Л. 2—127.
[46] ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 504. Л. 160—165.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

наступательных вооруженных сил — вермахта, — которое они продемонстрировали в последующий период практической подготовки к ведению масштабных боевых действий, вопреки всем ограничениям Версальской системы. Глубочайшая секретность, под покровом которой рейхсвер отрабатывал методы и приемы ведения боевых действий в современной войне в учебно-исследовательских центрах на территории СССР, была обеспечена и советским правительством, однако во многом и тем режимом политической изоляции, который страны Антанты создали вокруг нашей страны. Отечественная историография «демократического периода» (конец 80-х - середина 90-х гг.) изобилует высказываниями в том смысле, что «фашистский меч, занесенный над миром», ковался, как это ни прискорбно, и на советской земле, ибо в течение шести лет, с 1933 по 1939 гг., «из ничего» создать сильный военно-воздушный флот и самое мощное на тот период времени танковое вооружение было бы не по плечу даже гению в области строительства вооруженных сил. Однако этот меч был обоюдоострым и ковался обеими странами. Несмотря на все трудности, противоречия и колебания в области военно-технического и военно-политического сотрудничества СССР и Германии в означенный период, без этого сотрудничества в той международной обстановке, которая была создана ведущими мировыми державами вокруг нашей страны, говорить о ее готовности к будущей войне (которая, как показала история, действительно была неизбежной) не приходится.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел VI. Развитие Вооруженных Сил и подготовка Красной Армии к войне

В период «сталинских пятилеток» невероятными усилиями народа и партийно-государственного руководства советской страны было сделано небывало много для наращивания экономического и оборонного потенциала СССР, созданы новые отрасли промышленности, необходимые для производства самых современных вооружений, использованы все возможности, как бы они ни были ограничены политикой мировых держав, по восприятию передового зарубежного опыта в наращивании оборонной мощи Советского Союза. При размещении крупнейших предприятий новых стратегических отраслей индустрии была учтена реальная возможность скорой масштабной войны, вероятно даже на два фронта. На востоке страны образована топливно-энергетическая база.

В 20-е - 30-е гг. в СССР велась усиленная работа по всемерной подготовке Вооруженных Сил страны, населения в целом к неизбежной и скорой войне. Уже к началу 30-х гг. советское народное хозяйство было в общем способно удовлетворять минимальные потребности РККА для ведения большой войны. Но вот сама армия, да и вся страна были еще к этому не готовы. В жестком курсе на индустриализацию форсированными темпами и любой ценой упор был сделан на развитие тех отраслей тяжелой промышленности, которые обеспечивали бы СССР экономическую независимость, необходимую для политической самостоятельности.

В четвертом разделе приводились данные, свидетельствующие об известном факте, насколько бурными темпами, невзирая на все внутренние и внешние трудности в годы третьей пятилетки развивалась военная промышленность. Хрестоматийны цифры увеличения всей промышленности за этот период на 13% на фоне 39% оборонки. Вся страна

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

работала на оборонную промышленность. Ее предприятия в первую очередь снабжались сырьем, электроэнергией, оборудованием, топливом. За 3,5 года третьей пятилетки, прерванной войной, более четверти всех индустриальных инвестиций было направлено в отрасли, напрямую связанные с военным производством. Лучшие кадры конструкторов, инженеров, техников, рабочих были сосредоточены в этих отраслях. Таким образом, за исторически чрезвычайно краткий срок в стране была осуществлена полная материальная подготовка к масштабной войне. Это было вдвойне удивительно, если иметь в виду, в каких тяжелых условиях разрухи и отсталости начинались эти процессы в начале 20-х гг.

И эти условия с неумолимостью диктовали советскому руководству, какую армию страна в состоянии содержать даже в той острейшей международной обстановке. В декабре 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял решение к 15 января следующего года сократить личный состав Вооруженных Сил с 5,3 млн. до 3,3 млн. человек. Тогда же полевой штаб РВСР разработал соответствующий план, направленный на то, чтобы «сохранить мощную полевую армию за счет сокращения тылов и всего обслуживающего элемента, а также войск внутренней службы»[1].

Но и в этот план внес свои коррективы начавшийся в стране голод, поставивший 40% советского населения на грань выживания. В результате, к концу 1921 г. численность армии сократилась до 1,6 млн. человек, в октябре 1922 г. – до 796,9 тыс. человек[2]. В последующие годы армия еще более сократилась. Заместитель Председателя РВС СССР И.С. Уншлихт в декабре 1925 г. отмечал: «Затруднительное финансовое положение СССР в связи с неурожаем 1924 г., одновременно необходимость качественного

[1] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). М., 1978. Т. 4. С. 228.
[2] Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 год. М., 1922. С. 5; Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 гг. М., 1925. С. 5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

улучшения армии заставили пойти на сокращение Вооруженных Сил с 610 до 562 тыс.»[3].

В то же время международная обстановка, политические бури, бушевавшие вокруг Советского Союза в середине 20-х гг., заставляют быть начеку. Военная угроза со стороны капиталистических государств существовала. Сохранялась также в теории и надежда на мировую революцию. Поэтому армия революционного государства должна была представлять собой образец боеготовности. Со второй половины 20-х гг. численность РККА медленно (сообразно реальным возможностям страны), но неуклонно возрастает. Так, если на 1 октября она составляла 610,3 млн. человек, то в 1935 г. – 920 тыс., в 1938 г. – 1,5 млн., а к середине 1941 г. – более 5 млн. человек[4].

Помимо численности, большое значение имело, как решаются вопросы комплектования, организационно-штатной структуры, управления войсками, боевой и оперативной подготовки. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) было установлено, что «на ближайший период основой наших вооруженных сил должна являться нынешняя Красная Армия, по возможности сокращенная за счет старших возрастов, с повышенным пролетарским и коммунистическим составом»[5]. Съезд допускал частичный переход к милиционным формированиям, причем в тех районах, где преобладает пролетарское население, в первую очередь в Москве, в Петрограде, на Урале. Однако переход этот осуществлялся медленно. В июне 1921 г. в Петрограде создается первая милиционная бригада. И только в январе-феврале 1923 г. на территориально-милиционное положение переведено 10 кадровых дивизий[6]. После издания декрета ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных

[3] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 84. Л. 2.
[4] Советские Вооруженные силы: История строительства. М., 1978. С. 195, 234.
[5] КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 377-378.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся» этот процесс заметно ускорился, и в 1925 г. уже насчитывалось 46 стрелковых дивизий и 1 кавалерийская территориальная дивизия[7].

В конце 20-х гг. удельный вес территориальных соединений составлял в Красной Армии 60%. В 1928 г. из 81 стрелковых и кавалерийских дивизий только 38 были кадровыми. Такая смешанная система строительства армии (кадровая и милиционная) позволяла сократить расходы на содержание стрелковых частей. Одновременно необходимо было создавать условия для обучения для контингента военнообязанных без длительного отрыва от производственной деятельности, чтобы сохранить значительное число соединений с их аппаратом управления и комсоставом как ядро для развертывания армии на случай войны. Основные проблемы здесь состояли в том, что уровень боевой подготовки таких территориальных войск оказывался невысоким, переменный состав армии не в состоянии был овладеть всеми военными навыками и военной техникой на необходимом уровне, а дислокация территориальных частей не могла соответствовать общему плану обороны страны. Поэтому в 30-е гг., когда страна уже располагала новыми материальными возможностями, наметился переход к кадровой системе комплектования армии. К концу 1935 г. уже 77% дивизий РККА были кадровыми[8]. С принятием 1 сентября 1939 г. Верховным Советом СССР Закона о всеобщей воинской обязанности был юридически завершен перевод Вооруженных Сил страны на кадровое положение.

В поисках наиболее эффективной системы руководства Вооруженными Силами неоднократно проводилась и реорганизации органов армейского управления. На завершающем этапе гражданской

---

[6] Отчет народного комиссариата по военным и морским делам за 1922/23 гг. С. 52.
[7] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). М., 1958. С.96.
[8] Советские Вооруженные силы: История строительства. С.195.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

войны аппарат управления армией был громоздок и неповоротлив. Он насчитывал 11 тыс. сотрудников. Для его обслуживания выделялось 9 тыс. красноармейцев и рабочих[9]. центральные органы управления часто дублировали функции друг друга. В январе 1921 г. на основании предложений И.И. Вацетиса, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского ЦК РКП(б) принял постановление «Об укреплении Красной Армии». В нем предусматривалась реорганизация и сокращение центрального военного аппарата. Полевой штаб и Всероглавштаб переформировывались в единый Штаб РККА, подчиненный через Главкома непосредственно наркому по военным и морским делам[10]. Вдвое сократилось число управлений и отделов, во многом устранился параллелизм в работе. В последующие годы структура центрального военного аппарата неоднократно подвергалась уточнениям, и к концу 1923 г. его численность составляла 4407 человек[11]. В том же году РВСР (Реввоенсовет республики) был преобразован в РВС СССР. А наркоматы по военным и по морским делам были слиты в единый НКВМ.

Тем не менее в работе органов военного управления по-прежнему наблюдалось много недостатков. Когда осенью 1923 г. осложнилась обстановка в Европе и пришлось неотложно решать оборонные задачи, эти недостатки дали о себе знать. В октябре в Гамбурге вспыхнуло восстание рабочих, подготовленное Коминтерном. Правительства европейских стран заявили о своей готовности приступит к блокаде Германии с целью предотвращения распространения революции. Обещанной поддержки со стороны СССР пробольшевистское правительство в Гамбурге не получило. Восстание было подавлено. Анализируя эти события в своем выступлении 18 апреля 1924 г. в Военной академии РККА, заместитель председателя

[9] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 720. Л. 6.
[10] Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 год. С. 7
[11] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 720. Л. 8.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

РВС СССР М.В. Фрунзе расценил тогдашнюю обстановку в Европе как близкую к войне, в которой действия советского военного руководства показали «нашу слабую подготовленность к разрешению серьезной военной проблемы»[12].

В марте 1924 г. специальная комиссия, образованная ЦКК РКП(б) для инспектирования военного ведомства, представила в ЦК РКП(б) доклад, на основании которого пленум ЦК в своем постановлении констатировал серьезные недочеты: текучесть кадров, неудовлетворительная постановка дела снабжения и др.[13] М.В. Фрунзе придерживался по этому вопросу несколько иного мнения, указав, что «большинство всех выявившихся недочетов связаны с общим положением нашего государства». Он полагал, что пока не будут преодолены хозяйственная бедность государства и недостаток ассигнований на военное управления, радикального преодоления этих слабостей ожидать не приходится[14]. Комиссией была предложена серьезная реорганизация военного управления, направленная на максимальное упрощение управленческого аппарата, устранение параллелизма, разграничение функций между различными органами, сокращение штабов, приближение форм и органов управления в мирное время к системе управления военного времени. Эти предложения были одобрены ЦК РКП(б) и РВС СССР, и было принято решение о проведение их в жизнь, начиная с 15 апреля 1924 г.

В 1925 г. специальная комиссия во главе с заместителем начальника Штаба РККА С.А. Пугачевым разработала новые предложения по реорганизации центральных управлений НКВМ, получившие в октябре одобрение РВС СССР. Численность центрального аппарата была

[12] Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.-Л., 1926. Т. 2. С. 151.
[13] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). С. 65.
[14] Фрунзе М.В. Избранные произведения. Т. 2. С.28.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сокращена до 3598 человек. Но уже через год в связи с кампанией «режима экономии» вновь встал вопрос о сокращении и реорганизации управленческого аппарата военного ведомства. Комиссия под руководством заместителя председателя РВС СССР И.С. Уншлихта дала новые предложения в этом направлении, которые были одобрены РВС в июле 1926 г. Речь шла о наиболее полном объединении вопросов обороны страны в ведении Штаба РККА, а администрирования армии – в Главном управлении РККА[15].

В советской официальной военной историографии высказывалось убеждение, что реформа центрального военного управления «сыграла огромную роль в укреплении Вооруженных Сил страны, в укреплении обороноспособности СССР»[16]. Здесь есть с чем поспорить. Частые и поспешные реорганизации порождали у высших военных путаницу в представлениях о месте и роли центральных органов руководства армией. Не принесла пользы и частая смена руководства Штабом РККА, который до апреля 1924 г. возглавлял П.П. Лебедев, затем до февраля 1925 г. М.В. Фрунзе, С.С. Каменев, Б.М. Шапошников, А.И. Егоров (руководивший Штабом, затем Генштабом с июня 1931 по май 1937 г.). все они имели богатый боевой опыт, но разную квалификацию в области военного управления. Кратковременность пребывания в должности не давала руководителям Штаба РККА довести до конца те задумки. С которыми они шли на этот пост.

В соответствии с предложениями Б.М. Шапошникова в январе 1930 г. в состав Штаба РККА были переданы из ведения Главного управления РККА все вопросы мобилизации, комплектования и подготовки начсостава запаса. В 1933-1934 гг. под руководством А.И. Егорова работа по уточнению функций высших органов армейского руководства

[15] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 720. Л. 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

продолжалась, в результате чего вопросы мобилизации были вновь переданы в ведение ГУ РККА. Из Штаба было выведено Разведуправление и переподчинено непосредственно Наркомвоенмору. В июне 1934 г. ЦИК СССР упразднил Реввоенсовет СССР, а НКВМ переименовал в наркомат обороны (НКО). Вместо РВС при наркоме обороны был создан Военный совет, носивший совещательный характер. В 1938 г. этот Совет был преобразован в Главный совет РККА с функциями бывшего РВС. В сентябре 1935 г. Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб, из состава которого был выведен отдел боевой подготовки. Последний был развернут в соответствующее самостоятельное управление.

Волна репрессий, которая обрушилась на военное руководство практически всех уровней в 1937-1939 гг., больно ударила по центральному военному аппарату. Его деятельность была практически парализована. «Врагами народа» оказались начальник Генштаба, два его заместителя, 22 начальника и 30 ответственных работников НКО СССР и Генерального штаба РККА. В мае 1940 г., когда К.Е. Ворошилов был смещен с поста наркома обороны, в работе наркомата были отмечены следующие недостатки: отсутствие мобилизационного и оперативного планов, плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени, данных о состоянии прикрытия границ, указывалось на запущенность личного состава и т.д.[17] На те меры, которые разрабатывались новым наркомом обороны С.К. Тимошенко для преодоления отмеченных недостатков, надвигающаяся война уже не оставляла времени.

В системе мероприятий, которые проводились в 20-е - 30-е гг. по совершенствованию военного руководства наиболее оправданным и целесообразным, как показала история, стало введение единоначалия.

[16] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). С. 160.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Такой опыт существовал во время гражданской войны. К нему решил вернуться ЦК РКП(б) приняв 28 июля 1924 г. постановление о переходе к единоначалию в армии. Для проведения постановления в жизнь РВС СССР в конце года разработал и утвердил соответствующую инструкцию, а 2 марта 1925 г. издал приказ о введении единоначалия в армии. Все начальственные функции возлагались на командиров подразделений, а за комиссарами должны были оставаться лишь функции партийно-политического руководства и ответственность за политико-моральное состояние частей и соединений. К 1928 г. этот приказ был практически реализован на уровне командиров корпусов – на 84%, дивизий – на 74%, полков – на 48% и подразделений – на 42%[18]. В мае 1937 г. с уровня ЦК ВКП(б) было спущено распоряжение о возвращении к институту военных комиссаров, который вновь был упразднен непосредственно в преддверие войны в августе 1940 г.

Поиск оптимальных форм руководства вооруженными силами составляет важный аспект развития Красной Армии в исследуемый период и ее подготовки к будущей войне, и, как видим, далеко не все в этом плане было удачно и целесообразно. Но не менее важный аспект – это техническая реконструкция РККА, ее перевооружение и соответствующее переформирование, преобразование в армию современного типа. Эти вопросы взаимосвязаны, т.к. проблема, как лучше руководить, предполагает проблему – какой армией руководить. Как мы уже говорили, в стране делалось все возможное и даже невозможное, чтобы в 20-е гг. преодолеть разруху и экономическую отсталость, заложить устойчивые тенденции быстрого индустриального роста на ближайшее будущее. Без этого всерьез говорить о технической реконструкции РККА не приходилось. Рассмотрим, чем экономический рост СССР и военно-

[17] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193-208.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

техническое сотрудничество с Германией оборачивались для Красной Армии в плане такой реконструкции, превращения в качественно новую армию.

Главной тягловой силой в войсках в начале 20-х гг. были лошади. Их к концу 1922 г. насчитывалось в Красной Армии 159,3 тыс.[19] По данным Полевого штаба РВСР, в октябре 1920 г. в действующей армии было 2616 орудий, 10559 пулеметов, 122 бронепоезда, около 300 броневиков, до 80 танков и почти 300 самолетов[20]. К середине 20-х гг. количество оружия и военной техники на вооружении несколько увеличилось – в основном за счет ремонта и восстановления неисправных систем. Однако это увеличение было незначительным и не носило качественного характера.

В 1927 г. создается новая 76-мм полковая пушка, опытные образцы легкого танка Т-18 и бронеавтомобиля БА-27. Разработаны и в 1925-1928 гг. поступают на вооружение истребители И-2, И-2бис, самолеты-разведчики Р-1, Р-5, бомбардировщики ТБ-1 и ТБ-2. К 1928 г. Число орудий полевой артиллерии достигает 7200, зенитной – 590, самолетов – 1400, танков – 92[21]. Однако отставание от армий ведущих мировых держав по технической оснащенности продолжало оставаться значительным.

Накануне начала первой пятилетки РВС СССР разработал свой пятилетний план, который был увязан с планами народнохозяйственного строительства и предусматривал полное перевооружение Красной Армии новейшими образцами военной техники, создание новых технических и специальных родов войск – авиация, бронетанковые, химические инженерные войска и т.д. Предусматривалась этим планом и массовая подготовка кадров для таких войск, удельный вес которых в составе РККА

---

[18] Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 170.
[19] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 167. Л. 5.
[20] Там же. Д. 671. Л. 49-76; Д. 695. Л. 37-38; Советские Вооруженные Силы: История строительства. С. 128-129, 131.
[21] Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 162, 163, 166.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

должен был по этому плану значительно возрасти[22]. На годы второй пятилетки (1933-1937 гг.) соответствующим планом намечалось достижение технического превосходства над потенциальным противником по трем решающим видам вооружений: самолеты, артиллерия, танки. Численность войск предполагалось довести до такого уровня, который бы позволял вести войну на сокрушение и поражение с коалицией капиталистических держав.

Начиная с 1932 г., в войска в возрастающих количествах начинают поступать новые системы оружия и военной техники. Быстро растет количество автоматического оружия. Если в октябре 1928 г. армия была оснащена 24230 станковыми и 8811 ручными пулеметами, то к началу 1937 г. их было соответственно 60 тыс. и около 95 тыс.[23] С 1931 г. на вооружение стали поступать образцы полевой и зенитной артиллерии, пушки гаубицы и минометы нового образца, дальнобойность и скорострельность которых существенно превосходила образцы, стоявшие на вооружении до начала 30-х гг. Рост по артиллерийским вооружениям в чисто количественном исчислении за период с 1929 по 1937 г. – с 8600 до 30000, включая 1672 зенитных орудия[24].

Очень динамично в годы пятилеток развивается советская танковая промышленность, выпускающая все более совершенные образцы военной техники: легкие танки Т-18, Т-26, БТ-2 и БТ-5, средние и тяжелые танки Т-28 и Т-35, танкетки Т-27, плавающие танки Т-37 и Т-38. За период 1930-1939 гг. советской промышленностью всего выпущено 15 тыс. танков (из них около 12 тыс. основных образцов) и 1426 бронемашин[25]. Отличительным свойством советской бронетехники этого периода была

[22] История второй мировой войны 1939-1945: В 12-ти томах. М., 1973. Т. 1. С. 258.
[23] Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 187.
[24] История отечественной артиллерии. М.-Л., 1964. Т. 3. Кн. 8. С. 216.
[25] Военно-исторический журнал. 1971. № 2. С. 6.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

высокая скорость, слабым местом оставались недостаточно мощное вооружение и броня.

Новые образцы военной техники в большом количестве поступали в течение 30-х гг. в войска связи, инженерные, саперные войска. Впечатляющий прогресс был достигнут в снабжении армии автомобильной техникой. Так, если в 1928 г. в войсках насчитывалось всего около 1200 грузовых автомобилей, то к концу 1935 г. на вооружении было уже более 35 тыс. автомобилей и 6 тыс. тракторов.

К началу 30-х г. на вооружение ВВС стали поступать передовые по тем временам истребители И-5, тяжелые бомбардировщики ТБ-2, легкие бомбардировщики Р-5, которые могли выполнять функции самолетов-разведчиков, штурмовики ТШ-1. В годы второй военной пятилетки советским военным летчиком приходилось уже осваивать качественно новые образцы истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, существенно превосходивших по своим техническим характеристикам самолеты предыдущего поколения. Например, некоторые из новых образцов авиатехники превосходили своих предшественников по скорости и высоте полета в 1,5-2 раза.

В области военно-морского строительства также обозначился существенный прогресс как по количественным. Так и по качественным показателям. Если в начале 30-х гг. в основном создавались легкие подводные и надводные корабли, что соответствовало преобладав шей в тот период военной доктрине, то с 1934 г. программа судостроения была нацелена на создание прежде всего линкоров и тяжелых крейсеров, которые превосходили по своим качествам зарубежные аналоги. Впрочем строительство легких надводных сил продолжалось, и при этом создавался мощный подводный флот.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Все эти показатели технического оснащения Красной Армии новыми вооружениями сами по себе несомненно впечатляющи. Но первый опыт практических военных столкновений – у озера Хасан, на р. Халхин-Гол и особенно, в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. обнаружил, что темпы и направленность перевооружения РККА далеко не всегда соответствуют той динамике, которая характерна в этом отношении для армий потенциального противника. Практика показала, что большинство видов оружия и военной техники на вооружении Красной Армии в конце 30-х гг. уже успело морально устареть, что заведомо создает преимущество противнику в будущей войне.

Поэтому непосредственно перед началом Великой Отечественной войны приходилось принимать спешные меры по разработке образцов более современного оружия и постановке его на вооружение армии. Результатом стало налаживание выпуска самозарядных винтовок Ф.В. Токарева (СВТ-40), пистолет-пулеметов Г.С. Шпагина, 76-мм дивизионных пушек, 122-мм дивизионных гаубиц, 85-мм зенитных пушек, средних танков Т-34, тяжелых танков КВ-1, истребителей Як-1, МиГ-3, штурмовиков Ил-2, бомбардировщиков Пе-2, радиолокационных станций РУС-1 и РУС-2, приборов управления огнем зенитной артиллерии (ПУАЗО-3) и др. Для массового выпуска всех этих видов вооружений требовалось по самым оптимистическим подсчетам не менее двух лет. Практически же накануне войны войска имели их в ограниченном количестве: поступил всего 1861 средний и тяжелый танк нового образца, а ВВС получили 2739 современных самолетов[26]. Сильное отставание было и по минометам, артиллерийским тягачам, автоматическому оружию и т.д.

Большое значение для боеспособности войск имело наряду с целесообразной системой руководства и современным техническим

[26] История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. С. 421, 425.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оснащением и то, что собой представляла и как развивалась их организационная структура. В вопросах ее развития руководству приходилось учитывать такие факторы, как несравненно с прошлыми войнами более высокая ударная сила, огневая мощь, подвижность. Основой сухопутных войск в являлась стрелковая дивизия. В августе 1923 г. был принят ее новый штат, по которому она с бригадной организации переводилась на полковую: в состав дивизии входили 3 стрелковых и 1 кавалерийский полки, 2 артиллерийский дивизиона, подразделения обеспечения и обслуживания. В это ж время вводится корпусное звено управления войсками. К концу 1923 г. существовало 17 управлений стрелковых корпусов. Осенью 1924 г. происходит новая реорганизация дивизий: вместо двух артиллерийских дивизионов создается артиллерийский полк, а вместо кавалерийского полка – эскадрон.

Новые политические и материальные условия, сложившиеся в 30-е гг. требуют приспосабливать к ним организационную структуру стрелковой дивизии. В ее состав теперь включается танковый батальон. Вдвое увеличивается количество пулеметов, в 2,7 раза – артиллерийское и минометное вооружение. В стрелковый корпус вместо двух корпусных артдивизионов включаются два артиллерийских полка. Вводятся отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и саперный батальон.

Война с Финляндией вскрывает необходимость кардинально пересмотреть организационно-штатную структуру всех родов войск. С апреля 1941 г. стрелковые дивизии постепенно переводятся на штаты, согласно которым в них в военное время входят три стрелковых, один легкий артиллерийский и один тяжелый гаубичный полки, противотанковый дивизион, зенитный дивизион, разведывательный и саперный батальоны, батальон связи и другие батальоны обеспечения тыла. Кавалерийский эскадрон и танковый батальон из состава стрелковой

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

дивизии были исключены. Предполагалось, что дивизия должна состоять из 14483 человек, иметь на вооружении 558 пулеметов, 210 орудий и минометов, 16 легких танков, 13 бронемашин, 558 автомашин, 9 тракторов, 3039 лошадей[27]. Устанавливался также сокращенный штат стрелковой дивизии для мирного времени.

Большие изменения происходили в структуре кавалерийской дивизии. Начиная с 1926 г., в ее состав входят вместо трех бригад – две конных бригады и пулеметный эскадрон. Позже в состав конной дивизии стали включать танковый батальон, увеличивалось число орудий. В то же время общая численность кавалерийских дивизий в составе армии резко сокращается. Если в 1937 г. в РККА входило 32 кавалерийских дивизии, то к началу 1941 г. их было 13, причем 8 из них составляли 4 кавалерийских корпуса. Личный состав конницы в основном направлялся в ускоренными темпами формирующиеся бронетанковые войска.

Основной тенденцией в развитии организационной структуры артиллерии стало укрупнение ее частей и соединений. Удельный вес дивизионной артиллерии в 30-е гг. уменьшился с 82% до 64%, а состав корпусной артиллерии возрос с 12% до 22%. Кроме того, значительно увеличивалась артиллерия резерва Главного командования: к началу Великой Отечественной войны она составляла 74 пушечных и гаубичных полка. Также были сформированы отдельные дивизионы артиллерии особой мощности. К началу 40-х гг. стало ясно, какое значение в войне будет иметь противотанковая артиллерия, и внимание было сконцентрировано в этом направлении. Началось формирование 10 противотанковых артиллерийских бригад РГК (резерва Главнго командования) в составе двух полков каждая. К началу войны не удалось завершить эту работу.

[27] Там же. С. 419.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

В области строительства и развития бронетанковых войск осуществлялись наиболее крупные и радикальные организационные мероприятия. В 20-е гг. в составе Красной Армии впервые появилась бригада бронепоездов, автотанковая бригада и эскадрон танков. Последний в 1925 г. был реорганизован в отдельный танковый полк. В том же году бронепоезда также сводятся в полки, а автоброневые отряды – в дивизионы. В 1930 г. была сформирована первая механизированная бригада. В 1932 г. она была развернута в механизированный корпус, в состав которого входят 2 механизированные и 1 стрелково-пулеметная бригады, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион, более 500 танков и 200 автомобилей[28].

Одна из ошибок в оценке опыта войны в Испании привела к тому, что с конца 1939 г. танковые корпуса расформировываются и осуществляется переход на единую организацию танковых соединений в форме танковых бригад РГК. В составе каждой такой бригады находилось 156 боевых машин. В это же время принимается решение о замене механизированных корпусов механизированными дивизиями. Начавшаяся вторая мировая война заставила пересмотреть это решение, т.к. во французской кампании вермахт применял крупные танковые корпуса и механизированные соединения. Поэтому советское руководство принимает решение о формировании с середины 40-х гг. 9 мехкорпусов, в составе каждого из которых – две танковые и одна моторизованная дивизии. Предполагалось иметь 1031 танк в каждом танковом корпусе. В феврале-марте 1941 г. было решено сформировать еще 20 механизированных корпусов, для чего требовалось 32 тыс. танков. Необходимо было как минимум 16,5 тыс. танков новых типов. Ограниченное время позволило

[28] 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1969. С. 202.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

лишь на 53% в среднем укомплектовать механизированные соединения к июню 1941 г.[29]

Самая большая ошибка в комплектовании механизированных боевых соединений накануне войны состояла в неправильной оценке резерва времени, отпущенного на это дело. Она повлекла за собой то положение, что к началу войны в составе РККА практически не было ни одного полностью укомплектованного и боеспособного корпуса. Оценка исторического опыта подсказывает, что более целесообразно и эффективно было бы накануне войны формировать мехкорпуса последовательно, с учетом производственных возможностей промышленности. В этом случае при переходе к корпусной организации механизированных войск какое-то время сохранялись бы сформированные и укомплектованные танковые бригады, остро необходимые для решения оперативных задач на начальном этапе войны. А так недоукомплектованные корпуса больше напоминали учебные соединения, чем боевые единицы, готовые решать конкретные боевые задачи.

В течение 30-х гг. в составе РККА постепенно развертывается и такой новый род войск, как воздушно-десантные войска. Этот процесс начинается с марта 1931 г. Тогда в Ленинградском военном округе был сформирован нештатный авиамотодесантный отряд. В июне там же был сформирован нештатный парашютно-десантный отряд. Год спустя в ЛВО был уже штатный авиамотодесантный отряд, который в 1933 г. был развернут в авиационно-десантную бригаду особого назначения. В 1936 г. были дополнительно созданы две авиабригады и три авиадесантных полка особого назначения. В следующем 1937 г. все авиадесантные части развертываются в 6 воздушно-десантных бригад[30]. Весной 1941 г. дополнительно формируются еще 9 бригад и создаются 5 воздушно-

[29] Там же. С. 240.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

десантных корпусов. Создается специальное управление во главе с командующим ВДВ при НКО СССР для централизованного руководства этими войсками.

Инженерные войска на 1923 г. представляли собой 43 строевых части и подразделения. Это были понтонные и электротехнические батальоны, отдельные прожекторные и военно-маскировочные роты, понтонные и другие отряды. Сюда же входило шесть учебных частей центрального и окружного подчинения. В 30-е гг. в эти войска внедрялась более стройная организационная структура, но недостаточно энергично и последовательно. Только в период 1939-1941 гг. организация инженерных войск стала целенаправленно приспосабливаться к потребностям будущей войны. Усилилась их техническая оснащенность, были сформированы инженерные и понтонные полки в округах.

В отдельный род войск выделяются в период 20-х - 30-х гг. и войска связи. Первоначально они были представлены в основном войсковыми подразделениями и частями. В 20-е гг. в центральном и окружном подчинении находилось 10 полков связи, 1 радиополк, 2 отдельных батальона связи, 10 радиобатальонов, 15 отдельных радиостанций и 12 станций голубиной связи. В 30-е гг. отдельные роты и эскадроны связи дивизий и корпусов были развернуты в батальоны (дивизионы) связи. Также были созданы армейские части связи, определен типовой комплект частей связи окружного и центрального подчинения.

Автомобильный парк Красной Армии, рост которого начинается в годы пятилеток, особенно быстро развивается в конце 30-х гг. в 1940 г. в армии имелось уже 187 тыс. автомашин и 38400 тракторов, необходимых прежде всего для перевода артиллерии на механизированную тягу. Начинают создаваться крупные автомобильные части. К началу войны в

[30] Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк. М., 1986. С. 36.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

составе РККА находилось 19 автомобильных полков, 37 отдельных автомобильных батальона и 65 автомобильных депо[31].

В состав железнодорожных войск в 1923 г. входили 6 отдельных железнодорожных бригад, 22 отдельных железнодорожных батальона и 2 коренных парка[32]. Осенью 1924 г. железнодорожные батальоны были переформированы в полки, в каждом из которых было по два эксплуатационных и два строительных батальона. В 30-е гг. в составе железнодорожных войск был сформирован особый корпус из 5 железнодорожных бригад, предназначенных для строительства и эксплуатации оборонных железнодорожных магистралей. Затем было развернуто еще 8 отдельных железнодорожных бригад того же предназначения. Такое организационное устройство железнодорожных войск в целом позволяло решать первоочередные задачи военного времени по прикрытию железных дорог и их восстановлению после подрывов и бомбометаний.

Военно-воздушные силы СССР в 20-е - 30-е гг. по существу создавались заново, и их организационная структура складывалась и переформировывалась в ходе всех тех непростых и противоречивых процессов по определению оптимальных форм управления войсками и их снабжения передовой военной техникой. В 1923 г. советские ВВС были представлены 41 эскадрильей и несколькими отдельными авиаотрядами. Начиная с 1929 г., в составе ВВС формируются однотипные и смешанные авиационные бригады, а с 1933 г. – авиационные корпуса. В конце 1936 г. начинается процесс сведения корпусов тяжелой бомбардировочной авиации в авиационные армии особого назначения (АОН), которые предназначаются для решения самостоятельных оперативно-стратегических задач. Как уже говорилось выше, опыт первых боевых

[31] Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1977. С. 53-54.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

действий и знакомство с опытом потенциального противника в организации военной авиации приводит в 1938 г. к началу разукрупнения объединений и соединений. Создаются авиаполки по родам авиации, которые затем сводятся в авиационные бригады. В 1940 г. опыт военных действий на Западе вновь влечет за собой существенную перестройку в организации ВВС. Они теперь подразделяются на дальнебомбардировочную авиацию Главного командования, фронтовую, армейскую и войсковую авиацию.

В состав авиации Главного командования входили 5 авиационных корпусов, в каждом из которых было по 2 бомбардировочных и 2 истребительных дивизии, а также 2 отдельные дивизии. Фронтовая авиация была представлена отдельными бомбардировочными и истребительными авиадивизиями однородного состава и смешанными дивизиями в составе бомбардировочных, истребительных, штурмовых и разведывательных авиаполков. Армейская авиация состояла из смешанных авиационных дивизий. Войсковую авиацию составляли корпусные эскадрильи, в которые входило по 16 самолетов-разведчиков, корректировщиков, самолетов связи.

В авиаполки всех родов входило 60-64 самолета. Полки делились на эскадрильи, по 12 самолетов в каждой. Всего к июню 1941 г. в советских ВВС насчитывалось 61 дивизия ВВС округов и армий, 13 бомбардировочных и 5 истребительных дивизий – всего 79 авиационных дивизий и 5 бригад. При этом 25 дивизий, в основном окружные и армейские, были в стадии формирования и перевооружения, а их летный состав проходил переподготовку[33].

Серьезные военные приготовления уже немыслимы были без самого внимательного отношения к созданию войск ПВО, хотя это также требовало как производства принципиально новых вооружений, так и

[32] Отчет комиссара по военным и морским делам за 1922/23 г. С. 29.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

поиска новых оптимальных военно-организационных форм. С 1928 г. в составе РККА начинается развертывание войск ПВО. Для прикрытия важнейших административных и промышленных центров создаются зенитно-артиллерийские полки и посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). В 1932 г. были сформированы зенитно-артиллерийский дивизии ПВО для прикрытия Москвы, Ленинграда и Баку. Для прикрытия других важнейших городов формируются бригады и полки ПВО. В 1937 г. эти соединения и части преобразуются соответственно в корпуса и бригады ПВО. В состав корпуса ПВО включается истребительная авиация. В начале 1941 г. вся территория СССР делится на зоны ПВО: Северную, Северо-Западную, Западную, Киевскую, Южную, Северо-Кавказскую, Закавказскую, Среднеазиатскую, Забайкальскую, Дальневосточную, Московскую, Орловскую и Харьковскую.

Было создано Главное управление ПВО РККА, которое подчинялось непосредственно наркому обороны. Зоной ПВО командовал помощник командующего войсками округа по ПВО, которому были подчинены все средства ПВО зоны за исключением истребительной авиации. Она оставалась в подчинении начальника ВВС округа. Зоны ПВО делились на районы, районы на пункты. Если в составе зоны имелось большое количество частей ПВО, разбросанных на большой территории, создавалось промежуточное звено управления – бригадные районы ПВО.

Военно-морской флот в 1923 г. имел на вооружении 392 корабля разных классов[34]. Они были сведены в дивизионы эскадренных миноносцев, подводных лодок, отряды траления и заграждения. В 1924 г. эти дивизионы и отряды развертываются в бригады. В 1932 г. были созданы Морские Силы Дальнего Востока. В 1933 г. сформировалась Северная флотилия. В январе 1935 г. Морские силы Балтийского и Черного

[33] История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. С. 424.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

морей, Дальнего Востока переименовываются в Балтийский, Черноморский и Тихоокеанский флоты. Северная военная флотилия в мае 1937 г. преобразуется в Северный флот.

Боевой состав Военно-морского флота к этому значительно увеличивается, круг оперативно-стратегических задач, которые флоту предстоит самостоятельно решать в военных условиях существенно расширяется. В этой связи в декабре 1937 г. ВМФ был выделен из состава РККА. Для руководства им был образован Народный комиссариат ВМФ. В составе ВМФ СССР развертываются Каспийская, Амурская, Дунайская и Пинская военные флотилии, несколько военно-морских баз. Флоту придаются ВВС. Всего Военно-морской флот к середине 1941 г. насчитывал 3 линейных корабля, 7 легких крейсеров. 54 эсминца и лидера, 212 подводных лодок, 270 торпедных катеров, 2429 самолетов, более тысячи орудий береговой обороны[35]. Еще 296 кораблей различных классов находились в постройке. Самая большая проблема флотов на начальном этапе войны состояла все в той же нехватке. Не хватало тральщиков и вспомогательных судов, средств ПВО, десантно-высадочных средств. Только в составе Балтийского флота имелась морская пехота.

Общая проблема всего комплекса тех организационно-структурных мер, которые проводились в РККА в 20-е - 30-е гг. нам представляется проблемой того же порядка, которая была характерна практически для каждой сферы жизнедеятельности страны в этот период – экономической, социальной, политической, культурной. Это проблема постановки излишне завышенных задач и требований, материально не подготовленных и не обоснованных. Идейно-политически это, вероятно, опиралось на известный тезис о том, что нет таких крепостей. Которых большевики не могли бы взять. Однако военно-организационное строительство, наряду с адекватной

[34] Отчет комиссара по военным и морским делам за 1922/23 г. С. 322, 331.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военной доктриной, требовало постановки реальных задач в области формирования нужного армии и флоту числа и состава подразделений и соединений. В целом комплекс структурных преобразований, проводимых в 20-е, а затем в течение всех 30-х гг., конечно, способствовал укреплению Вооруженных Сил страны. Но многие важнейшие мероприятия не удалось завершить к необходимому сроку, продиктованному началом войны. Многие мероприятия были слабо увязаны между собой. Возникали диспропорции в армейском строительстве, в развитии родов войск. С лета 1939 г. в приграничных военных округах началось формирование общевойсковых армий, каждая из которых должна была включать несколько стрелковых корпусов, механизированный корпус, авиационную дивизию и ряд армейских частей. Но слаженность их оставалась низкой, а комплект армейских частей не в полной мере соответствовал своему предназначению.

Самым уязвимым местом в боеготовности Вооруженных Сил после окончания гражданской войны была подготовка командных кадров. Чаще всего их общеобразовательный и профессиональный уровень был чрезвычайно низким. В конце 1921 г. по решению Совета труда и обороны принимаются меры по расширению сети военно-учебных заведений. На 1 октября 1923 г. действовали Военная академия РККА, 78 командных курсов, высших и нормальных военных школ[36]. Были разработаны новые учебные планы и программы по военным и общеобразовательным предметам. В 1924-1925 гг. из стен военно-учебных заведений были выпущены 16299 человек[37]. Однако этого было недостаточно для того, чтобы восполнить пробел, возникший после увольнения из армии бывших офицеров и генералов. В результате к 1925 г. в стрелковых войсках 36%

[35] Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. М., 1992. С. 675.
[36] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2664. Л. 85.
[37] Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). С. 261.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

старшего и 50% среднего комсостава имели образование ниже нормальной военной школы. В кавалерии 26,7% старшего и 48% среднего комсостава вовсе не имели образования[38]. Не лучше обстояло дело и в других родах войск.

Постановление пленума РВС СССР «О сети военно-учебных заведений» вышло 26 ноября 1924 г. 30 ноября 1925 г. появился приказ о введении в действие «Положения о военных школах РККА». Одновременно продолжалось создание новых высших военных учебных заведений. К концу 20-х гг. в стране насчитывалось 6 военных академий, 5 военных факультетов при гражданских вузах, 2 высшие военные школы для подготовки высшего и старшего комсостава. С целью переподготовки среднего и части старшего начсостава были открыты курсы усовершенствования, а для командиров высшего звена управления были в 1925 г. открыты курсы усовершенствования высшего начсостава (КУВНАС) при Военной академии РККА. Одновременно действовало 57 нормальных военных школ со сроком обучения 3-4 года, которые к началу 30-х гг. подготовили почти 24 тыс. человек[39].

Занятия в системе командирской подготовки в войсках стали регулярно проводиться с весны 1925 г. Все перечисленные мероприятия позволили добиться определенных улучшений в уровне подготовленности командного состава РККА. В итоговом приказе РВС СССР за 1928/29 учебный год отмечалось, что командир стал быстрее принимать решения на бой и операцию, возросло его умение применять технические средства борьбы, повысилось качество работы штабов в полевых условиях[40]. Важную роль в подготовке командных кадров сыграла директива «Система оперативной подготовки начсостава и штабов» от 7 января 1935 г. за

[38] Там же. С. 264.
[39] Ворошилов К.Е. Речи и статьи. М., 1937. С. 230.
[40] РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3165. Л. 100-101.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

подписью наркома обороны К.Е. Ворошилова. В ней основная цель оперативной подготовки определялась как выработка твердых навыков по планированию операций, обеспечению непрерывного управления и взаимодействия в различных условиях боевой обстановки, организации бесперебойной работы тыла[41]. Формы и методы обучения командного состава штабов определялись в документе за подписью начальника Генерального штаба А.И. Егорова от 6 января 1936 г.[42]

Проблеме повышения уровня образования и специальной подготовки командного состава РККА уделялось все возрастающее внимание в первой половине 30-х гг. Проводилось много различного рода занятий и сборов. Например, летом 1930 г. начсостав Московского военного округа принимал участие в сборах по изучению новой техники и способов ее применения. Начсостав Ленинградского военного округа летом 1933 г. на специальных сборах осваивал навыки в организации и осуществлении ввода в прорыв механизированного корпуса[43]. Комсостав Приволжского военного округа в 1933-1934 гг. принимал участие в опытных учениях с боевой стрельбой, где проверялись основные положения теории глубокой наступательной операции. В Киевском военном округе в марте 1936 г. командиры и их штабы на окружной двусторонней оперативно-стратегической военной игре отрабатывали вопросы организации и ведения армейской наступательной операции[44]. Как отмечал в ноябре 1936 г. нарком обороны К.Е. Ворошилов, высший начсостав и штабы «значительно выросли и в основном освоили теорию и практику оперативного вождения войск»[45].

[41] Там же. Ф. 31986. Оп. 2. Д. 180. Л. 41-42.
[42] Там же. Ф. 7. Оп. 15. Д. 9. Л. 243.
[43] Там же. Ф. 25883. Оп 4. Д. 95. Л. 152-153; Ф. 31983. Оп. 2. Д. 160. Л. 1.
[44] Там же. Ф. 25880. Оп. 4. Д. 78. Л. 20.
[45] Там же. Ф. 31988. Оп. 2. Д. 202. Л. 12.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Очень тяжело на уровне общей и профессиональной подготовки командных кадров всех уровней отразились массовые репрессии 1937-1938 гг. В результате к 1940 г. среди командиров Красной Армии удельный вес лиц с высшим военным образованием сократился более чем в два раза по сравнению с 1936 г. 70% командиров и начальников имели образование в объеме средней школы и краткосрочных курсов. Людей с боевым опытом в армии было всего 26%[46].

Начиная с 1940 г. советское руководство повело активную политику, направленную на исправление такого положения. В том году было сформировано 42 военных училища, более чем в два раза увеличилось количество слушателей в военных академиях по сравнению с 1937 г. Число курсантов возросло почти в пять раз[47]. К началу Великой Отечественной войны военные кадры в Советском Союзе готовились в 19 военных академиях, 7 высших военно-морских и 203 военных училищах, на 10 военных факультетах при гражданских вузах, 68 курсах усовершенствования. Свыше 300 тыс. слушателей и курсантов обучались во всех этих заведениях[48]. В том же 1940 г. вновь получает распространение практика проведения военных и командно-штабных учений.

И все же к началу войны с Германией не удалось полностью устранить все пробелы в подготовке командных кадров РККА. Многие командиры не умели организовать бой на местности, управлять войсками в ходе маневренных действий – как наступательного, так и оборонительного характера, плохо знали организацию и тактику вероятного противника, порядок организации, взаимодействия и обеспечения операций. Все это отмечалось в акте о приеме НКО, где, в частности, говорилось: «Крупным

[46] Советские Вооруженные силы: История строительства. С. 248; РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 82. Л. 233.
[47] Иовлев А.М. Деятельность КПСС по подготовке командных кадров. М., 1968. С. 135.
[48] История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. С. 417.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

недостатком программ военных академий является то, что в этих программах мало времени отводится специальным дисциплинам, что отражается на качестве подготовки. Новыми образцами вооружения военные академии и военные училища обеспечены недостаточно. В военных академиях и военных училищах отмечается низкая требовательность, имеет место завышение оценок. Подготовка слушателей в военных академиях и курсантов в военных училищах имеет ряд серьезных недостатков, из коих главными являются: а) недостаточное знание материальной части; б) недостаточность практических навыков»[49]. Все эти недостатки стали одной из причин серьезных неудач и провалов Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны.

Большая работа была проделана советским руководством в исследуемый период в области стратегической подготовки армии к отражению агрессии. Практически все 20-е и 30-е гг. в отечественной истории проходят под знаком анализа нарастающей военной опасности и соответствующих организационных выводов. Уже с конца 20-х гг. большевистское руководство и командование Красной Армии предпринимают энергичные политические, экономические, дипломатические и военные действия, направленные на укрепление обороны государства, исходя из той посылки, что агрессия реально возможна в самом ближайшем будущем. Эта политика приобрела особый размах к 1940 г., когда в реальности и близости агрессии сомневаться уже не приходилось. И хотя многое в этом направлении было сделано, были и существенные просчеты, упущения в стратегической подготовке РККА к отражению агрессии, в поддержании высокой постоянной боеготовности Вооруженных Сил, готовности их к мобилизационному и стратегическому развертыванию.

[49] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 208.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Эти вопросы постоянно находились в центре внимания Генерального штаба РККА и других органов стратегического руководства, однако подход к ним неоднократно и причем коренным образом менялся. Еще в начале 20-х гг. Штаб РККА разработал первый вариант плана ведения войны. Весной 1926 г. он был утвержден председателем РВС СССР К.Е. Ворошиловым. План предполагал, что главным театром военных действий станет Западный. В рамках этого театра выделялось шесть театров военных действий: 1-й и 2-й финские, Прибалтийский, 1-й и 2-й польские и Румынский. Планировалось два варианта возможного развертывания Красной Армии за западе. Первый предусматривал нападение на СССР армий Польши, Румынии, Эстонии и Латвии при вооруженном нейтралитете Германии, Финляндии и Литвы и косвенной поддержке Англии и Франции. По второму варианту армию предстояло развертывать при нападении Польши и Румынии в условиях нейтралитета прибалтийских и европейских стран.

Для отражения агрессии по любому из этих вариантов соединения РККА на западном фронте планировалось довести до 112 дивизий и 7 бригад. По направления они распределялись в зависимости от вариантов развязывания войны. Состав объединенных вооруженных сил потенциального противника оценивался примерно в 122 пехотных и кавалерийских дивизии, и наличных сил Красной Армии оказывалось недостаточно для эффективного длительного противостояния. Поэтому ставилась задача поочередного разгрома группировок противника на северо-западе и на юго-западе при грамотном планировании последовательности нанесения ударов сообразно с конкретной обстановкой.

В 30-е гг. все эти планы и оценки были пересмотрены с учетом качественного усиления вооруженных сил потенциального противника.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Кроме того, приходилось учитывать усиление военной угрозы на востоке и юге страны. Новые военные планы уже опирались на существенно возросшую экономическую мощь Советского Союза. Теперь кроме Западного театра военных действий учитывались Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный и Прибалтийско-Скандинавский театры. Согласно расчетам Штаба РККА на западе вероятный противник мог выставить против СССР 123 дивизии, 1340 самолетов и 500 танков. На востоке и юге Китай, Япония, Иран и Турция были в состоянии развернуть 63 дивизии, располагавшие 875 самолетами и 160 танками. Мобилизационное предписание «МП-31» предусматривало развертывание на западных рубежах 110 стрелковых дивизий, основную часть стратегической конницы, почти все танки и большинство самолетов. Новшество по сравнению с предыдущими планами состояло в идее некоторого упреждения в развертывании, которая исходила из того, что Польша как основной потенциальный противник сможет завершить развертывание своей армии на 16-й день мобилизации. Предполагалось, что Красная Армия развернет полностью свой первый стратегический эшелон на 12-й мобилизации, а второй – на 28-й день. главный удар со стороны Польши ожидался севернее Полесья, где и планировалось сосредоточить главные силы в составе 63 дивизий.

Новый крутой поворот в оценках потенциальной агрессии и связанных с этим первоочередных задач РККА происходит в середине 30-х гг. Это было связано в резким изменением международной обстановки и прежде всего с приходом к власти Гитлера в Германии и заключении антикоминтерновского пакта. В этой связи Германия превращалась в главного потенциального противника для СССР. Союзниками ее считались Польша, Венгрия, Финляндия, Турция, Румыния, Болгария, Литва, Латвия, Эстония. Это все учитывалось в новом плане войны, который был

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

разработан Генеральным штабом РККА. Считалось, что агрессия против Советского Союза может быть развязана при участии Польши, Эстонии и Финляндии при нейтралитете остальных Прибалтийских государств. Необходимое противнику для развертывания время принималось за 20-30 суток, вероятная группировка сил противника оценивалась в 137 дивизий, 13 бригад, до 7500 орудий, 6300 танков и танкеток, 3700 самолетов. На направлении главного удара (севернее Полесья) ожидалось, что противник задействует до 90 дивизий. Наши силы на этом направлении предполагалось довести до 82 дивизий. Планировался также упреждающий удар по развертывающимся силам противника с целью разгрома их по частям. Данный план уже исходил из наличия на востоке потенциального противника в лице Японии.

Однако события на мировой политической арене в 30-е гг. развивались очень динамично, и к концу 30-х гг. советское руководство вновь вынуждено было радикально пересматривать свои оценки и стратегические расчеты в отношении будущей войны. 24 марта 1938 г. начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников представил наркому обороны К.Е. Ворошилову доклад, в котором новый вариант развертывания Вооруженных Сил СССР приводился в соответствие с изменившейся международной обстановкой. Этот план был проанализирован и одобрен Главным военным советом в ноябре. Здесь уже речь идет о подготовке к войне на два фронта. На западе силы противника составляли Германия, Италия и Польша. К которым тяготели Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. На востоке со всей очевидностью на роль потенциального противника выдвинулась Япония.

Оценка совокупной мощи данных государств в данном документе содержалась следующая: 230-240 пехотных, моторизованных и кавалерийских дивизий, 13077 орудий, 7980 танков, 5775 самолетов. На

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

западе ожидалось, что будут задействованы 146-156 дивизий, 8500 орудий, 6380 танков, 4136 самолетов. Первый, наиболее вероятный вариант развертывания этих сил был таков. Севернее Полесья создавалась группировка примерно из 90 дивизий, 8 кавалерийских бригад. 5500 орудий, 3800 танков, 2700 самолетов. Южнее Полесья группировались 40 дивизий, 13 кавалерийских бригад, 2000 орудий, 2500 танков и 1000 самолетов. По второму варианту севернее Полесья должны были развернуться 43 дивизии, 2168 орудий, 1000 танков, 900 самолетов, а южнее – 93 дивизии, 5332 орудия, 4700 танков, 2800 самолетов[50]. На Восточном театре военных действий ожидалось развертывание японских войск в составе 27-33 дивизий, 9 бригад, 2827 орудий, 1400 танков, 1000 самолетов.

До 80% советских войск планировалось развернуть на западе. Предполагалось, что в случае агрессии этих сил хватит, чтобы сразу отразить нападение противника и перейти в наступление, нанося главный удар противнику либо севернее, либо южнее Полесья. Задача сил, развертываемых на Восточном театре военных действий, была не допустить вторжения японских войск в пределы советского Дальнего Востока и нанести им решительное поражение в Северной Маньчжурии.

В 1939 г. вступили в действия новые факторы, требующие принципиального пересмотра оценок будущей агрессии и связанных с ними мероприятий по подготовке армии к войне. Важнейшими среди этих факторов были подписание пакта о ненападении с Германией и начало второй мировой войны. В приложении к советско-германскому договору содержалось разграничение сфер влияния между двумя державами. Граница между ними на случай территориальных и политических изменений в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве устанавливалась по

[50] Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 128-129.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

северной границе Литвы, а в Польше – по линии рек Нарев, Висла и Сан. В отношении Бессарабии Советский Союз, согласно этому документу, мог реализовать свои интересы.

После того, как немецкие войска напали на Польшу, а Англия и Франция формально объявили войну Германии, не предпринимая никаких активных действий, 17 сентября 1939 г. Красная Армия перешла польскую границу и практически без сопротивления вышла к началу октября на демаркационную линию Львов-Брест-Белосток. При этом было захвачено в плен более 450 тыс. польских солдат и офицеров[51]. 29 сентября СССР и Германия подписали договор о дружбе и границе, к которому опять было секретное приложение. В этом приложении территория Литвы обозначалась как сфера интересов Советского Союза, а Германия получала Люблинское и часть Варшавского воеводств.

В данных условиях правительства Эстонии, Латвии и Литвы вынуждены были вступить в переговоры с советским правительством, и соответственно 28 сентября, 5 и 10 октября были подписаны договоры между Советским Союзом и этими государствами. СССР обязался оказывать им помощь в случае нападения на них любой державы и получал с этой целью право разместить войска на их территории, а также создать морские и воздушные базы. Подобный же договор советское правительство предложило в октябре 1939 г. Финляндии, однако ее правительство не приняло это предложение.

После этого финское правительство получило от СССР предложение, связанное с передвижкой границы на Карельском перешейке на несколько десятков километров в глубь Финляндии и передачей Советскому Союзу ряда островов и полуостровов в Финском заливе и Баренцевом море в аренду на 30 лет в обмен на вдвое большую территорию

[51] Гриф секретности снят. С. 86.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Северной Карелии. Финляндия расценила это как проявление «русского империализма» и предупредила советскую сторону, что будет любыми средствами защищать свои территории и свою независимость. В Москве это было расценено как прямая угроза СССР. Во второй половине ноября 1939 г. войска 7-й армии Ленинградского военного округа получили приказ совместно с авиацией и силами Краснознаменного Балтийского флота разгромить финские части, овладеть на Карельском перешейке укрепленной линией Маннергейма, а затем, взаимодействуя с 8-й армией, наступать в направлении на Хельсинки[52].

Формальным поводом для начала военных действий послужил инцидент в районе селения Майнила, который был инспирирован советской стороной. Согласно официальной версии штаба Ленинградского военного округа, 26 ноября финской артиллерией была обстреляна советская территория, что привело к гибели 4 и ранению 9 командиров и красноармейцев, хотя Финляндия никак не заинтересована была в подобной провокации. 30 ноября началась война, выявившая огромные недостатки в боеспособности и подготовке Красной Армии. Этот тяжелый урок стоил советской стороне больших жертв. В период советско-финляндской войны Красная Армия потеряла 33084 человека: 65384 – убиты и умерли от ран; 19610 – пропали без вести; 196198 – ранены, обморожены, контужены, обожжены[53]. Лишь к середине марта 1940 г. Финляндия вынуждена была подписать мирный договор. Граница северо-западнее Ленинграда отодвигалась за линию Выборг-Сартавала, к СССР отходили Карельский перешеек, ряд островов в Финском заливе. Небольшая территория с городом Куолоярви, а также часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. Остров Ханко передавался

[52] Военно-исторический журнал. 1990. № 1. С. 29.
[53] Гриф секретности снят. С. 99.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

советской стороне в аренду с правом строительства на нем военно-морской базы.

После того, как летом 1940 г. в состав СССР были включены Эстония, Латвия и Литва, а затем присоединены Бессарабия и Северная Буковина, советская государственная граница была отодвинута на запад. В стратегическом отношении это было очень важно, поскольку позволяло снизить угрозу ряду важнейших промышленных и административных центров страны, выиграть пространство и время для отражения немецкой агрессии. Однако это вызвало необходимость перестраивать всю группировку войск первого стратегического эшелона, заново укреплять новые границы, создавать инфраструктуру на приобретенных территориях. А кроме того, приходилось перерабатывать все оперативные планы.

Во второй половине 1940 г. на новой границе началось строительство 20 укрепленных районов для прикрытия важнейших операционных направлений. Укрепрайоны должны были также служить опорными рубежами для действий полевых в обороне и наступлении. Для руководства их строительством при Наркомате обороны было создано Управление начальника строительства, которое возглавил заместитель наркома обороны маршал Б.М. Шапошников. 84 только что сформированных строительных батальона, 25 отдельных строительных рот, 17 автомобильных батальонов были привлечены к работам по этому строительству. А с апреля 1941 г. к ним присоединились 160 инженерных и саперных батальонов пограничных округов и 41 саперный батальон внутренних округов[54]. Строительство сталкивалось с обычными для того времени трудностями – нехватка материалов, недостаточное количество современных вооружений. Поэтому жесткие сроки, установленные руководством, срывались. Военные советы Прибалтийского, Киевского и

[54] История второй мировой войны 1939-1945. Т. 3. С. 439.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Западного Особых военных округов с одобрения правительства приняли решение снять орудия со многих дотов законсервированных старых укрепрайонов и перебросить их для оснащения вновь отстраиваемых. Но и эта вынужденная мера не полностью удовлетворила потребность в вооружении новых пограничных укрепрайонов, строительство которых к началу войны так и не было закончено. Из построенных 2,5 тыс. дотов только около 1 тыс. имели орудия, а в остальных были только пулеметы. Между некоторыми укрепрайонами и узлами обороны имелись совсем неукрепленные участки обороны шириной от 10 до 80 км. Большая часть укрепрайонов оказалась в непосредственной близости от границы, и их огневые сооружения, будучи в зоне наблюдения противника, могли быть поражены огнем прямой наводкой. Постоянные гарнизоны некоторых укрепрайонов оказались неукомплектованными.

Строительство тыловых оборонительных рубежей за новыми укрепрайонами намечалось только с началом военных действий. В приграничной полосе наряду с долговременными огневыми сооружениями возводились лишь те или иные укрепления для полевых войск. Таким образом, в качестве тыловых оборонительных рубежей оперативно стратегического назначения имелась только линия старых укрепленных районов. Согласно директиве Генерального штаба, состояние консервации их должно было быть таково, чтобы можно было привести их в боевую готовность на 10-й день войны. Но это требование так и осталось на бумаге. Строительство противодесантной обороны на побережье Балтийского моря находилось к началу войны лишь в стадии развертывания. Весной 1941 г. развернулись большие работы по строительству в приграничной полосе полевых аэродромов и по строительству на аэродромах бетонных взлетно-посадочных полос. Планировалось построить 190 аэродромов, но к началу войны не удалось

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

этого сделать из-за недостатка сил, средств и времени. Во многих районах авиация по-прежнему базировалась скученно и слишком близко от границы, очень мало было запасных аэродромов, а самое главное, противнику было точно известно местонахождение всех аэродромов.

Большой размах в период непосредственной подготовки Западного театра военных действий получило строительство железных и шоссейных дорог, складов, линий связи. Железные догори в Прибалтике, Западной Белоруссии и на Западной Украине требовалось перевести на общесоюзную колею. И пропускную способность железных и автомобильных дорог на этих территориях необходимо было увеличивать. Основные железнодорожные узлы были здесь слаборазвитыми, многие линии не имели вторых путей, что сказывалось на возможностях стратегического развертывания войск с началом военных действий. Все эти задачи не удалось радикально решить в те жесткие сроки, что были реально отпущены историей. Не удалось завершить здесь и прокладку подземных линий связи.

Многое делалось и в направлении усиления состава войск приграничных военных округов. В апреле 1941 г. в западных приграничных военных округах начинается формирование десяти артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования и четырех воздушно-десантных корпусов. Из внутренних военных округов, с Забайкалья и Дальнего Востока перебрасывались на запад восемь стрелковых дивизий и две воздушно-десантные бригады. Планировалось направить сюда управления двух стрелковых и одного механизированного корпусов, две стрелковые, две танковые и одну моторизованную дивизию. Велась также доукомплектация войск, дооснащение их новой техникой. В мае и начале июня были призваны из запаса 800 тыс. военнообязанных, что позволило улучшить укомплектованность почти ста стрелковых дивизий,

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

ряда укрепрайонов. 14 мая нарком обороны отдал приказ о досрочном выпуске курсантов военных училищ и немедленной отправке их в войска. А перед этим был приказ НКО командующим приграничными военными округами к 1 июня скрытно перевести все дивизии из тыловых районов ближе к государственной границе.

Однако этот приказ не был выполнен, так как для осуществления подобных действий требовался особый приказ. Генеральный штаб РККА под давлением Сталина ошибочно оценивал обстановку и намерения потенциального противника. Это затрудняло приведение Вооруженных Сил в боевую готовность. От разведки поступали данные о сосредоточении вблизи советских границ около 160 полностью укомплектованных и боеготовых немецких дивизий, о возможном нападении вермахта 15, 22 или 25 июня. Разведка также доносила о вероятных замыслах германского командования, почти точно воспроизводя при этом план «Барбаросса». Москва игнорировала эти сведения, рассматривая их как провокацию. 14 июня в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС, объявлявшее, что слухи о намерении Германии порвать пакт и напасть на СССР лишены всякой почвы. В таких условиях любая инициатива со стороны представителей командования РККА по форсированию укрепления западных рубежей воспринималась наверху болезненно и была небезопасна для ее автора. Память больших чисток 1937-1938 гг. была еще слишком свежа.

План будущей войны, от которого напрямую зависели многие процессы подготовки армии к практическим боевым действиям, довольно долго оставался без существенных изменений. В сентябре 1940 г. нарком обороны С.К. Тимошенко представил в ЦК ВКП(б), И.В. Сталину и В.М. Молотову доклад об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил. В нем, как и в плане на 1938-1939 гг., говорилось, что Советский Союз

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

должен быть готов к войне на два фронта – на западе против Германии и ее союзников и на востоке против Японии. Правда, силы потенциального противника оценивались уже как куда более значительные: 280-300 дивизий, 12 тыс. танков, почти 30 тыс. орудий, 14-15 тыс. самолетов[55]. Направления главных ударов противника на западе оценивались по-прежнему: Рига, Ровно, Полоцк, Минск, Киев. И варианты развертывания Красной Армии оставались прежними, хотя группировки существенно усиливались. 5 октября план стратегического развертывания РККА был рассмотрен руководством страны. Сталин указал наркому обороны на необходимость более четко обозначить в документе сосредоточенность на военных действиях в Европе, прежде всего на юго-западном направлении, для чего следовало дополнительно усилить Юго-Западный фронт. Доработанный с учетом этого документ был утвержден ЦК ВКП(б) и правительством СССР 14 октября 1940 г.

В начале июня 1941 г. план был окончательно скорректирован, причем на юго-западное направление выделялись дополнительные 25 дивизий. Здесь сказалось прямое давление Сталина, который был убежден, что основные события будущей войны развернутся именно в этом направлении, поскольку Германия будет стремиться в первую очередь овладеть Украиной и Донбассом с целью обеспечить свою возможность ведения длительной войны. Это была серьезная ошибка, ослабившая западное направление обороны. Всего вермахту и союзникам Германии планировалось противопоставить 237 стрелковых дивизий из 303, 51 танковую дивизию из 61, 25 моторизованных дивизий из 31, основную часть артиллерийских полков резерва Главного командования и авиации,

[55] Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 80.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

все имевшиеся в наличии противотанковые бригады и воздушно-десантные корпуса[56].

Войска первого стратегического эшелона в составе 186 дивизий планировалось свести в четыре фронта: Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный. Второй стратегический эшелон должна была составить 51 дивизия резерва Главного командования. Прикрывать развертывание должны были армии первого эшелона приграничных военных округов. План прикрытия по сути основывался на принципе организации армейской обороны. Действия фронтов на случай внезапного нападения противника и срыва планомерного развертывания не были разработаны.

Мобилизационный план необходимо было в последний период подготовки к войне приводить в соответствие с утвержденной схемой развертывания. Эта работа проводилась с августа 1940 по январь 1941 г. Из трех подготовленных Генштабом планов мобилизации последний был доложен Сталину и им утвержден в феврале. Отдельные уточнения в него вносились вплоть до начала войны. В сравнении с планом 1938-1939 гг. удельный вес развертываемых стрелковых дивизий сокращался на 2,3%, кавалерийских соединений – в три раза, в то время как количество развертываемых механизированных соединений увеличивалось в пять раз, авиационных частей и войск ПВО – в два раза[57]. Общее направление подготовки войск к войне, которое отразили данные изменения в мобилизационном плане, было правильным, хотя главным недостатком этого документа было то, что планировалось создание нереально большого количества новых частей и соединений, не учитывались возможности промышленности по оснащению этих частей оружием и техникой.

[56] Там же. С. 82.
[57] Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. С. 228.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Чтобы проверить основные положения нового плана войны в январе 1941 г. в Генеральном штабе РККА под руководством С.К. Тимошенко были проведены две оперативно-стратегические игры, позволившие уточнить ряд расчетов. Но вопрос отражения внезапного удара агрессора так и остался неотработанным. Не было в играх учтено и истинное положение войск на границе, что было принципиальным для подготовки к начальному этапу войны. На практике положения плана активной обороны с немедленным переходом в наступление реализовались слишком робко и противоречиво, с оглядкой на верхушку партийно-государственного руководства. Когда в середине мая 1941 г. обстановка обострилась, из Северокавказского, Орловского, Приволжского, Уральского и Забайкальского военных округов началось скрытное выдвижение на запад пяти армий. Однако в июне оно было частично приостановлено. Мероприятия по развертыванию войск прикрытия, по маскировке аэродромов, по выводу фронтовых управлений на командные пункты к началу войны были лишь в начальной стадии. Попытка С.К. Тимошенко 13 июня убедить Сталина в необходимости приведения войск приграничных военных округов в полную боевую готовность и развертывания первых эшелонов по планам прикрытия привели последнего в ярость[58]. Более успешные действия флота по отражению агрессии на начальном этапе войны в значительной мере объясняются тем, что нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов на свой страх и риск отдал приказ всем флотам и флотилиям 19 июня перейти на боевую готовность №2, а в ночь на 22 июня – на полную боевую готовность №1.

К утру 22 июня основная часть войск Ленинградского, Одесского военных округов, Прибалтийского, Западного, Киевского Особых военных округов оставалась в местах своей постоянной дислокации. Все самолеты

[58] См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 367.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

были на постоянных аэродромах. Только в Одесском военном округе дивизии первого эшелона были подняты по тревоге, а авиация рассредоточена на оперативные аэродромы. Войска приграничных округов имели с своем составе 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. На их территории располагались 7 дивизий, 2 бригады, 11 полков внутренних войск и 49 пограничных отрядов. В первом эшелоне армий прикрытия в 10-50 км от границы были 53 стрелковые и 3 кавалерийские дивизии, 2 отдельные стрелковые бригады. Второй стратегический эшелон, расположенный в 50-100 км от границы, и резерв насчитывали в своем составе еще 127 стрелковых, моторизованных, танковых и кавалерийских дивизий. Десять дивизий внутренних военных округов находились в движении по направлению к западной границе[59].

Многие из этих войсковых частей оставались не полностью укомплектованы, подготовленность бойцов и командиров оставляла желать лучшего. В целом группировка войск, созданная к началу войны на западных рубежах не была готова ни к обороне, ни к наступлению, в чем нашли свое отражение те острые противоречия, которые характеризовали советскую политику вообще в 20-е - 30-е гг. и военную политику, в частности. Хотя в области теории и практики развития Вооруженных Сил и подготовки армии к отражению агрессии было множество положительных моментов, что позволило сделать громадный задел, обернувшийся в конечном итоге переломом в столь неудачно начавшейся для Советского Союза войне.

[59] Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. С. 93.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Раздел VII. Политико-массовая работа партийных, государственных органов и общественных организаций по военной подготовке населения в 20-е - 30-е гг.

Одной из важнейших оборонных задач на протяжении исследуемого периода была подготовка и накопление военнообученного контингента для развертывания Вооруженных Сил на случай войны. Основным способом ее решения была служба в армии и на флоте, где проходила подготовку основная масса военнообязанных. Развивалась и система вневойсковой подготовки, в средних школах и техникумах было введено преподавание военного дела. Были организованы курсы в различных оборонных и спортивных обществах, что прежде всего касается Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству). Это общество было основано в 1927 г., в его структурах были подготовлены сотни тысяч военных специалистов, летчиков, парашютистов, танкистов, связистов и др.

В 1926 г. для студентов высших учебных заведений и учащихся техникумов была введена допризывная подготовка. На нее отводилось 180 часов теоретических занятий и два месяца летней практики в военных лагерях. Выпускники вузов и техникумов, прошедшие допризывную подготовку, служили 9 месяцев в армии или один год на флоте. По окончании службы они сдавали экзамен и получали право на увольнение в качестве среднего начсостава.

В 1930 г. в большинстве вузов и техникумов допризывная подготовка студентов и учащихся была заменена вневойсковой подготовкой. Учебные сборы в частях продолжались 3-4 месяца, и это считалось действительной службой. Сдав экзамены, студенты, прошедшие вневойсковую подготовку, зачислялись в запас средними командирами.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Большинство выпускников гуманитарных вузов по прошествии такой подготовки становились политработниками запаса. С осени 1939 г. вневойсковая подготовка осталась только в высших учебных заведениях. В школах для учащихся старших классов осталась допризывная подготовка. Периодически проводилась переподготовка комсостава запаса.

Строительство Вооруженных Сил СССР в 30-е гг. протекало в твердой убежденности в том, что его важнейшим компонентом является политическая работа в войсках при непременном укреплении влияния и руководящей роли ВКП(б). Руководство страны видело в этом один из главных источников могущества советских Вооруженных Сил. Еще VII съезд РКП(б), характеризуя стойкость и мощь Красной Армии, отмечал, что эти качества обеспечиваются «классовым составом основной массы бойцов, организацией военных комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии»[1]. ЦК ВКП(б) ориентировал партийные органы на местах на повседневное руководство всей деятельностью партийных организаций, направленной на укрепление морального и боевого могущества Красной Армии.

Политические и военные руководители советского государства рассматривали политико-воспитательную работу в армии как важнейшую составляющую часть многосторонней деятельности по укреплению обороноспособности страны. М.В. Фрунзе подчеркивал, что, имея возможность опираться на политико-массовую работу партии, «наша армия получила новое оружие, которое в величайших размерах укрепило и увеличило ее боевую мощь»[2]. ЦК ВКП(б) считал одной из первоочередных задач воспитание красноармейцев в духе преданности Родине, ориентировал низовые партийные организации на то, чтобы политико-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 8. С. 67.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

воспитательная работа не носила отвлеченного характера, была построена на разъяснении злободневных вопросов, действительно интересующих бойцов. В постановлении «О морально-политическом состоянии Красной Армии» от 30 сентября 1928 г. ЦК отметил острую необходимость дальнейшего улучшения дела политического воспитания командного и красноармейского состава «в духе беззаветной преданности советской власти, величайшей бдительности и классовой непримиримости»[3].

Действенной формой партийного влияния в армии в то время считалось обследование воинских частей и подразделений с приглашением представителей командования и политорганов с отчетами на заседания парткомов. В 1928 г. только на бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б) были заслушаны доклады о состоянии боевой и политической подготовки командования 19-го стрелкового корпуса, Амурской военной флотилии, пограничных частей, 36-й стрелковой дивизии, 9-й кавалерийской бригады[4]. В ходе обсуждения особое внимание уделялось морально-политическому состоянию личного состава, вскрывались недостатки в партийно-политической работе, определялись меры помощи со стороны окружных и районных комитетов партии.

В ходе призывных кампаний перед будущими молодыми воинами выступали подобранные парткомами и исполкомами Советов передовые рабочие, участники гражданской войны, демобилизованные красноармейцы, представители общественных организаций, давали наказы, требовали упорно и настойчиво овладевать воинской выучкой и умением с оружием в руках защитить страну Советов. Каждая призывная кампания имела явный политический подтекст. Так, газета Особой Дальневосточной армии «Тревога» писала, что каждый очередной призыв «выливался во

[2] Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1950. С. 242.
[3] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы, 1917-1981. М., 1982. С. 254.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

всенародную манифестацию в защиту СССР. Пусть видят враги, бряцающие оружием, как велик энтузиазм свежей смены, идущей в ряды Красной армии»[5].

По мере нарастания темпов модернизации народного хозяйства в первой половине 30-х гг. Красная Армия стала получать пополнение, которое отражало социально-экономические процессы в стране: рабочих-ударников, колхозников, представителей советской интеллигенции. Все больше укреплялось рабочее ядро в армии, повышалась политическая устойчивость войск. Новое пополнение, как отмечала та же армейская газета, приносило с собой «традиции героических будней социалистического строительства, ...классовой борьбы с кулачеством, борьбы за осуществление пятилетки в четыре года»[6].

Успешная военно-политическая работа была невозможна без ликвидации безграмотности и малограмотности среди призываемых в армию контингентов. ЦК ВКП(б) в постановлении от 17 мая 1929 г. требовал добиться коренного перелома в ликвидации неграмотности среди населения в условиях реконструкции народного хозяйства и определил практические меры по мобилизации всех сил и средств для решительного улучшения дела народного просвещения. Наряду с этим ЦК обязал местные организации особое внимание уделить обучению грамоте молодежь допризывных возрастов[7]. Активная борьба за грамотность, развернутая партийными, советскими и общественными организациями страны, привела к резкому сокращению удельного веса неграмотных среди призывников. Если в старой армии 33% призываемых не знали грамоты

[4] ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 76. Л. 117, 184, 185; Д. 77. Л. 404, 405; Д. 79. Л. 230-232, 289-290; Д. 282. Л. 286-289.
[5] Тревога. 1929, 21 сентября.
[6] Там же. 1930, 21 ноября.
[7] КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 269.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вообще, то среди призванных в Красную Армию в 1936 г. неграмотные составляли лишь 0,03%[8].

Оснащение армии и флота новой боевой техникой, создание новых родов войск, усложнение дела управления войсками требовали совершенствования дела подготовки командных военных кадров, и эта задача также находилась под партийным контролем. 25 февраля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О командном и политическом составе РККА», в котором указывалось, что при подготовке командных кадров в органическом единстве должны решаться две задачи: непрерывное повышение военных и военно-технических знаний и совершенствование навыков партийно-политической работы. Подчеркивалась также необходимость увеличения рабочей и партийной прослойки среди командных кадров, особенно в технических войсках и управлении армии. В постановлении ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 г. говорилось: «ЦК считает основной решающей сейчас задачей в деле дальнейшего повышения боеспособности армии – решительное повышение военно-технических знаний начсостава, овладение им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя. В постановлении также подчеркивалась необходимость неизменного повышения роли партийно-политической работы в войсках[9].

В центре внимания советского руководства была также и работа партийных и военных органов по вовлечению рабочей молодежи в военные училища и школы. В конце 20-х гг. эта работа оценивалась в верхах как крайне недостаточная. В 1927 г. число курсантов-рабочих в военных учебных заведениях страны не превышало 30%. В целях улучшения социального состава будущих командиров и политработников ЦК ВКП(б) признал необходимым увеличить прослойку рабочих среди курсантов до

[8] Правда. 1937, 10 августа.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

50-60%, значительно повысить среди них число коммунистов и комсомольцев. Партийным ячейкам было рекомендовано проводить строго индивидуальный отбор кандидатов в военные училища с предварительным обсуждением их на комсомольских собраниях[10].

Высшее партийное руководство ориентировало местные организации ВКП(б) в 20-е - 30-е гг. на повышение качества деятельности армейских партийных организаций за счет укрепления в них рабочего ядра. Важной мерой в деле улучшения социального состава партии, в том числе и армейским партийных организаций, стало решение ноябрьского 1928 г. пленума ЦК ВКП(б) «О вербовке рабочих и регулировании роста партии». Отметив трудности реконструкции народного хозяйства и нарастающие попытки экономического давления международного империализма на СССР путем подготовки военной агрессии, пленум указал, что в этих условиях «роль партии как коммунистического авангарда пролетариата и руководителя всего социалистического строительства, исключительно трудна и ответственна»[11]. Практические мероприятия по проведению в жизнь решений пленума были определены в директиве ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1928 г. «О работе военных ячеек». Отметив улучшение состава армейских партийных организаций, ЦК обратил внимание на недостаточное использование значительной частью ячеек всех возможностей по вовлечению в партию рабочей и батрацкой части красноармейцев, усиления рабочего ядра в руководящих партийных органах и потребовал «усилить вовлечение в партию рядовых красноармейцев из рабочих. батраков и бедняцких элементов крестьянства»[12].

---

[9] КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 144.
[10] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 242.
[11] КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 142.
[12] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 250, 252.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Уроки вооруженного конфликта на КВЖД рассматривались политическим и военным руководством страны и с точки зрения уровня морально политической подготовки советских воинов. Политуправление ОКДВА сообщало в своем отчете, что за время пребывания в китайских городах, временно занятых в вынужденных боях по преследованию противника, ни один красноармеец «не взял ни одной безделушки, не оскорбил, не обидел ни одного гражданина»[13]. Подводя итоги боев на советско-китайской границе, К.Е. Ворошилов отмечал, что на Дальнем Востоке «один из отрядов Красной Армии блестяще выдержал экзамен на боевую способность и политическую зрелость... Дальневосточная боевая проверка Красной Армии целиком и полностью подтвердила правильность методов боевой подготовки наших частей и правильность их политического воспитания»[14].

Советское руководство отдавало себе отчет в том, что при всей важности партийно-политической работы в армии эффективность ее снижается в связи с острыми материально бытовыми трудностями армейской жизни. 15 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии обороны СССР», в котором было отмечено, что материально-бытовое положение Красной армии «продолжает служить тормозом нормального обучения и воспитания войск». ЦК указал на необходимость в течение 1930-1931 гг. ликвидировать недостатки этого плана в Вооруженных Силах страны, определив основные пути достижения этой цели[15]. Большая нагрузка в этой связи ложилась на местные Советы. Несмотря на трудности хозяйственно-экономического строительства, исполкомы Советов изыскивали из местных ресурсов необходимые средства для ремонта казарм, оборудования ленинских уголков,

[13] Тревога. 1930, 21 октября.
[14] Ворошилов К.Е. Оборона СССР. М., 1937. С. 311.
[15] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 259.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

строительства жилья для комсостава, улучшения бытовых условий и медобслуживания красноармейцев[16].

Обострение внутриполитической ситуации в СССР в связи с вопиющими перегибами в колхозном строительстве не могло не отразиться на моральном состоянии Вооруженных Сил страны. Рассматривая положение дел в этой связи РВС СССР в своем политдонесении сообщал об «антисоветских выступлениях» и попытках организации «контрреволюционных группировок просочившимися в армию классово-чуждыми элементами»; об увеличении числа дисциплинарных проступков среди коммунистов и комсомольцев, которые в отдельных частях составляли от 30 до 50 процентов всех дисциплинарных взысканий; о том, что в ряде случаев «антисоветская деятельность проявлялась в умышленной порче оружия, материальной части и боеприпасов»[17].

Делегаты 1-й армейской партийной конференции ОКДВА отмечали, что в ряде воинских подразделений имелись случаи, когда коммунисты «неправильно разъясняли генеральную линию партии, неверно ориентировали красноармейскую массу о содержании лозунга ликвидации кулачества как класса». Отдельные коммунисты заявляли о своем несогласии с линией партии в отношении кулачества. В этой связи конференция потребовала от партийных органов и политаппарата развертывания партийного просвещения коммунистов, политического воспитания беспартийной массы красноармейцев, совершенствования политической учебы командиров в духе тех идей, которые выдвигал партийный центр страны[18].

XVI съезд партии выразил уверенность в том, что «сплачивая под знаменем ленинизма миллионы рабочих и колхозников, сокрушая

[16] См.: РГВИА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 40. Л. 140; Д. 42. Л. 34.
[17] Там же. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 5. Л. 30, 31.
[18] Тревога. 1930, 25 апреля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сопротивление классовых врагов, ВКП(б) поведет массы в развернутое социалистическое наступление и обеспечит полную победу социализма в СССР», констатировав в этой связи возросшие силу и боеспособность Красной Армии и подчеркнув необходимость преодоления тех негативных проявлений, которые возникают в армии в связи с обострением внутриполитических трудностей[19].

Рост образовательного и культурного уровня командного состава способствовал укреплению политической устойчивости, сознательной воинской дисциплины и боевой выучки личного состава армии. Как с удовлетворением констатировал ЦК ВКП(б), «систематическая кропотливая работа по политическому воспитанию воинов обеспечивает непрерывный рост политической активности всей массы военнослужащих не только в рамках общеармейских вопросов, но и в общественно-политической жизни страны»[20].

В годы второй и третьей пятилеток происходили большие социально-экономические изменения в СССР. Культурный уровень трудящихся объективно повышался, и это расширяло возможности идейно-политического воздействия, направленного на повышение бдительности советских граждан в отношении потенциальных агрессоров, готовности их к решительному отпору врагу, к испытаниям военного времени. Повышалось чувство ответственности за обеспечение мобилизационной готовности страны в целом. Особое внимание во второй половине 30-х гг. советское руководство обращало на то, чтобы донести до сознания каждого советского человека, какая огромная опасность нависла над страной, какими путями быстрее перестроить всю экономику, общественную жизнь на военный лад, подчинить жизнедеятельность государства военным интересам.

[19] КПСС в резолюциях. Т. 4. С. 418.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Усиление международной напряженности до предела накалило также и политическую ситуацию в СССР. К 1936-1937 гг. главным мотивом новостей из-за рубежа в советской прессе стало освещение приграничной напряженности, особенно на протяженной советско-японской границе в Маньчжурии, а также репортажи о немецко-итальянском вторжении в Испанию и японской агрессии против Китая. Читатель начинал понимать, что «большая война», которую все время предрекают, уже началась. Газеты часто прибегали к выразительным описаниям всех ужасов надвигающейся смертельной войны, опираясь на реальный опыт первой мировой войны, а также тех войн, которые Италия, Германия и Япония вели в это время в Абиссинии, Испании и Китае.

Советские люди, читая газеты, убеждались, что в связи с развитием авиации будущая война охватит территории целых стран, что в такой войне необходимо быть предельно бдительным, потому что будет применяться химическое и бактериологическое оружие и глубокие авиарейды в тыл противника с зажигательными бомбами на борту такой мощности, каких не было в прежней мировой войне. Много писалось о подрывной деятельности многочисленных законспирированных шпионов[21], что отчасти было правдой, но в значительной мере работало на идеологическое обеспечение больших чисток в политическом, экономическом и военном руководстве страны. Газеты регулярно публиковали фотографии разрушенных бомбежкой городов и пострадавших граждан в Испании и Китае[22]. А материалы об использовании итальянцами в Абиссинии и японцами в Китае ядовитых газов делали самые мрачные предсказания

[20] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 108. Л. 770.

[21] См.: Правда, 11 мая, 1936; 20 мая, 1936; 14 июля, 1936; 29 июля, 1936; 1 августа, 1936; 4 мая, 1937; 30 марта, 1938; Власть советов. 1936. № 21. С. 22-23; Большевик. 1937. № 11. С. 38-50; № 15. С. 1-5.

[22] См., напр.: Правда, 30 марта, 1936; 4 апреля, 1936; 7 апреля, 1936; 21 апреля, 1936; 23 апреля, 1936; 25 апреля, 1936; 26 мая, 1936; 10 августа, 1936; 13 августа, 1936; 14 августа, 1936; 3 сентября, 1936; 16 сентября, 1936; 15 ноября, 1936; 16 ноября, 1936; 12 декабря, 1936; 25 декабря, 1936.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

похожими на правду[23]. В «Правде» также публиковались фотографии, на которых было показано, какие меры защиты от газовых атак принимаются в других странах – Абиссинии, Франции, Великобритании[24]. Таким образом население СССР заранее подготавливалось к грядущим военным испытаниям в их самых суровых проявлениях.

Тема возрастающей опасности войны, необходимости особой бдительности, готовности к отражению вражеского нашествия была одной из главных в политико-воспитательной работе того времени. Она звучала в выступлениях представителей центральных и местных партийных и советских органов, промышленных предприятий, общественных организаций перед личным составом воинских частей. Информируя о о достижениях в развитии народного хозяйства, культурном строительстве, они призывали воинов к повышению боевой готовности и отражению возможной агрессии на восточных и западных рубежах страны. Особое внимание уделялось прекращению привлечения воинских частей и подразделений к работам, не имеющим прямого отношения к повышению боеготовности и созданию благоприятных условий для повышения боевой подготовки. Эту положительную тенденцию отметил И.С. Конев, выступая в ноябре 1939 г. на совещании высшего и старшего начальствующего состава ОКДВА: «Впервые за многие прошлые годы армия систематически и планово весь 1939 год занималась боевой подготовкой и в любую минуту была готова выполнить поставленную боевую задачу»[25].

В предвоенные годы в государственной идеологии все более упорно звучал мотив преемственности патриотического духа, восстанавливались прерванные рубежом 1917 г. имена и авторитеты, которые не должны были нарушать «ругательного», классового фона советского времени. В

[23] См., напр.: Большевик. 1936. № 23. С. 67; Правда, 24 февраля, 1936; 10 марта, 1936; 4 апреля, 1936; 16 августа, 1936; 19 августа, 1936; 2 сентября, 1936; 6 мая, 1938.
[24] См.: Правда, 28 января, 1936; 9 февраля, 1936; 15 апреля, 1936.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

идеологической работе партии в войсках все больше обозначалась тенденция к опоре на славные боевые традиции российской армии и флота в сочетании с популяризацией боевых подвигов советских воинов, трудовых свершений новаторов производства, славных дел летчиков, полярников и других героев мирных будней.

Особое внимание уделялось укреплению морального духа, стойкости, военно-патриотическому воспитанию в духе героических традиций Отечества молодого пополнения армии – юношей в возрасте 18-19 лет, призванных в Вооруженные Силы страны на основании нового Закона о всеобщей воинской обязанности 1939 г. Указывая на исключительное значение традиций Красной Армии в воспитании молодых бойцов, С.М. Буденный в выступлении на партийной конференции Ленинградского военного округа говорил: «У нас в каждом полку, в каждой дивизии есть свои замечательные традиции. Они сложились в итоге героической революционной борьбы, они созданы той эпохой, в которой мы живем... Мы должны воспитывать бойца, чтобы он высоко держал воинскую честь, дорожил боевым товариществом, дружбой воинов»[26]. Официальный глава государства М.И. Калинин акцентировал эту мысль следующим образом: «Надо поставить дело так, чтобы каждый новобранец, придя в полк, знал не только его номер, но и всю его боевую историю, всех его героев и боевые награды, все его победы на соревнованиях и маневрах, чтобы он гордился своим полком и повсюду отстаивал его честь»[27].

Важную роль в морально-политической подготовке советских солдат играла армейская печать. В соединениях и военных округах сотни многотиражек из номера в номер освещали злободневные вопросы политической жизни страны, популяризировали важнейшие партийно-

[25] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 16. Л. 192.
[26] Тревога. 1940, 19 декабря.
[27] Красная Звезда. 1940, 13 ноября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

правительственные документы. Подавляющее большинство публикаций в многотиражной армейской прессе делалось с привлечением писем и заметок самих красноармейцев. Эти газеты пропагандировали теоретические вопросы стратегии и тактики руководства РККА в будущей войне, с тем чтобы бойцы проникались всей важностью и масштабностью тех задач, которые предстоит решать войскам. Целые полосы армейских многотиражек посвящались достижениям трудящихся соответствующих регионов и страны в целом в решении первоочередных задач достижения экономического и оборонного могущества СССР, а также освещению хода соревнования в достижении высоких показателей боевой и политической подготовки. Вопросы изучения основ марксизма-ленинизма, повышения политической бдительности и боеспособности подразделений всегда находились в центре внимания армейской многотиражной печати под постоянным контролем политорганов РККА[28].

С нарастанием непосредственной военной угрозы нападения на Советский Союз ЦК ВКП(б) потребовал от политических органов РККА коренной перестройки методов и характера боевой и политической подготовки Вооруженных Сил страны. Как писала «Правда», «стержнем партийно-политической работы в частях Красной Армии должна быть забота о повышении качества подготовки красноармейцев в условиях, максимально приближенных к боевой обстановке»[29]. Новые условия диктовали перенесение центра тяжести всей политико-воспитательной работы непосредственно в подразделения воинских частей, в гущу красноармейских масс. Необходимо было сосредоточить усилия армейских коммунистов, гражданских партийных организаций на воспитании у советских воинов высоких моральных качеств. «Общими усилиями, – указывал М.И. Калинин, – коммунисты должны добиться такого политико-

[28] См.: РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 107. Л. 135.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

морального состояния наших Вооруженных Сил, которое соответствовало бы задачам социалистического строительства. Это – большая конструктивная задача, решением которой занимаются не только политработники, но и вся партия, народ, социалистическое государство в целом»[30].

В предвоенные годы политические лидеры страны постоянно обращали внимание армейских политорганов на то, что воспитание у воинов патриотизма, высоких морально-политических качеств составляет одно из решающих условий победы над потенциальным противником. «Красноармеец и краснофлотец прежде всего должны хорошо знать, – говорил М.И. Калинин, выступая перед слушателями Военно-политической академии им. В.И. Ленина, – что они готовятся к борьбе за огромные человеческие ценности, за свою великую социалистическую Отчизну, за жизнь и счастье всего народа, за свободу и лучшую долю миллионов своих собратьев по классу. Только эти идейные цели, только убежденность в правоте нашего дела могут вселить в них способность проявлять то, что мы называем героизмом»[31].

И все же, несмотря на отмечавшиеся руководством недостатки в деятельности политорганов в конце 30-х гг., в армейской и массовой политпропаганде явно проскальзывало пренебрежение к вероятному противнику, давалась не слишком объективная оценка его войск, переоценивались боевые возможности Красной Армии. Это порождало расхожие представления о легкой победе в случае войны. Недооценивалось и идеологическое воздействие на население и армию пропагандистского аппарата стран потенциального противника. Предполагалось, что в случае

---

[29] Правда. 1940, 7 декабря.
[30] Красная Звезда. 1940, 30 ноября.
[31] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

масштабных военных действий против СССР «братья по классу» начнут восстания против реакционных империалистических режимов.

Все это вызывало озабоченность политического руководства страны. Весной 1940 г. ЦК ВКП(б) провел специальное совещание по вопросам идеологической работы в армии. На совещании был подвергнут резкой критике тезис о возможности легкой победы над врагом. ЦК партии потребовал покончить с недооценкой трудностей будущей войны и ориентировать бойцов и командиров на скорейшее овладение новой техникой и оружием, на подготовку к сражениям с сильным противником. С целью активизации идейно-политической работы центр мобилизовал и направил на партполитработу в армию и на флот 1500 членов партии. В июне 1941 г. с этой целью в войска было направлено еще 3700 коммунистов[32].

Важнейшим участком политработы армейские коммунисты считали постоянное совершенствование теоретической и военной подготовки командных кадров. На совещании высшего командного состава И.С. Конев потребовал принятия решительных мер к повышению военно-теоретической подготовки командиров и политработников, тщательного изучения опыта Хасана, Халхин-Гола, Китая и Испании: «Мы должны учить наши кадры по-настоящему, всерьез, используя предыдущий опыт в военном искусстве»[33].

Оборонное и военное могущество СССР в огромной степени зависело от степени вовлеченности в изучение военного дела широких слоев населения, от его мобилизационной готовности и активности. Еще VII съезд РКП(б) в марте 1918 г. отмечал важность «всестороннего, систематического всеобщего обучения взрослого населения, без различия

[32] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1970. С. 50.
[33] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 16. Л. 196.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

пола, военным знаниям и военным операциям»[34]. Тогда же решением правительства был введен Всеобуч – всеобщее обязательное военное обучение рабочих и крестьян. По настояния В.И. Ленина, IV Всероссийский съезд Советов призвал народные массы «напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи... и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу»[35].

Исходя из опыта гражданской войны, центральная и местные власти в условиях угрозы военного нападения вопросы военной подготовки населения страны считали важнейшей составляющей военной политики. ЦК ВКП(б) обязывал местные партийные организации и советские органы развернуть работу по военному обучению рабочих и крестьян, пропаганде военных знаний среди населения, активизации деятельности оборонных кружков. Руководство этой работой было возложено на комиссии по военной пропаганде, образованные при окружкомах и райкомах ВКП(б) в 1927 г. постановлениями крайкомов и обкомов партии, при которых создавались специальные Совещания по военной пропаганде. В центрах округов и районов создавались «дома обороны», широкая сеть стрелковых тиров, кружков военных знаний. Была упорядочена деятельность военных отделов краевых, областных, окружных и районных газет. При организации работы в деревне парткомам и сельсоветам рекомендовалось учитывать реальные возможности села, привлекать крестьянство к военному обучению в доступных формах, а также проводить военную подготовку допризывников и воинов запаса. Для юношей, занимавшихся охотничьим промыслом, а также для молодежи казачьих сел рекомендовалось создавать стрелковые и военно-кавалерийские кружки[36].

---

[34] КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 27.
[35] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 123.
[36] См., напр.: ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 41. Л. 36. 46; Оп. 11. Д. 46. Л. 29, 30.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Координацию деятельности по составлению мобилизационных планов и контроля за проведением мобилизационных работ осуществляли политмобсовещания при крайкомах и обкомах ВКП(б), в задачи которых входила подготовка областей и краев к обороне, подготовка планов развертывания в военное время органов милиции, организация охраны общественного порядка, проверка готовности к военному времени коммунальных служб. В аппарате обкомов и крайкомов партии вводилась специальная должность военного инструктора для ведения всех мобилизационных дел. В окружных, районных и городских комитетах ВКП(б) этой работой руководили мобилизационные тройки. 5 октября 1931 г. постановлением ЦК ВКП(б) мобтройки были ликвидированы и вся работа оборонно-мобилизационного характера была возложена на секретарей партийных комитетов[37].

Массовая кампания по овладению оружием, военной специальностью была развернута по всей стране в ответ на воззвание ЦК ВКП(б) в связи с разрывом Англией дипломатических отношений с СССР. Перед лицом возникшей угрозы нападения на Советский Союз ЦК партии призывал трудящихся «подтянуться и готовиться к обороне страны, готовиться по-настоящему, по-большевистски, твердо и уверенно, не поддаваясь панике»[38]. Партийным организациям вменялось в обязанность усилить военную подготовку коммунистов и всех трудящихся. «Каждый член партии, – говорилось в воззвании, – каждый молодой рабочий и крестьянин должны пройти курс этой подготовки»[39]. Это воззвание и постановление ЦК партии «О массовой работе в связи с опасностью войны» обсуждались на пленумах, собраниях партактива, семинарах секретарей партячеек, бюро парткомов, на которых определялись

[37] РГВИА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 7. Л. 459.
[38] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. С. 239.
[39] Там же.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

конкретные задачи, вытекающие из данных партийных установок. Например, в деревни. Села и рабочие поселки направлялись коммунисты-агитаторы для разъяснения международной обстановки и связанных с этим задач населения. инициативу создания отрядов военной подготовки проявляли сами трудящиеся, как члены партии, так и беспартийные.

На основе накопленного опыта военно-оборонной работы совершенствовались формы военного обучения. Во второй половине 30-х гг. стало практиковаться проведение месячников противохимической обороны. В специально создаваемых учебных пунктах рабочие и служащие знакомились с индивидуальными и групповыми средствами защиты от отравляющих веществ. Проводились также месячники ПВО, в ходе которых на основных промышленных предприятиях и в пограничных районах создавались команды ПВО. Свои знания и навыки трудящиеся регулярно совершенствовали на учебных сборах городских формирований ПВО[40].

Летом 1938 г. были проведены массовые учения по светомаскировке важнейших оборонных, промышленных и других объектов[41]. По-прежнему уделялось большое внимание стрелковой подготовке населения. только в 1934 г. в стрелковых кружках было подготовлено более 3,5 тыс. «ворошиловских стрелков»[42].

Уже в первые годы Советской власти руководство страны особое внимание обращало на участие населения в подготовке боевых резервов для Красной Армии, требуя «учредить немедленно, через профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, партийные организации, как местные, так и центральные, бюро помощи или комиссии

[40] РГВИА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 2. Л. 389; Ф. 37462. Оп. 1. Д. 13. Л. 39.
[41] Там же. Л. 158, 159, 161, 173, 186, 190.
[42] Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 79. Л. 313.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

содействия Красной Армии»[43]. В последующем это требование стало реализовываться путем создания оборонных обществ, которым отводилось важное место в системе социалистического государства и в деле укрепления его могущества и обороноспособности. Оборонным обществам вменялось в обязанность учить людей азбуке военного дела, заниматься военно-патриотическим воспитанием населения, особенно молодежи. В марте 1923 г. было создано Общество друзей Воздушного Флота (ОДВФ). Через него пропагандировалась чрезвычайно важная идея создания мощной авиации страны. Общество также прививало молодежи любовь к авиации через романтизацию этой военной профессии. Также ОДВФ занималось привлечением средств населения к решению задачи строительства военно-воздушного флота страны.

В 1925 г. ОДВФ было объединено с Доброхимом. Объединенное общество получило название Авиахим (Общество содействия авиации и химическому строительству). Помимо военно-воспитательной работы Авиахим ставил своей задачей содействие научно-исследовательской работе в области авиации и химии и привлечение к этому средств населения. Данное направление работы развивалось и после того, как в 1927 г. в результате слияния Авиахима и Общества содействия обороне (ОСО) образовался Осоавиахим. Региональные от деления Осоавиахима создавали на местах кружки, которые строили стрелковые тиры, организовывали стрелковые соревнования, экскурсии в воинские части, военные игры и маневры. Военно-патриотические вечера и другие мероприятия. Популярность организации в массах росла с каждым годом, приток новых членов быстро увеличивался.

Крайкомы и обкомы ВКП(б) требовали налаживать работу комфракций в подразделениях Осоавиахима. Примерно четверть членов

[43] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 273.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

общества в конце 20-х гг. составляли коммунисты и комсомольцы. На руководящие должности в Осоавиахиме и других оборонных обществах кандидатуры выдвигались на партийных конференциях краев, областей, округов, районов, городов. Осуществляя таким образом руководство оборонными обществами, партийные организации не оставляли без внимания вопросы военной подготовки женщин. Они получали навыки военного дела в стрелковых кружках, на курсах телефонисток, в аэроклубах, школах ПВО. Так, в 1930 г. только в Хабаровске в Осоавиахиме состояло 1678 женщин. Они выступили с призывом к сбору денежных средств на строительство самолета «Делегатка»[44]. Массовую подготовку санитарных работников проводило Российское общество Красного Креста (РОКК), создавались сандружины, школы первой медицинской помощи, курсы медсестер запаса, переподготовки врачей и среднего медперсонала. При политотделах воинских частей создавались женские Советы содействия, которые, наряду с заботой об организации быта, культурного досуга семей военнослужащих, активно вовлекали женщин в оборонные кружки. Среди жен военнослужащих развернулось движение за овладение специальностями радисток, телеграфисток, работников штабных служб и т.д.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1930 г., оборонные общества СССР включились в «декаду обороны». Была широко развернута учеба трудящихся, организовывались выставки, посвященные Красной Армии, субботники и воскресники, заработок которых направлялся в фонд обороны, создавались ударные бригады и «красные обозы» по оказанию помощи воинским частям в улучшении материально-бытовых условий красноармейцев. В деревни и рабочие поселки направлялись передвижные школы Осоавиахима для подготовки

[44] Тревога. 1930, 5 апреля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

инструкторов стрелкового дела. Подводя итоги «декады», ЦК ВКП(б) отмечал «значительный подъем энтузиазма широких масс вокруг вопросов укрепления обороноспособности страны, ...развертывания военной учебы, общее укрепление массовой военной работы Осоавиахима и значительный приток средств в фонд обороны»[45].

В 1932 г. в региональные Советы Осоавиахима поступили рекомендации краевых и областных комитетов ВКП(б) сосредоточить внимание на развертывании работы в промышленных районах и на основных предприятиях, новостройках, имеющих оборонное значение, обеспечив в первую очередь подготовку технических кадров для армии. Предлагалось также провести первичное военное обучение значительных контингентов допризывников и военную переподготовку красноармейцев запаса. Региональным организациям Красного Креста предлагалось провести накопление медицинского и санитарно-хозяйственного имущества для развертывания госпиталей в военное время, а также переподготовку медсестер и санитаров запаса[46].

Для успешного решения поставленных обширных задач намечались меры, направленные на совершенствование аппарата краевых и областных Советов Осоавиахима. Руководящий состав низовых организаций этого оборонного общества укреплялся коммунистами и комсомольцами в обкомах и крайкомах партии вводилась специальная должность секретаря по военной подготовке молодежи. В начале 1933 г. отчеты о первых итогах этой деятельности заслушивались на бюро крайкомов и обкомов, отмечались недостатки, основным из которых была медлительность в перестройке работы организаций Осоавиахима, недооценка отдельными партийными, советскими и профсоюзными организациями роли этого общества как школы подготовки резервов для Красной Армии. Парткомам

[45] РГВИА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

было предложено устранить недооценку тех важнейших оборонных задач, которые организации Осоавиахима выполняют в соответствии с планами РВС СССР, выделить в особые группы пограничные районы и всячески способствовать организациям Осоавиахима в развертывании в них массовой работы по подготовке боевых резервов для РККА[47].

Примечательным направлением деятельности организаций Осоавиахима в 30-е гг. было создание летных школ и аэроклубов. В летных школах готовились инструкторы для аэроклубов с девятимесячным сроком обучения и пилоты для гражданской авиации с шестимесячным сроком обучения. Набор курсантов школ проводился только из числа коммунистов и комсомольцев, являвшихся лучшими выпускниками аэроклубов. Отбор кандидатов осуществлялся горкомами партии с последующей проверкой мандатной комиссией, утверждаемой обкомами и крайкомами партии. Для получения рекомендаций к поступлению в летные школы выпускники аэроклубов проходили подготовку на военных сборах. Помимо деятельности аэроклубов, под эгидой Осоавиахима в стране развертывалась сеть планерных станций[48].

Характерным недостатком деятельности оборонных обществ в 30-е гг. была явно недостаточная материальная база оборонных кружков, курсов, школ и других формирований. Массовая оборонная подготовка трудящихся через постоянные военно-учебные подразделения (ВУП) охватывала в основном допризывную молодежь, но слабо была развернута на промышленных предприятиях, МТС, в колхозах, совхозах. Повседневная организационно-массовая работа подчас подменялась кампаниями. Слабую помощь оборонным обществам оказывал комсомол. Все это снижало уровень оборонно-массовой работы, негативно

---

[46] Там же. Д. 40. Л. 2-6.
[47] Там же. Д. 45. Л. 7.
[48] Там же. Д. 79. Л. 28, 29.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

сказывалось на выполнении заданий по подготовке боевых резервов для Красной Армии. Например, в 1936 г. план подготовки медсестер был выполнен только на 50%. Не были полностью выполнены и задания по подготовке пилотов, снайперов, пулеметчиков и т.д.[49] ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассматривали эти вопросы, намечали неотложные меры по преодолению недостатков. Так, 8 августа 1936 г. было постановление ЦК партии и Совнаркома «О работе Осоавиахима по ДВК», в котором обозначались срочные меры по улучшению военной подготовки трудящихся и налаживанию работы оборонных обществ по подготовке боевых резервов для армии[50].

Региональные комитеты ВКП(б) оперативно реагировали на замечания Центра. Развертывались новые ВУПы на крупных заводах и строительных объектах, в совхозах и при МТС, в которых организовывалась подготовка специалистов важных для армии специальностей: артиллеристов, пулеметчиков, связистов, химиков и т.д. Партийные организации проводили тщательную проверку социальной принадлежности обучающихся. Парткомы региональных Советов Осоавиахима совместно с местными органами Наркомата обороны подбирали и готовили кадры для учебно-строевых формирований. Был перепроверен весь руководящий состав оборонных обществ, кандидатуры председателей подбирались из числа наиболее работоспособных коммунистов. Подбор председателей заводских Советов Осоавиахима проводили непосредственно секретари райкомов партии. Состояние региональных оборонных обществ в начале 1937 г. анализировалось на пленумах соответствующих организаций ВКП(б), повсеместно принимались директивные документы, требующие покончить с

[49] Там же. Д. 113. Л. 39.
[50] ГАХК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 739. Л. 72.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

благодушием и расхлябанностью на этом важнейшем участке военной политики руководства страны[51].

Практически весь 1937 год проходит под знаком усиленного внимания к отлаживанию работы оборонных обществ страны и устранению имеющихся узких мест в этой работе. Воссоздаются формирования Осоавиахима, организуются повсеместно собрания рабочих и колхозников с обсуждением решений местных партийных организаций в данном направлении, проводятся циклы лекций для населения по военно-оборонной тематике, объединяют свои усилия в этой деятельности партийные и комсомольские организации, осуществляются мобилизации комсомольцев на работу в органах Осоавиахима. Большую работу проделывают в этой связи специально созданные бригады Центрального Совета Осоавиахима, действующие в тесном контакте с местными организациями ВКП(б)[52]. Принятые меры способствовали преодолению недостатков в деятельности оборонных обществ, в пропаганде военных знаний среди населения, насколько это было возможно в условиях начавшихся массовых репрессий.

В конце 30-х гг. среди разносторонних мер военного строительства и обеспечения высокой мобилизационной готовности к отпору потенциальному агрессору партийные и государственные органы СССР по-прежнему важное место отводили вопросам морально-психологического характера, военно-политического воспитания населения, приобщения его к военному делу. ЦК ВКП(б) постоянно ориентировал местные организации на всемерную помощь трудящимся в овладении хотя бы элементарными знаниями в военном деле, в особенности на военное обучение кадров партии. ЦК требовал, чтобы каждый партийный работник как следует овладел хотя бы одной военной специальностью. Для руководящего

[51] РГВИА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 113. Л. 45.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

партийного состава и партактива организовывались специальные сборы по военной подготовке, в учреждениях и высших учебных заведениях проводился единый партийный день, посвященный военно-оборонной работе[53].

По мере возрастания угрозы агрессии против СССР активизировалась практическая подготовка народа к обороне страны. Население, со своей стороны, проявляло все более активную заинтересованность в приобретении военных знаний и навыков. Значение оборонно-массовой работы Осоавиахима заметно повышалось. Организации этого общества охватывали все большее количество предприятий, учреждений, колхозов, совхозов, МТС, учебных заведений. Только в 1939 г. ряды Осоавиахима пополнились 3 млн. новых членов[54]. В предвоенные годы это была самая массовая оборонная общественная организация страны. Осоавиахимовские общества были организаторами и проводниками всех массовых оборонных мероприятий. Здесь проходили непосредственную подготовку к деятельности по обороне страны широкие массы трудящихся. Широкая сеть пунктов военной подготовки Осоавиахима характеризовалась значительной учебно-материальной базой.

Массовую военно-оборонную работу осоавиахимовские общества сочетали с решением народно-хозяйственных задач, подготавливая технические кадры для быстро развивающейся советской экономики. Из демобилизованных красноармейцев и молодежи, приезжавшей на стройки пятилетки, в автошколах Осоавиахима готовились водители. Специалисты, подготовленные в системе Осоавиахима, направлялись на работу в систему Наркомзема как одно из ключевых направлений укрепления обороноспособности страны.

---

[52] Там же. Л. 41.
[53] См.: Правда. 1940, 20 июля.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Руководство основными направлениями оборонной работы на региональном уровне в период непосредственной подготовки к войне было возложено на специальные органы, создаваемые при президиумах краевых и областных Советов депутатов трудящихся и получившие названия Суженных заседаний (СЗ), в состав которых входили председатели исполкомов городских Советов, первые секретари окружных, городских и районных комитетов ВКП(б), начальник местного гарнизона, начальник местного отдела НКВД и комиссары областных и районных военкоматов. На президиуме СЗ, как правило, рассматривались вопросы обеспечения войсковой мобилизации за счет местных ресурсов, вопросы оборонного планирования на территории района, города и области, вытекающие из мобилизационных решений правительства. Контроль за реализацией решений СЗ возлагался на военкоматы и председателей исполкомов Советов[55]. В городских и районных Советах были организованы отделы боевой подготовки и оборонные секции из депутатских групп[56]. Вопросы оборонно-мобилизационной работы в последние предвоенные годы стали регулярно рассматриваться партийными и военными органами на местах.

XVIII съездом ВКП(б) было принято решение о повышении уровня руководства оборонно-массовой работой, о всемерной помощи добровольным обществам в военно-патриотическом воспитании трудящихся, подготовке их к отражению возможной агрессии. Наибольший рост этих организаций и усиление подготовки кадров, повышение уровня партийного руководства оборонно-массовой работой на местах были связаны с созданием по решению XVIII съезда партии военных отделов при райкомах, горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик. Эти отделы стали центрами партийного руководства

[54] Глуховский С. Роль и задачи массовых оборонных организаций в укреплении обороноспособности Советского Союза. Ростов-на-Дону, 1941. С. 15.
[55] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 68. Л. 47.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военным обучением трудящихся, подготовкой советского населения к отражению нападения потенциального агрессора[57].

Работники военных отделов прежде всего подбирались из числа опытных командиров с тем, чтобы наилучшим образом обеспечивать основные направления работы отделов: координация деятельности военно-мобилизационных органов, местных служб ПВО, добровольных оборонных и спортивных обществ, помощь им в подборе и расстановке кадров, в обеспечении материально-технической базы военной подготовки, в военно-патриотическом воспитании населения. в 1939 г. в регионах проводились учебные сборы заведующих военными отделами райкомов и горкомов. Полученные на сборах знания позволили значительно оживить оборонно-массовую работу на местах.

Военные отделы комитетов ВКП(б) большое внимание уделяли активизации оборонно-массовой работы коммунистов оборонных предприятий, где массовый характер приняла подготовка «ворошиловских всадников», «ворошиловских стрелков», парашютистов, пулеметчиков, значкистов ПВХО. В системе оборонных обществ готовились также снайперы, летчики, авиамеханики и другие военные специалисты[58]. Особое внимание обращалось на то, чтобы оборонно-массовая работа была проникнута патриотическим содержанием, а не сводилась только к военно-технической подготовке. Массовая воспитательная работа по подготовке к обороне Родины тесно увязывалась с международной обстановкой, очередными задачами народнохозяйственного строительства, с необходимостью всемерного укрепления экономического и военного могущества Советского Союза. Распространенной формой военно-патриотического воспитания были лекции, доклады, беседы, вечера

[56] Там же. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 79. Л. 125, 138.
[57] КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 377-378.
[58] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 98. Л. 152.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

вопросов и ответов по военной тематике, экскурсии в воинские части, выставки и витрины военно-оборонного дела и т.д. При военных отделах горкомов создавались лекторские группы из числа командиров и политработников местных воинских частей, которые вели регулярные занятия с партийным и оборонным активом городов. Так, военным отделом Железнодорожного райкома партии Хабаровска в 1939 г. было организовано в районе 130 лекций, которые прослушало более 9 тыс. человек[59].

Подготовка медико-санитарных кадров в системе Красного Креста также становится в этот период объектом пристального внимания военных отделов партийных комитетов. Выполняя постановление СНК СССР от 3 декабря 1938 г., Красный Крест расширял сеть своих организаций на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учреждениях и жилых домах. В них осуществлялась массовая подготовка медсестер, санитаров, проводилась просветительская работа среди населения. Военные отделы впервые развернули работу по подготовке резервных донорских кадров. Массовый характер приняло движение за право носить значок ГСО-I и ГСО-II. В 1939 г. при активном участии военных отделов были проведены региональные. А затем всесоюзное соревнование санитарных дружин[60].

В рамках повышения оборонной готовности советских людей большую популярность приобрело спортивно-массовое движение. Широко внедрялись военно-прикладные виды спорта. СНК СССР принял 26 ноября 1939 г. постановление о введении нового спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», в который входили такие нормативы, как метание гранаты, штыковой бой, преодоление полосы препятствий, верховая езда и рубка, лыжные кроссы. Перед физкультурными организациями была поставлена задача возможно большего привлечения молодежи в

[59] Тревога. 1940, 6 марта.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

спортивные секции, особенно по военно-прикладным видам спорта. Началась массовая кампания по сдаче норм ГТО.

Существенно увеличилось в эти годы количество проводившихся военных походов, спартакиад, массовых кроссов, военизированных игр, соревнований по различным военным специальностям, показательных выступлений членов оборонных обществ. Задаче как можно более широкого распространения военных знаний и навыков было подчинено регулярное проведение в масштабах городов и районов «оборонных дней». Зима 1940-1941 гг. была объявлена оборонными обществами страны «лыжной зимой». В первой декаде военно-лыжных соревнований приняло участие 362240 человек. На лыжах совершались военизированные броски, переходы, тактические занятия. Ряд подразделений осоавиахимовских организаций выходили в зимние лагеря, в которых совершенствовалась общевойсковая лыжная подготовка. Выполнялись зимние нормы ГТО-I и ГТО-II[61].

В предвоенные годы на предприятиях, в учреждениях и жилых кварталах создавались также группы самозащиты системы МПВО и ПВХО. Нормативы на значок ПВХО-I и ПВХО-II сдавали очень многие взрослые и дети. В ноябре 1939 г. вышло постановление СНК РСФСР, определившее порядок формирования, структуру и функции МПВО. Документ обязывал председателей исполкомов местных Советов в месячный срок разработать генеральный план ПВО городов и планы укрытия населения. МПВО городов возглавляли председатели исполкомов Советов, комиссарами были секретари горкомов и райкомов партии. штаб МПВО формировался из 8-12 вольнонаемных работников и возглавлялся кадровым работником РККА. Все города были разбиты на участки МПВО, каждый участок имел специальные команды: управления, дегазации, аварийно-

[60] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 68. Л. 94, 5.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

восстановительную, противопожарную, медико-санитарную, ветеринарную. Команды комплектовались военкоматами из военнообязанных второй очереди и оснащались специальным имуществом. Общее управление всеми силами и средствами МПВО осуществлялось начальником и комиссаром из специального защищенного, оборудованного средствами связи и сигнализации командного пункта.

На крупных промышленных объектах МПВО строились как и городские, хотя они были меньших масштабов. Директор или руководитель предприятия и секретарь парткома были начальником и комиссаром, все формирования комплектовались из рабочих и служащих. Оборонные мероприятия проводились непосредственно наркоматами РСФСР, при которых имелись специальные инспекции ПВО. В городских и объектовых командах МПВО проводилась боевая подготовка по указаниям и программам, утвержденным управлениями Красной Армии. В среднем в месяц команды занимались 12 часов или три дня в месяц по четыре часа в день без отрыва от производства. В военное время оперативное управление МПВО осуществлял начальник пункта ПВО штаба армии[62]. Был также определен план строительства объектов МПВО в крупных городах, на железнодорожных станциях и промышленных предприятиях.

Важным испытанием эффективности работы военных отделов партийных комитетов стала организация призыва очередного контингента в ряды Красной Армии согласно новому закону о воинской обязанности. По решению бюро крайкомов ВКП(б) на предприятиях, в учреждениях, МТС, совхозах и колхозах создавались комиссии содействия призыву из представителей партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций. Между краями и областями инициировалось социалистическое соревнование за лучшее проведение

[61] Там же. Л. 90.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

призыва. Победители награждались Почетной грамотой крайкомов и обкомов партии. подготовка и ход призыва обсуждались партийными комитетами, президиумами исполкомов Советов. Горкомы ВКП(б) проводили семинары комсомольцев-допризывников, общегородские и кустовые собрания призывников, заслушивали отчеты парткомов о ходе призыва молодежи в армию.

Военные отделы партийных комитетов оказывали всестороннюю помощь военкоматам в подготовке к призыву. При их участии был упорядочен учет допризывников, проверялась подготовка к призыву органов народного образования и здравоохранения, работа комиссий содействия призыву. Особое внимание уделялось допризывной подготовке учащихся старших классов школ и техникумов, что давало возможность пополнить ряды Красной Армии личным составом. В основном знакомым с навыками несения воинской службы и имевшим определенную военную подготовку. В предвоенные годы вопросы оборонных обществ, повышения их роли в военной подготовке населения все чаще включались в повестки заседаний бюро комитетов партии, выносились на обсуждение партийных собраний.

С возрастанием непосредственной угрозы войны расширялась практическая подготовка граждан СССР к обороне страны. С этой целью в 1940-1941 гг. в оборонных организациях была осуществлена перестройка, включая Осоавиахим. Она была вызвана прежде всего отставанием оборонных организаций от требований времени. Некоторые из них, увлекшись массовым охватом, пренебрегали качеством военной подготовки трудящихся. В кружках нередко обучались люди разных возрастов, при комплектовании кружков не всегда учитывалась целесообразность подготовки той или иной категории людей. Обучение

[62] Там же. Д. 5. Л. 31, 38, 42, 43.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

больше носило кабинетный характер без учета условий, приближенных к боевым. Обучающиеся не приучались переносить трудности военного времени, слабо овладевали военно-тактическими навыками. Недостаточно учитывался также опыт боев в Китае, Испании, Западной Европе.

Смысл проведенной перестройки состоял в том, чтобы массовое военное обучение трудящихся приблизить к требованиям надвигавшейся войны. С этой целью Центральный Совет Осоавиахима разработал новые программы военного обучения и внес изменения в структуру построения оборонных организаций. Кружковая работа была заменена работой в военных подразделениях, низшим звеном которых являлась группа из 10-15 человек. Она комплектовалась по отдельным военным специальностям: стрелки, моряки, связисты и т.п. Учитывались при этом и ступени подготовки. Из однородных групп комплектовались команды из 40-60 человек. Из команд создавался отряд – 150-225 человек. Группы и команды формировались при первичных организациях Осоавиахима, а отряды – при районных и городских Советах и крупных первичных организациях. Главной задачей оборонных обществ являлась подготовка полноценного резерва для РККА, а потому в учебные подразделения теперь включались только те категории граждан, которые в случае необходимости подлежали призыву в армию. Занятия проводились командирами запаса в условиях, приближенных к боевой обстановке, по специальным комплексным программам. Программы предусматривали физическую, тактическую и огневую подготовку с таким расчетом, чтобы обучающиеся усвоили курс индивидуальной подготовки бойца.

Большая заслуга в постановке правильной оборонно-массовой работы среди населения принадлежала политорганам воинских частей Красной Армии. Армейские политуправления рекомендовали командирам и политработникам в ходе военных учений и в местах расквартирования

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

частей «укреплять дружеские связи с трудящимися, помогать работе оборонных обществ, проявлять заботу о высоком авторитете воинов, чтобы не было ни одного случая, позорящего звание воина РККА»[63]. Командование и политуправление постоянно напоминало командирам и политработникам частей и соединений армий: «Проверьте работу организаций Осоавиахима, мобилизуйте внимание личного состава на активное участие в этой организации. Окажите конкретную помощь местным партийным организациям в постановке оборонной работы»[64]. Следуя этим указаниям, армейские коммунисты и комсомольцы помогали работе оборонных кружков на предприятиях, в колхозах, школах, проводили военные игры, походы, принимали участие в массово-политической работе. Во время перевозок призывников к местам службы политработники воинских частей на призывных пунктах читали молодежи лекции, проводили беседы о положении в мире, о ходе военных действий в Западной Европе и на Дальнем Востоке, разъясняли историю и традиции РККА, комментировали Закон о всеобщей воинской обязанности, информировали о ходе народнохозяйственного строительства в СССР.

Массово-политическая работа партийных организаций, армейских политорганов, военных отделов, оборонных обществ охватывала отнюдь не только непосредственных участников грядущих военных столкновений, но и тружеников тыла, которые внесли большой вклад в укрепление обороноспособности Советского Союза в последние предвоенные годы и своим самоотверженным трудом «выиграли небывалую битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание могучего советского оружия»[65]. Укрепление экономической и оборонной мощи требовало огромных ассигнований на военные нужды, что, естественно, отражалось на развитии

[63] РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 71. Л. 228.
[64] Там же. Л. 79.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

мирных отраслей народного хозяйства. Правительство страны сознательно шло на увеличение производства вооружения, боеприпасов, создание крупных резервов сырья и продовольствия. В резолюции XVIII съезда ВКП(б) указывалось: «Гигантский рост промышленности и всего народного хозяйства и необходимость обеспечения его дальнейшего бесперебойного подъема, ...особенно в условиях нарастания агрессивных сил империализма во внешнем окружении СССР, требуют создания крупных государственных резервов, прежде всего, по топливу, электроэнергии и некоторым оборонным производствам»[66].

Введение в строй новых фабрик, заводов, шахт, расширение действующих предприятий нуждалось в постоянном притоке рабочих. в условиях бурного роста промышленности и ликвидации безработицы народное хозяйство СССР в годы третьей пятилетки стало испытывать недостаток в рабочей силе. В период первой и второй пятилеток набор рабочих для промышленности проводился на основе временных мобилизаций из колхозов. Тогда это позволяло обеспечивать предприятия и стройки рабочей силой. Расширение производстве вело к тому, что колхозы все более неохотно отпускали людей в города. В 1937 г. промышленность, транспорт и строительство недополучили от колхозов по плану организованного набора 1,2 млн. человек, в 1938 г, – 1,3 млн., а в 1939 г. – 1,5 млн. человек[67].

Во второй половине 30-х гг. эта проблема частично решалась за счет активного привлечения на ударные стройки пятилеток демобилизованных красноармейцев. Агитационная кампания была развернута очень широко, власти страны проявляли большую заинтересованность в заселении слабо

---

[65] О 40-летии Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Постановление ЦК КПСС. Правда. 1984, 17 июня.
[66] КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 341.
[67] См.: Мартынов В.Ф. Коммунистическая партия в борьбе за упрочение и развитие социалистического общества, усиление обороноспособности страны (1937 - июнь 1941 года). М., 1966. С. 126.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обжитых районов Сибири и Дальнего Востока переселенцами, прежде всего из числа уволенных в запас воинов Красной Армии. Правда, и здесь хватало ошибок и формализма. Так, в 1936 г. по директиве командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии В.К. Блюхера, в каждом полку планировалось завербовать не менее десяти красноармейцев. Директива была выполнена, однако отсутствие обустройства, материальной и финансовой поддержки местных властей привело к тому, что из 500 завербованных демобилизованных красноармейцев в Дальневосточном крае осталась едва ли половина[68]. Аналогичная картина наблюдалась повсеместно. При вербовке в колхозы красноармейцам обещались отдельные дома, вместо чего их часто селили в казармы и бараки. Нередко не уделялось никакого внимания вопросам проезда и размещения семей демобилизованных красноармейцев в местах нового проживания.

Экономический Совет Совнаркома СССР в постановлении от 17 мая 1938 г. предпринял попытку преодолеть ошибки прошлых лет в этом деле. Постановлением был утвержден план переселения военнослужащих на 1939 г., предусматривающий размещение их семей в колхозах и на ударных стройках пятилетки и соответствующее финансирование, позволявшее ремонтировать старый жилой фонд и строить новые дома. Причем на каждую семью выделялся по типовому проекту жилой дом в 154 кв. м и надворные постройки не менее 55 кв. м. Тем же проблемам закрепления в новых местах переселенцев из числа демобилизованных красноармейцев было посвящено постановление СНК СССР от 29 апреля 1939 г.[69] Однако переселение из западных областей по вербовке (оргнабору), в частности, на Дальний Восток не дало ожидаемых результатов. Свою роль здесь сыграли и сложные климатические условия, и формализм и кампанейщина, и

[68] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5381. Л. 197, 198.
[69] Там же. Д. 5448. Л. 164; РГВИА. Ф. 37462. Оп. 1. Д. 71. Л. 281.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обострившаяся политическая ситуация на восточной границе. Обратный отток переселенцев по вербовке был очень велик.

В решение труднейшей задачи обеспечения трудовыми ресурсами малонаселенных районов Сибири и Дальнего Востока, которым предстояло сыграть выдающуюся роль в грядущей войне, образовав прочный тыл действующей армии, особый вклад внесли спецпереселенцы, особенно контингент «В», по терминологии НКВД, т.е. осужденные и следственные, заключенные лагерей и трудовых колоний, трудпереселенцы («расконвоированные»), проживавшие в зоне, трудпоселках ГУЛАГа НКВД и т.д.[70] В первой половине 30-х гг. основным источником формирования «специальной» рабочей силы было крестьянство. Миллионы раскулаченных крестьян зачислялись в специальные поселения в отдаленные районы страны. Основное назначение спецконтингентов было сформулировано постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г., в котором рекомендовалось «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остронуждающихся в рабочей силе районах»[71]. В конце 30-х гг., по неполным данным, в общей численности населения Дальнего Востока спецконтингент составлял 15-20%, а в Магаданской области – от 79 до 90% (в том числе до 70% заключенных лагерей). В трудовых ресурсах ДВК его удельный вес доходил до 38%[72].

В связи с появлением в годы пятилеток новых высокотехнологичных отраслей индустрии, непосредственно связанных с обслуживанием нужд обороны, к середине 30-х гг. резко возрастает потребность народного хозяйства СССР в квалифицированных

[70] См.: Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 31.
[71] Цит. по: Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 4-6.
[72] См.: Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока в 30-е - начале 50-х гг. (О роли «спецконтингентов»). Владивосток, 1993. С. 11, 15.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

технических кадрах разных профессий. Необходима организованная система подготовка таких кадров в массовом масштабе. Уже декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. ориентирует партийные организации на решение этой задачи: «Необходимо сделать обучение техническому минимуму всеобщим и обязательным для всех рабочих и работниц, подчинив это важнейшее дело задаче подъема культурно-технического уровня рабочего класса до уровня работников инженерно-технического труда»[73]. В порядке реализации решений пленума ЦК уже в 1936 г. на предприятиях только одной тяжелой промышленности технической учебой было охвачено 1,5 млн. рабочих[74].

Однако трудностей в этом деле хватало. Текучесть квалифицированных кадров в условиях острой нехватки рабочей силы была такова, что на предприятиях тяжелой промышленности рабочие менялись за год от 1,5 до 3 раз[75], что задерживало освоение новой техники, срывало технологические процессы. Крайкомы и обкомы партии объявляли массовые «походы рабочих за освоении техники новых предприятий». Контроль за этой деятельность возлагался на промышленно-транспортные отделы региональных комитетов ВКП(б). Развертывалась сеть технических кружков, краткосрочных курсов по подготовке квалифицированных рабочих, повышения квалификации техперсонала для сдаваемых промышленных объектов. В рамках этой кампании предпринималась попытка комплексного решения проблемы, включая улучшение бытовых и культурных условий квалифицированных рабочих и техперсонала[76].

Последующий рост промышленного производства, ускорения темпов развития техники, без которого невозможно было техническое переоснащение Красной Армии, широкое строительство новых

[73] КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 235.
[74] Правда. 1936, 10 января.
[75] РГАСПИ. Ф. 21. Оп. 21. Д. 5381. Л. 328.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

предприятий, особенно в третьей пятилетке, а также увеличение призыва молодежи в армию, выявили недостатки сложившейся системы подготовки квалифицированных кадров для промышленности внутри предприятий за счет фабрично-заводского ученичества. Со всей очевидностью обнаруживалась необходимость организации планового и массового пополнения народного хозяйства квалифицированными кадрами. Было принято решение о создании системы подготовки государственных трудовых резервов из молодежи допризывного возраста. С этой целью Президиум Верховного Совета СССР после обсуждения в политбюро ЦК ВКП(б) издал 2 октября 1940 г. Указ о создании Государственных трудовых резервов, предусматривающий подготовку ежегодно до 1 млн. молодых квалифицированных рабочих путем мобилизации и обучения городской и сельской молодежи производственным профессиям.

Политика по созданию Государственных трудовых резервов предполагала создание широкой сети ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ фабрично-заводского обучения, в распоряжение которых государство передавало большое количество производственного оборудования, учебные помещения[77]. В ремесленные и железнодорожные училища призывались подростки в возрасте 14-15 лет, с образованием не менее объема начальной школы или 4-х классов средней школы. В школы ФЗО принималась молодежь 16-17 лет вне зависимости от образовательной подготовки. Программа обучения была рассчитана на 6 месяцев, исходя из учебной нагрузки не менее пяти часов в день. Учащиеся находились на полном государственном обеспечении. Училищам и школам ФЗО разрешалось выполнять государственные производственные заказы, и две трети доходов от реализации заказов шло в распоряжение дирекций училищ и школ для использования на расширение учебно-

[76] Там же. Д. 5427. Л. 64.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

производственной базы, культурно-бытовые нужды, поощрение учащихся, мастеров и преподавателей.

Региональные комитеты партии и исполкомы Советов безотлагательно приступили к разъяснению правительственного указа о трудовых ресурсах и его реализации. Комсомольские организации, оборонные общества на местах требовали немедленного проведения призыва молодежи в систему учебных заведений Гострудрезерва. Оперативно решались многие организационные, материально-технические, бытовые и другие вопросы, касающиеся своевременной подготовки открытия училищ и школ производственного обучения. К концу 1940 г. на местах было в основном завершено развертывание и комплектование сети учебных заведений системы трудовых резервов. Как правило, они создавались при крупных заводах и фабриках, железнодорожных депо, строительных организациях. В результате проведенной в стране мобилизационной работы по реализации данного указа правительства в 1940-1941 гг. в системе Гострудрезервов уже обучалось 602 тыс. человек, в том числе в ремесленных училищах – 308 тыс., в железнодорожных училищах – 37 тыс., в школах ФЗО – 257 тыс. человек[78].

В конце декабря 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР о создании Государственных трудовых резервов», в котором были подведены предварительные итоги призыва молодежи в учебные заведения системы трудовых резервов, вскрыты недостатки, допущенные в некоторых областях страны приемными комиссиями, определены основные задачи подготовки квалифицированных рабочих для промышленности и железнодорожного транспорта в 1941 г. В качестве главных задач системы Гострудрезервов ставилась четкая организация производственного

[77] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. С. 34.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

обучения, установление надлежащей учебной и производственной дисциплины, создание необходимых условий для успешного овладения учащимися осваиваемыми профессиями. Особое внимание уделялось должной организации политико-массовой работы в тесной увязке с остротой оборонных задач, направленной на закрепление контингента[79].

Большой упор в директивных документах Центра в связи с деятельностью системы Гострудрезервов делался на подготовку квалифицированных кадров именно ведущих профессий во избежание распыления внимания на подготовку второстепенных специалистов. Городским, областным, краевым и республиканским Управлениям трудрезервов рекомендовалось в этих целях ежемесячно проводить методические инструктивные совещания педагогов, мастеров и администрации училищ и школ с привлечением руководителей предприятий для обмена опытом по методике преподавания и производственного обучения учащихся. Определялся и план распределения выпускников школ ФЗО первого набора. С учетом нужд в рабочей силе на оборонных предприятиях ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о направлении в авиационную промышленность, на предприятия наркоматов вооружения и боеприпасов, оборонные стройки 50 тыс. молодых рабочих из 430 тыс. заканчивающих обучение в системе Гострудрезервов в 1941 г.[80]

Первый выпуск молодых рабочих в системе Гострудрезервов значительно пополнил ряды рабочего класса страны, но все же не закрыл дефицита в рабочей силе, вызванного потребностями бурно развивающейся экономики и призывами старших возрастов в армию. Более того, обострившаяся международная обстановка, начало второй мировой войны требовали принятия срочных мер по укреплению боеспособности Красной

---

[78] КПСС в резолюциях. Т. 5. С. 452.
[79] Там же. С. 453.
[80] Народное хозяйство СССР. 1922-1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972. С. 355.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Армии, призыву в ее ряды новых контингентов и увеличению контингента резерва рабочих кадров, подготавливаемого взамен мобилизованных. Поэтому весной 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли меры к увеличению количества производственных училищ и призыву в них преимущественно из числа сельской молодежи дополнительно около 140 тыс. человек[81].

Деятельность учебных заведений системы Гострудрезервов второго набора протекала уже в условиях начавшейся Великой Отечественной войны, когда все усилия страны были направлены на отпор агрессору. Созданная в чрезвычайных условиях система подготовки трудовых резервов обеспечивала постоянный приток молодых квалифицированных рабочих в народное хозяйство с учетом потребностей основных отраслей оборонного комплекса. И если вывести за скобки гуманность этой меры, подобная форма подготовки кадров показала свою жизненность в годы Великой Отечественной войны. Когда многие кадровые рабочие ушли на фронт, их место заняли воспитанники трудовых резервов, с честью выполнившие свой долг перед Родиной и внесшие достойный вклад в общее дело разгрома врага.

Таким образом, военная политика советского государства в конце 30-х гг. и ее составная часть – оборонно-массовая работа – была направлена на реализацию оптимальных форм укрепления обороноспособности страны, форм массовой подготовки населения к грядущей и неизбежной войне. Военные отделы партийных комитетов как проводники этой политики были созданы в порядке экстренной меры по исправлению провалов в военной политике и оборонно-массовой работе, в значительной мере связанных в массовыми репрессиями военно-

[81] Кожевников Е.М. Исторический опыт КПСС по руководству Советским государством в предвоенные годы (1936-1941). М., 1971. С. 233.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оборонных кадров в 1937-1938 гг. Их практическая деятельность в значительной мере улучшила состояние и качество оборонной работы, подняла деловитость и организованность оборонно-массовых организаций по военному обучению населения, значительно активизировала работу оборонных комиссий, секций и депутатских групп местных Советов, углубила связи с военными органами и воинскими частями. Оборонная работа, развернутая среди населения СССР под руководством органов партии и государства, помогла создать значительные резервы для Вооруженных Сил страны, подготовить людей к тяжелым испытаниям в военные годы.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Заключение

Военная политика советского государства в 20-е - 30-е гг. составляла одну из приоритетных линий руководства советской страны. На первых порах после выхода из мировой и гражданской войн речь шла не столько об укреплении обороноспособности и независимости страны, сколько о реализации идей мировой революции, в которой СССР отводилась роль катализатора революционных процессов в других странах и фактора моральной поддержки этих процессов. Однако с течением времени все более отчетливо обозначалось враждебное внешнее окружение Советской России и СССР, и идея опоры на собственный материальный, социальный и идейный потенциал в защите завоеваний революции начинала брать верх над революционной романтикой.

В изучении советской военной политики на всех этапах межвоенного двадцатилетия следует избегать двух крайностей. Первая из них характерна для официальной историографии советского периода и связана с абсолютизацией сильных сторон, которых было достаточно в данном направлении деятельности партийно-государственного руководства, при затушевывании явных провалов, недочетов и ошибок. Вторая крайность во всей полноте обозначилась в официально поощряемой историографии и исторической публицистике 90-х гг. и состояла в стремлении разоблачить коммунизм как явление антинародное по своей внутриполитической сущности и агрессивное по внешнеполитической направленности. Поэтому советская военная политика в предвоенный период представлялась как глобальные военные приготовления в ущерб нормальному социально-экономическому развитию страны, провоцирующие постоянную международную напряженность и ставшие в конечном итоге одним из главных факторов второй мировой войны.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Как показано в нашем исследовании, военные приготовления в СССР в 20-е - 30-е гг. действительно имели беспрецедентный размах и социально-экономическое значение. Но это носило вынужденный характер в условиях практически постоянного политического и дипломатического напряжения на мировой арене, разного рода антисоветских провокаций, попыток политических кругов на западе и на востоке сделать политический капитал за счет нашей страны. Развитие Советского Союза в 30-е гг. протекало в условиях мирового экономического кризиса и нарастающей опасности нового масштабного военного конфликта. Ведущие державы мира, стремясь преодолеть кризисные явления путем усиления эксплуатации слаборазвитых стран, не исключали при этом новую агрессию против советского государства. Те же самые силы, которым не удалось ликвидировать республику Советов в годы гражданской войны и военной интервенции, продолжали вынашивать планы ее военного разгрома и включения оккупированных советских территорий в сферу интересов своего капитала.

В 90-е гг. некоторые видные российские политологи при анализе природы мировых конфликтов не могли отказать себе в удовольствии взвалить ответственность за военные катастрофы XX в. на коммунистическую идею и «социалистическую утопию». «Многие разрушительные войны и революции, – пишет А. Илларионов, – были вызваны попытками реализации социалистической утопии, и поэтому их результаты, строго говоря, также следовало бы относить к последствиям социализма»[1]. Тут есть, в чем усомниться, поскольку две самые разрушительные войны XX столетия возникли в основном из-за столкновения интересов капиталистических держав. Германия и страны Антанты в 1914 г., а тем более гитлеровский рейх и правительства ведущих либеральных держав в 1939 г. никаких «социалистических утопий» реализовать не стремились. Социалистическая же составляющая в термине

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

«национал-социализм» не имеет ничего общего с тем, чему новейшие российские ниспровергатели социализма хотели бы объявить крестовый поход.

Международный капитал, попирая все нормы международного права, стремился в течение ряда лет помогать белогвардейцам в их попытках восстановить в России изживший себя политический режим и тем самым реализовать свои сугубо прагматические и корыстные интересы. Ряд современных западных и отечественных историков, политологов и публицистов стремятся разыграть карту «подрывной» деятельности Коминтерна как причины обострения международных отношений и возникновения конфликтных ситуаций в 30-е гг. Но ведь затраты Советской России, а затем Советского Союза на распространение коммунистических идей за рубежом, кстати, не запрещенные международным правом, можно рассматривать и как естественную защитную меру в той плотной атмосфере, которая сгустилась вокруг нашей страны в этот период. Более того, они не идут ни в какое сравнение с громадными расходами западных держав на беззаконную интервенцию против России, а затем на массированную антисоветскую пропаганду в глобальном масштабе.

Большую жизнеспособность показал в 90-е гг. и давно существующий в западной антисоветской пропаганде тезис об односторонней ответственности Советского Союза за драматические события конца 30-х - начала 40-х гг. на его западных и дальневосточных рубежах. Но достаточно фактов в пользу того, что противная сторона если не в большей, то в равной мере ответственна за то, что эти события приняли тогда столь драматический и даже трагический характер. Государства Прибалтики и ряд других территорий, оказавшиеся накануне войны под эгидой СССР, равно как и Польша, стали заложниками известной западной политики умиротворения агрессора, когда Советскому Союзу просто не

[1] Илларионов А. Социализм гарантирует обнищание // Известия. 1997, 4 ноября.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

оставлено было другой возможности укрепления своей обороноспособности и безопасности. Что касается японской агрессии против СССР, тут имеются глубокие исторические корни. Они кроются в претензиях Японии на Ляодунский полуостров и Порт-Артур – ключ к воротам в Маньчжурию в войне против России в 1904-1905 гг., позволивший японскому капиталу закрепиться на азиатском материке и отодвинуть российского соперника от Тихого океана. Так уже в начале XX в. политика Японии на Дальнем Востоке была направлена в ущерб интересам российского государства и преследовала цель закрыть для России на востоке все выходы к Тихому океану и в Азиатско-Тихоокеанский регион, захватить Северный Сахалин, отторгнуть российский Дальний Восток и создать на захваченных территориях «Великую Азию».

В наисложнейшей геополитической обстановке 30-х гг. советское государство, защищая свои национальные интересы и безопасность, было вынуждено вести самую энергичную подготовку к обороне страны от неизбежной агрессии с Запада и Востока, в кратчайшие исторические сроки создавать современную промышленность, не в последнюю очередь оборонную, сильную армию. Если иметь в виду восточные рубежи и регионы, здесь все это приходилось создавать практически на пустом месте. И эта колоссальной сложности историческая задача была решена. Конечно, все это при отсутствии достаточных капиталовложений и мобилизации только внутренних ресурсов не могло не означать резкого сокращения доли потребления в национальном доходе страны, что негативно сказывалось на темпах роста жизненного уровня советского населения.

Достижения в развитии советской экономики в 30-е гг. создали прочный фундамент для укрепления оборонной мощи СССР, строительства современной армии, совершенствования военной техники. В середине 30-х гг. ведущие западные державы поняли, что Советский Союз становится индустриальной и обороноспособной страной, которая может решать

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

крупные экономические проблемы, защищать свои национальные интересы и оказывать существенное влияние на геополитическую ситуацию в мире. Политические деятели Запада стремились отвлечь гитлеровский режим Германии и милитаристскую Японию от проблемы дележа колоний, рынков сырья и сбыта товаров, направляя их растущие аппетиты на Советский Союз. Дипломатия страны Советов уже с 1935 г. настойчиво добивалась создания антигитлеровской коалиции в Европе и пресечения распространения японской агрессии на Востоке. В течение четырех лет она стремилась сформировать антифашистский блок. Но стало ясно, что Запад на это не пойдет, пока на собственном горьком опыте не убедится в опасности и глубокой ошибочности политики умиротворения агрессора.

Только после полного уяснения безнадежности переговоров с Западом, в условиях все более ужесточающегося военного давления со стороны Японии, правительство СССР пошло на подписание пакта о ненападении с гитлеровской Германией, а несколько позже заключило договор о нейтралитете с Японией. Причем заведомо было понятно, что эти отсрочки от войны – ненадолго. Именно осознанием неизбежности войны с Германией можно объяснить естественное желание сдвинуть на запад государственную границу и проведение экстренных мероприятий по укреплению безопасности дальневосточных границ. Все это к тому, насколько правомерна популярная ныне постановка вопроса о советской роли в развязывании второй мировой войны путем заключения пакта Молотова-Риббентропа. Новейшие исследования и материалы вновь подтверждают, сколь заметная роль в этом принадлежит конкурировавшим группам империалистических держав[2].

В сфере развития народного хозяйства Советский Союз в 30-е гг. совершил резкий рывок и по объему и структуре промышленного

[2] См.: Вишлев О.В. Западные версии высказываний И.В. Сталина 5 мая 1941 г. По материалам германских архивов // Новая и новейшая история. 1999. № 1. С. 93-115.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

производства вышел на уровень самых развитых держав мира. Было преодолено качественное отставание советской промышленности. К концу 30-х гг. СССР уже являлся мощной индустриальной державой и располагал крепкой экономической базой для обороны страны. только в 1939 г. выпуск продукции всей промышленности увеличился на 16%, а предприятия наркоматов оборонной промышленности нарастили свое производство на 46,5%. В 1940 г. объем оборонной продукции вырос более чем на треть. Военная промышленность в этот период развивалась в три раза быстрее, чем остальная. Работа отраслей, производящих гражданскую продукцию, строилась с таким расчетом, чтобы их можно было быстро перевести на обслуживание армии и выпуск военной продукции. Фактические и потенциальные возможности промышленности в целом, в том числе и оборонной, позволяли обеспечивать снабжение Вооруженных Сил новейшей военной техникой. Объективность такого вывода подтверждается тем, что даже в ходе Великой Отечественной войны, несмотря на трагический период ее начала, после соответствующей перестройки и мобилизации промышленность давала вооружения для армии гораздо больше, чем вся европейская промышленность, находившаяся под властью гитлеровской Германии.

Говоря о характерных чертах внешней политики советского государства в этот период, отметим сложное переплетение оборонительных и наступательных целей, стратегических и тактических задач, определяемых изменениями в международной обстановке и тесно связанных с внутриполитическими проблемами. В жизни общества сочетались реальные достижения в созидательной деятельности (укрепление обороноспособности страны, вера немалой части населения в социалистическую перспективу) с явлениями откровенного произвола авторитарно-бюрократического режима. Социальная политика также была связана с курсом на форсированное укрепление военной мощи страны. После некоторого улучшения

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

жизненного уровня советских людей в годы второй и начала третьей пятилеток с конца 1939 г. начинается его снижение по всем показателям.

Большое значение в укреплении обороноспособности СССР в исследуемый период сыграли успехи советской дипломатии в начале 20-х гг., положившие начало рапалльскому периоду в политическом и военно-техническом сотрудничестве СССР и Германии. И хотя это сотрудничество было резко прервано приходом к власти Гитлера, оно сыграло значительную роль в истории советской военной политики, которую можно оценить по достоинству, только вспомнив, сколь бедственным было экономическое положение Советской России по выходе из мировой и гражданской войн и сколь жесткой была дипломатия западных государств, направленная на изоляцию России и оказание постоянного давления в направлении реализации интересов Запада за счет СССР. Не все было однозначно и гладко в истории военно-политического сближения двух стран, однако многое удалось и той и другой стороне за счет этого сближения в реализации основных направлений своей военной политики.

Возможность применения германских технологий, вооружений, знакомства с опытом вермахта в проведении военных операций явились одним из факторов принятия и постоянной корректировки советской военной доктрины 20-х и 30-х гг. Особое значение в этом деле имело правильное определение характера будущей войны, тех вооружений и родов войск, которым предстоит решать судьбу будущих сражений. История показала, что советское руководство в целом правильно определило стратегию развития Вооруженных Сил, военной техники, стратегии и тактики, сумев извлечь из сотрудничество с Германией в военной области значительную пользу. Правда, сдерживающим моментом здесь явилась идеология, которая исходила из классового характера грядущей войны, переоценивала ту поддержку, которую могут оказать рабоче-крестьянскому государству братья по классу стран-агрессоров. Долгое время советское

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военное руководство не хотело видеть, насколько снижается роль конницы в современной войне. Очевидно, и здесь революционная романтика дала о себе знать. Переоценивалось и значение наступательных операций для Красной Армии в будущей войне в ущерб обороне, о которой и говорить и писать было небезопасно. Хотя широко распространенное в идеологии и политико-воспитательной работе представление о победоносном характере этой войны для СССР имело и свою положительную сторону, поскольку работало на моральную готовность рядового советского гражданина, политического и армейского руководителя каждого уровня сделать все от него зависящее для достижения победы над будущим агрессором.

Анализируя уровень обороноспособности страны на каждом конкретном этапе исследуемого периода, чрезвычайно важно рассматривать проблемы духовного потенциала народа, степени его моральной готовности к отражению агрессии. В официальной пропаганде 30-х гг. ведущее место занимал тезис о морально-политическом единстве советского народа. В обстановке нарастания угрозы войны многие факторы воздействовали на духовную атмосферу в стране. Партийно-политическое руководство особое внимание уделяло воспитанию и укреплению чувства патриотизма, готовности защитить Родину от агрессии, пропаганде преимуществ социализма. В средствах массовой информации с глубоким оптимизмом освещались боевые и трудовые дела советских граждан. Активную деятельность под руководством партийных комитетов развернули оборонные общества. В целом к концу 30-х гг. народ готов был защищать свою страну и свою веру в светлое будущее.

Однако зачастую действительность вступала в конфликт с провозглашаемыми идеалами. То, что в официальной идеологии и пропаганде называлось «окончательной ликвидацией остатков эксплуататорских классов», на деле выливалось в жестокие репрессии против значительной части крестьянства и интеллигенции. Лозунги

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

демократизации и «самой демократической в мире Конституции» провозглашались на фоне такого размаха массовых арестов и травли «врагов народа», при котором исключалась сама возможность критики существующих порядков. В начале 1941 г. количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составляло около двух миллионов человек, из которых свыше 20% были осужденные по политическим мотивам. Деформировалось само чувство Родины у миллионов переселенцев-раскулаченных. Репрессии 1937-1938 гг. значительно ослабили боевой дух и боеспособность армии. На место репрессированных спешно назначались менее подготовленные кадры. В 1939 г. перемещениями было затронуто около 70% всего командного состава РККА. Высшие и средние командные посты зачастую занимали слабо подготовленные младшие офицеры, как правило, не имевшие боевого опыта. В конце 30-х гг. советские Вооруженные Силы находились в стадии организационной и технической перестройки, которая проводилась форсированными темпами, не всегда последовательно и обоснованно, что не могло не сказаться на боеготовности войск. Таким образом, духовный потенциал советского общества накануне войны характеризуется неоднозначно.

Тем не менее, можно без всякой натяжки сказать, что, несмотря на материальные трудности и политическую напряженность жизни советского народа в 30-е гг., его морально-политический потенциал был довольно высоким. Большинство советских людей и воинов Красной Армии по праву гордились своей страной. Работа идейно-пропагандистской машины обернулась глубокой уверенностью советских граждан в том, что враг будет разгромлен «малой кровью, могучим ударом», что воевать мы будем на чужой территории до полной и неизбежной победы. Эта тема доминировала в пропаганде 30-х гг. Основой морального потенциала народа и армии был советский патриотизм, вера в превосходство социализма как экономической и политической системы. Однако не менее важную роль в поддержании

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

этого потенциала играла и жесткая государственная, идеологическая и воинская дисциплина. В 30-е гг. политическим режимом был создан активно действующий идеологически отмобилизованный партийно-политический и репрессивный аппарат, способный поддерживать, часто самыми жестокими методами, функционирование государственного механизма, обеспечивать мотивацию огромного большинства населения, крепить моральный дух армии и тыла, держать советский народ в постоянной военно-мобилизационной готовности.

Советскому партийно-политическому руководству на протяжении периода 30-х гг. в условиях гигантской социальной, экономической, политической и идейно-культурной перестройки общества в целом удавалось не только сохранить, но и упрочить социальную базу нового общества. Отношение народных масс к «сталинской революции» было в основном позитивным. Причины этого достаточно многообразны, но главное, на наш взгляд, заключалось в том, что, во-первых, Сталин на практике доказывал, что СССР в кратчайший срок в условиях возрастающей опасности военной агрессии со стороны ведущих держав мира может превратиться из аграрной страны в индустриальную державу, что было не под силу ни одному из реформаторов дооктябрьской России; во-вторых, политическое руководство сознательно поддерживало режим высокой социальной мобильности, которая позволяла подниматься по социальной лестнице миллионам людей, прежде и не помышлявшим о такой возможности.

В настоящее время острые споры среди историков, политологов, публицистов ведутся о цене экономических, военно-оборонных успехов, огромных возможностей социального роста во второй половине 30-х гг. Историки, стоящие на абстрактно-гуманистической точке зрения, считают эту цену страшной, преступной и ни в коей мере не оправданной. Репрессии в отношении крестьянства, политической, хозяйственной, интеллектуальной

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

и военной элиты, очевидно, только так и могут быть оценены. Но для понимания советского общества 30-х гг., объективного его анализа важен и вопрос о том, как относились к этой цене миллионы рядовых граждан, а также те сотни и сотни тысяч далеко не рядовых советских граждан, чьей сознательной и активной деятельностью осуществлялись все эти перестройки, реформы и репрессии. Такая постановка вопроса выводит на необходимость осмысления политической культуры, социокультурных характеристик, менталитета граждан сталинского СССР. Эти проблемы пока анализируются в отечественной историографии явно недостаточно. Однако можно с уверенностью утверждать, что цена «сталинской революции» воспринималась современниками этой революции совсем иначе, чем она воспринимается сегодня. Тогда проблема «цены» вообще не ставилась, и «абстрактный гуманизм» в оценках происходящих в советской стране процессов отвергался и клеймился официальной пропагандой, в целом благоприятно воспринимаемой широкими массами.

Дополнительным аргументом против абстрактно-гуманистических подходов к проблемам внутренней политики в СССР в 30-е гг. была очевидная опасность быть втянутыми в войну на два фронта. Советскому руководству приходилось всемерно укреплять дальневосточные рубежи страны и создавать в этом регионе практически на пустом месте материальную базу обороны, размещать значительные армейские контингенты, создавать Тихоокеанский флот, строить оборонные объекты, проводить оснащение войск новейшими вооружениями и техникой. Решение всех этих проблем без проведения энергичной переселенческой политики и ее идеологического обеспечения было совершенно невозможно. Сколь ни мрачно это звучит, но большую роль в осуществлении этих планов сыграли и спецпереселенцы, размещением и деятельностью которых руководили органы НКВД. Все это позволило перейти в середине 30-х гг. к «жесткой»

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

военной политике срыва агрессивных замыслов японской военщины, которая привела к крупному поражению японских войск на Халхин-Голе.

Анализ военной политики советского руководства в 20-е и особенно в 30-е гг. говорит о том, что военно-оборонные мероприятия проводились в духе стратегии активной обороны, предполагавшей не только отражение отдельных актов агрессии противника, но и разгром его военных формирований в случае массированного нападения. Свидетельством реализации подобной стратегии являются боевые действия советских войск у озера Хасан и у реки Халхин-Гол, а также совеско-финляндская война 1939-1940 гг. и перенос западных границ СССР в тот же период. Открытая приверженность советской стороны стратегии активной обороны сыграла свою роль в выборе японским командованием во второй половине 1941 г. объектов первоочередного нападения и переориентации его агрессивных устремлений с северного на южное направление.

В боевых действиях конца 30-х гг. выковывался полководческий талант Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, К.А. Мерецкова и других видных военачальников, которым предстояло своими искусными и решительными действиями определять ход и исход грядущих глобальных сражений Великой Отечественной войны как главного театра военных действий второй мировой войны. Огромный размах дипломатических, общественно-политических, социально-экономических и оборонительных мероприятий, проведенных Советским Союзом в 20-е - 30-е гг., показывает, насколько многообразной, зачастую довольно жесткой и жестокой была деятельность руководства страны по мобилизации народа на оборону страны и отражение агрессии. Но именно эта работа дала возможность превратить страну в боевой лагерь, слить воедино фронт и тыл, без чего был бы немыслим будущий разгром немецко-фашистских полчищ в длительной и изнурительной войне на западном фронте и самый решительный и эффективный срыв агрессивных планов японского милитаризма на востоке.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Одной из модных тем в нынешней публицистике является утверждение о том, что военная политика советского правительства в 30-е гг., остро направленная на создание форсированными темпами и за счет неимоверных лишений мощной «оборонки», достигла своей цели ценой огромных перекосов в экономическом и социальном развитии страны. Пишут о том, что в послевоенный период ускоренное развитие советского военно-промышленного комплекса, удельный вес которого в экономике страны был неимоверным, явилось инерцией и неизбежным следствием всей логики предвоенного социально-экономического развития СССР. И поэтому столь трудным стало вхождение теперешней российской экономики в рынок, т.к. отрасли ВПК, удельный вес которых в экономике российских регионов доходит до 60%, трудно реформируемы, громоздки, плохо вписываются в рыночные отношения. Но это, как и проведение в оптимальных формах реформирования Вооруженных Сил, – проблемы нынешнего поколения руководителей России, которые пока, как показывает практика, не в состоянии разумно распорядиться военно-оборонным наследием старших поколений. Нельзя забывать, что экономический и оборонный потенциал страны создавался чрезвычайным напряжением сил поколения советских людей 30-х гг., что в тот период советское руководство доказало своей военной политикой способность решать сложнейшие задачи укрепления военного могущества страны и достойного отпора внешней агрессии, несмотря на все издержки, недочеты и просто ошибки этой политики. Это диктует уважительное отношение к истории отечественной военной политики, без которого невозможна адекватная военная политика современной России.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

Список источников и литературы

I. Архивные фонды

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ):

фонд 7867 ГАРФ. Ф. 5475. 8418 ГАРФ. Ф. 5446.

2. Российский государственный архив социальной и политической истории (РГАСПИ):

фонд 17; фонд 21; фонд 76.

3. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА):

фонд 37462; 33879.

4. Российский государственный военный архив (РГВА):

фонд 31986; 7; 25883; 31983; 25880; 31988; 33987; 37977; 4; 32871; 40442; 31863.

5. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ):

фонд 04; 05; 082; 0165.

6. Российский государственный экономический архив (РГАЭ):

фонд 2097; 7; 7733.

7. Архив Министерства обороны Российской Федерации (Архив МО РФ):

фонд 1; 7.

8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ):

фонд 2279.

9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК):

фонд 2.

10. Архив военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС):

фонд 6р; 7р; 8р.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

II. Опубликованные документы.

1. III сессия ЦИК Союза ССР 6-го созыва. Стенографический отчет 23-30 января 1933 г. М., 1933.

2. VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975.

3. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): 26 января-10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934.

4. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.

5. Архив новейшей истории России: т. 5. Приказы НКВД СССР. 1934-1941 г.г.: Каталог рассекреченных документов Гос. Архива Рос. Федерации. Новосибирск. 1999.

6. Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., 1998.

7. Большевистское руководство. Переписка. 1928-1941. М., 1999.

8. Версальский мирный договор. М., 1925.

9. Внешняя политика СССР. Сб. документов. Т. 4. (1935 - июнь 1941). М., 1946. С. 340-346.

10. Ворошилов К.Е. Статьи и речи от XVI до XVII съездов ВКП(б). М., 1934.

11. Временный полевой устав РККА. М., 1936.

12. Временный полевой устав РККА. Часть II (дивизия и корпус). М., 1926.

13. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1924.

14. Второй отчет СТО республики (за октябрь – декабрь 1921 года). Петроград, 1922.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

15. Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. Казань. 1997.

16. Год кризиса. 1938 – 1939. Документы и материалы: в 2-х т. М., 1990.

17. Гриф секретности снят: потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: (Статистическое исследование). М., Воениздат, 1993.

18. Декреты советской власти. В 4-х томах. М., 1957.

19. Десять лет советской науки. Сборник статей. //Под общ. ред. В.И. Петрова. Л., 1927.

20. Директивы командования фронтов Красной Армии (1917-1922 гг.). М., 1978. Т. 4.

21. Директивы КПСС и Советского Правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1,2. М., 1957.

22. Документы внешней политики СССР. В 24 т. М., 1974-1978. Т. 1. М., 1957; Т.16. М., 1970; т. 21 М., 1977; Т. 22. М., 1992; Т. 23. Кн. 1. М., 1995; Кн. 2. М., 1998.

23. Документы и материалы кануна второй мировой войны 1937-1939. В 2 ч. М., 1981.

24. Дух Рапалло. Советско-германские отношения 1925-1933. Екатеринбург, Москва, 1997.

25. Зимняя война. 1939-1940. Кн. 1-2. (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б).) М., 1998.

26. Канун и начало войны. Документы и материалы. –Лениздат, 1991.

27. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

28. Коммунистический Интернационал в документах. 1919-1932. М., 1933.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

29. Коммунистический Интернационал в документах. 1919-1932. М., 1933.

30. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2-4. М., 1983-1984.

31. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы, 1917-1981. М., 1982.

32. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Сб. документов (1917-1958). М., 1958.

33. Ленин В.И. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря [1920 г.] // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 104.

34. Ленин В.И. Записка В.М. Молотову для Политбюро ЦК РКП(б) [16 января 1922 г.] // Полн. собр. соч. Т. 54. С. 117.

35. Локарнская конференция 1925 г.. Документы. М., 1959.

36. Лондонская конференция (16 июля - 16 августа 1924 г.). М., 1925.

37. Молотов В.М. Внешняя политика Советского Союза. Доклад на заседании VII Сессии Верховного Совета Союза ССР 1 августа 1940 г. М., 1940.

38. Народное хозяйство СССР в цифрах (1930 –1938). М, 1940.

39. Народное хозяйство СССР. 1922-1977. М., 1977.

40. Общая технико-экономическая и социальная характеристика промышленности СССР. М., 1929.

41. Орджоникидзе Г.К. Об итогах работы за 1931-1934 годы. Доклад на 7 съезде советов. М., 1935.

42. Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 год. М., 1922.

43. Отчет народного комиссариата по военным делам за 1921 год. М., 1922.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

44. Отчет народного комиссариата по военным и морским делам 1922/23 годы. М., 1925.

45. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936. Сборник документов. М., 1995.

46. Полевой устав Красной Армии. 1939. (ПУ-39). Проект. М., 1939.

47. Полевой устав РККА. 1940. (ПУ-40). М., 1940.

48. Промышленность СССР (1913-1975 г.г.). Статистический сборник. М., 1976.

49. Пятнадцатый Съезд ВКП(б): Стенографический отчет. Декабрь 1927 года. Т. 1., 2. М., 1962.

50. Рейхсвер и Красная Армия. Документы из военных архивов Германии и России 1925-1931. Москва, Кобленц, 1995.

51. РККА накануне войны. Новые документы // Советские архивы. 1991. № 4.

52. Собрание законов рабоче-крестьянского правительства. М., 1932.

53. Советский Союз в борьбе за разоружение. Сборник документов. М., 1977.

54. Советско-германские отношения. От переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. II (1919-1922 гг.) М., 1971.

55. Советское руководство. Переписка. 1928-1941. М., 1999.

56. СССР – Германия. 1939-1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. Нью-Йорк, 1983.

57. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938г. – август 1939г.) Документы и материалы. М., 1971.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

58. СССР. Финансовое управление РККА. Положение о планировании финансирования НКО. М.- Л., 1934.

59. СССР. Народный комиссариат оборонной промышленности. Инструкция по составлению плана снабжения на 1939 год. М., 1938.

60. СССР. Народный комиссариат обороны. Финансовый отдел. Положение о планировании, финансировании, учете и отчетности. М., 1937.

61. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995.

62. Третья сессия Верховного Совета СССР, 25-31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.

63. Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992.

64. Фрагменты стенографии декабрьского пленума при ВКП(б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1.

65. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.- Л., 1930.

66. Шухарин С.В. Документы по истории науки и техники (1917-1941). М., 1979.

III. Труды государственных, партийных и военных деятелей, мемуары, публицистика

1. Баграмян Н.Х. Так начиналась война. М., 1999.

2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1997.

3. Ванников Б.Л. Кузница Победы. М., 1971.

4. Ванников Б.Л. Оборонная промышленность СССР накануне войны (из записок наркома) // Вопросы истории. 1968. № 10.

5. Василевский А.М. Дело всей жизни. 5-е изд. М., 1984.

6. Вацетис И.И. О военной доктрине будущего. М., 1923.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

7. Возвращенные имена. Сборник публицистических статей в 2-х книгах. М., 1989.

8. Волкотрубенко И.И. Служба боевого снабжения войск. Краткий исторический очерк. Пенза, 1966.

9. Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1963.

10. Ворошилов К.Е. Оборона СССР. М., 1937.

11. Галицкий К.И. В годы суровых испытаний. М., 1973.

12. Горшков С.Г. Морская мощь государства. М., 1979.

13. Глушков В.П. Путь к ракетной технике. М., 1977.

14. Гриневский О. Тайны военной дипломатии. М., 1998.

15. Грабин В.Г. Оружие Победы. М., 1989.

16. Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. Вып. 1. М.: Научная книга, 1997. Вып. 2. М., 1999.

17. Емельянов В.С. На пороге войны. М., 1971.

18. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 11-е изд. дополненное по рукописи автора. В 3-х томах. М., 1992.

19. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1976.

20. Каменев С.С. Записки о гражданской войне и военном строительстве: избранные статьи. М., 1963.

21. Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964.

22. Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М., 1963.

23. Кузнецов Н.Г. Накануне. 3-е изд., доп. М., 1989.

24. Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: из записок адмирала. М., 1995.

25. Мерецков К.А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1968.

26. Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. М., 1988.

27. Покрышкин А.И. Небо войны. М., 1968.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

28. Пятницкий В.И. Заговор против Сталина. М., 1998.

29. Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989.

30. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953.

31. Судоплатов П. Спецоперации Лубянки и Кремля. 1930-1950 годы. М., 1997.

32. Тухачевский М.Н. Избранные произведения. М., 1964.

33. Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960.

34. Устинов Д.Ф. Во имя Победы. М., 1988.

35. Федоров, В.Г. Оружейное дело на грани двух эпох. Работы оружейника 1900-1935 гг. Л., 1938.

36. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984.

37. Черчилль У. Мировой кризис: Перевод с англ. М.-Л., 1932.

38. Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982.

39. Шахурин А.И. Крылья Победы. М., 1984.

40. Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. М., 1968.

41. Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981.

IV. Периодические издания

1. Авиация и космонавтика. 1997. №3.

2. Большевик. 1936. № 21; 1937. № 5-6, № 11, № 15, № 23-24.

3. Власть советов. 1936. № 23.

4. Военная мысль. 1936. № 21; 1937. № 5-6; 1939. № 12.

5. Военно-исторический журнал. 1971. № 2; 1990. № 1.

6. Война и революция. М., 1927. № 2; 1930. Кн. 6; 1931. Кн. 5, 8, 10-11, 12; 1932. Кн. 3; 1933. Сентябрь-октябрь; 1934. Сентябрь-октябрь.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

7. Известия. 1948, 19 февраля; 1999. 21 января.

8. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4; 1990. № 1.

9. Красная Звезда. 1940, 13, 30 ноября; 1990, 25 ноября.

10. Правда. 1921, 15 октября; 1926, 16 декабря; 1927; 4, 5 января; 1928, 4 апреля; 1931. 25 сентября; 1931, 18 октября; 1931, 10 декабря; 1932, 13 декабря; 1936, 10, 28 января, 9, 24 февраля, 10, 30 марта, 4, 7, 15, 21, 13, 25 апреля, 11, 20, 26 мая, 14, 29 июля, 1, 10, 13, 14, 16, 19 августа, 2, 3, 16 сентября, 15, 16 ноября, 12, 25 декабря; 1937, 29, 30 марта, 10 августа; 1938, 3, 4, 5, 6 марта, 4, 6 мая; 1940, 20 июля, 7 декабря; 1988, 29 апреля.

11. Советское строительство. 1937. № 1 (126).

12. Тревога. 1929, 21 сентября; 1930, 5, 25 апреля, 21 октября, 21 ноября; 1940, 6 марта, 19 декабря.

V. Монографии и статьи

1. Аксенов Н. Он покорял всех (к 125-летию В.Г. Федорова) // Оружие. 1999. № 4.

2. Алаториева А.И. Советская историческая периодика 1917-середины 1930-х годов. М., 1989.

3. Алгазин А.С. Обеспечение воздушных операций. М.-Л., 1928.

4. Алдан-Семенов А.И. Слово о командарме (Об И.П. Уборевиче). М., 1981.

5. Алексеев В.Н. СССР накануне Великой Отечественной войны: военно-промышленный потенциал и кадры. М., 1999.

6. Алимурзаев Г. Щит или меч? К истории советской военной доктрины // Международная жизнь. 1989. № 4.

7. Аникин Б.А. Управление процессом создания технических комплексов оборонной промышленности в условиях конверсии. М., 1990.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

8. Анисимов, Л.Н. Мюнхенский сговор 1938 года и некоторые проблемы европейской безопасности в конце XIX века // Дипломатический вестник. 1999. № 10. С. 58-63.

9. Анисков В.Г., Хаиров А.Р. История военно-промышленного комплекса России в региональном аспекте: от начала Первой мировой войны до окончания Второй мировой войны на примере Верхнего Поволжья. Ярославль, 1996.

10. Анфилов В.А. Бессмертный подвиг. (Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны). М., 1971.

11. Афиногенов Д.А. Развитие системы военной безопасности СССР в предвоенный период // Геополитика и безопасность. 1996. № 4.

12. Ахтамзян А.А. Рапаллская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922-1933 гг. М., 1974.

13. Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии. 1920-1933. // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

14. Баланс сил в мировой политике: теория и практика. М., 1993.

15. Балинская Л.Н. Военно-промышленные корпорации и перспективы конверсии на современном этапе. М., 1980.

16. Баранов П.А., Хромов В.Г. 50 лет ЦНИИИ Министерства обороны России // Вооружение. Политика. Конверсия. 1997. № 1.

17. Барсуков Е.З. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926.

18. Бартенев С.А. Экономика как объект вооруженной борьбы. М., 1967.

19. Бартенев С.А. Экономическое противоборство в войне. М., 1986.

20. Баторский М.А. Подготовка плана войны и операций: Работа высших штабов и командования. М., 1921.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

21. Бахирев В.В., Кириллов И.И. Конструктор В.А., Дегтярев. М., 1983.

22. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 1999.

23. Белов П.А. Вопросы экономики в современной войне. М., 1951.

24. Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). М., 1958.

25. Берхин И.Б. О территориально-милиционном строительстве в Советской Армии // Военно-исторический журнал. 1960. № 12.

26. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917-1941. М., 1992.

27. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. 2-е доп. изд. М., 1967.

28. Бойцов В.В. Секретные лаборатории рейхсвера // Армия. 1992. № 2.

29. Бойцов В.В. Рейхсвер и Красная Армия // Красная звезда. 1990, 25 ноября.

30. Бондаренко В.М. Современная наука и развитие военного дела. М., 1976.

31. Бугров Е.В. Конверсия: концептуальные и практические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 6.

32. Быстров В. Создатель миномета // Армейский сборник. 1995. № 11.

33. Быстров Е.Ф. Деятельность коммунистической партии по подготовке кадров оборонной промышленности в годы предвоенных пятилеток (1928-1941 г.г.). По материалам судостроения. М., 1976.

34. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: теория, история, реальность // Свободная мысль. 1997. № 6.

35. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1970.

36. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

37. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедия. М., 1985.

38. Викторов Б. «Заговор в Красной Армии» // Правда. 1988, 29 апреля.

39. Виноградов Н.С. Противовоздушная оборона крупного центра. М., 1941.

40. Военно-блоковая политика империализма: История и современность. М., 1980.

41. Военные вопросы в документах КПСС и Советского государства: Аннотированный библиографический указатель. М., 1980.

42. Война будущего. М., 1925.

43. Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1990.

44. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х т. М., 1989.

45. Вольпе А.М. Фронтальный удар: Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. М., 1931.

46. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917-1940г.г.). М., 1992.

47. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 г.г. М., 1999.

48. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967.

49. Гамс Э. Так создавался противохимический щит РККА // Военный вестник. 1993. № 11.

50. Гарнетт Ш. Медведь, застрявший в Великой тесноте, или Ограничения российской мощи // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 1.

51. Геополитика и безопасность. Военная история и культура. М., 1996.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

52. Глуховский С. Роль и задачи массовых оборонных организаций в укреплении обороноспособности Советского Союза. Ростов-на-Дону, 1941.

53. Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1.

54. Горлов С.А. Совершенно секретно. Москва – Берлин. 1920-1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999.

55. Горлов С.А. Советско-германское военное сотрудничество в 1920-1933 гг. // Международная жизнь. 1990. № 6.

56. Горлов С.А., Ермаченков С.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе // Военно-исторический журнал. 1993. № 5, 6, 7.

57. Городецкий Г. Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2000.

58. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сб. материалов. М., 1995.

59. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993.

60. Давидович Д.С. Революционный кризис 1923 г. в Германии и Гамбургское восстание. М., 1963.

61. Данилов Н.А. Экономика и подготовка к войне. М., 1926.

62. Дайнес В. История военной стратегии России. М., 1999.

63. Демиденко А. Расизм на службе империализма. М., 1954.

64. Десять лет советского судостроения. Л., М., 1932.

65. Дмитриев В.И. Советское подводное кораблестроение. М., 1990.

66. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

67. Дубинский И.В. Примаков. М., 1968.

68. Дуэ Д. Господство в воздухе: Сборник трудов по вопросам воздушной войны: Перевод с итал. М., 1936.

69. Дынин И.М. Творцы советского оружия. М., 1989.

70. Жилин П.А. О войне и военной истории. М., 1984.

71. Зайончковский А.М. Лекции по стратегии, прочитанные на военно-академических курсах высшего комсостава в Военной Академии РККА в 1922-1923 г. М., 1923.

72. Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 - июнь 1941 г. М., 1992.

73. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1990.

74. Зверев Б.И., Куманев Г.А. О военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии // Вопросы истории. 1991. № 39.

75. Земсков В.Н. Кулацкая ссылка в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 1.

76. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества. Историко-правовое исследование. 2-е изд., доп. М., 1998.

77. Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.

78. Иовлев А.М. Деятельность КПСС по подготовке командных кадров. М., 1968.

79. Иссерсон Г.С. Новые формы обороны: (Опыт исследования современных войн). Вып. 1. М., 1940.

80. История внешней политики СССР. Т. 1, 1917-1945 гг. М., 1980.

81. История военной стратегии России. М., 2000.

82. История войны на Тихом океане. Т. 1. Агрессия в Маньчжурии: Перевод с япон. М., 1957.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

83. История второй мировой войны 1939-1945: В 12-ти томах. М., 1973. Т. 1, 2.

84. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1, 1917-1939 гг. М., 1967.

85. История отечественной артиллерии. М.-Л., 1964. Т. 3. Кн. 8.

86. История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 2. М., 1974.

87. История создания и развития Генерального штаба. М., 1992.

88. Какурин Н.Е. Характер и метод нашей военно-научной работы // Военный вестник. 1922. № 3.

89. Казаков М.Н. Над картой былых сражений. М., 1971.

90. Кен О.Н., Рупасов А.И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними странами (конец 1920-1930-х г.г.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 - июнь 1934. СПб, 2000.

91. Кимин Ю.М. Карелия в политике советского государства: военно-стратегические, дипломатические и экономические аспекты. 1920-1941 гг.: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2000.

92. Кобляков И.А. От Бреста до Рапалло: Очерки истории советско-германских отношений с 1918 по 1922 гг. М., 1954.

93. Ковалев И.В. Советский железнодорожный транспорт (1917-1947). М., 1947.

94. Коен Д. Военная экономика Японии. Пер. с англ. - М.:Иностр. литература, - 1951.

95. Кожевников Е.М. Исторический опыт КПСС по руководству Советским государством в предвоенные годы (1936-1941). М., 1971.

96. Кокошин А.А. Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 года. М., 1995.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

97. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969.

98. Корягин А.А. Военно-техническое развитие Вооруженных сил: сущность, тенденции, противоречия. Ростов-на-Дону, 1992.

99. КПСС – организатор защиты социалистического Отечества. М., 1977.

100. Кривошеев Г.Ф. Война брони и моторов // Военно-исторический журнал. 1991. № 4.

101. Кулешова Н.Ю. Военно-доктриальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной Армии конца 1930-х годов // Отечественная история. 2001. № 2.

102. Кульбакин В.Д. Милитаризация Германии в 1928-1930 гг. М., 1954.

103. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. Откровенные свидетельства: встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.

104. Лельчук В.С. Опыт социалистической индустриализации в СССР. М., 1987.

105. Лемин Н. Пропаганда войны в Японии и Германии. Минск, 1934.

106. Летопись строительства Советских Вооруженных Сил. 1923-1932 годы // Военно-исторический журнал. 1970-1978.

107. Логинов А.А. В авангарде организационной работы: ДОСААФ. М., 1981.

108. Локшин Э.Ю. Очерки истории промышленности СССР (1917-1940). М., 1956.

109. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1956.

110. Мальцев В.Н. Деятельность СТО по осуществлению военной политики коммунистической партии в период строительства социализма в СССР (1920-1937). М., 1990.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

111.Мамаева Н.Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919-1929. М., 1999.

112.Мартынов В.Ф. Коммунистическая партия в борьбе за упрочение и развитие социалистического общества, усиление обороноспособности страны (1937 - июнь 1941 года). М., 1966.

113.Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Личный архив Сталина – засекречен или ликвидирован? // Вопросы истории. 2001. № 3.

114.Мишанов С.А., Захаров В.В. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1921-1933 гг.: Анализ западной историографии. М., 1991.

115.Мовчин Н. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М.- Л., 1928.

116.Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М., 1958.

117.Невежин В.А. Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х - начало 40-х г.г.). Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1999.

118.Нарочницкий А.Л. (ред.) СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933-1945 гг. 2-е изд., дополненное. М., 1986.

119.Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939-1941 гг. М., 1997.

120.Нежинский Л.Н. Была ли военная угроза СССР в конце 20-х - начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 6.

121.Нежинский Л.Н. Советская внешняя политика 1917 – 1945 гг. М., 1992.

122.Нессен Г.Д. Деятельность коммунистической партии по укреплению обороноспособности СССР в годы второй пятилетки (1933 – 1937 гг.). М., 1977.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

123.Никитин А. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1960. №3.

124.Никитин Е.Ф., Комал Ф.Б. Деятельность коммунистической партии по укреплению обороноспособности СССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 гг.). М., 1982.

125.Никольский А.К. Техника войны. Войны прошлого, настоящего и будущего. М., 1926.

126.Обертас И.Л. Командарм Федько. М., 1973.

127.Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. М., 1992.

128.Опёнкин Л.А. Научно-техническая политика КПСС в 1917-1982 гг. М., 1990.

129.Орлов Б.М. В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4.

130.Осьмачко С.Г. Красная Армия в локальных войнах и конфликтах (1929 - июнь 1941): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ярославль, 1999.

131.Падерин А.А. Исторические корни военной стратегии России // Военно-исторический журнал. 2001. №2 (490).

132.Партия и армия. М., 1977.

133.Пожаров А.И. Экономические основы оборонного могущества социалистического государства. М., 1981.

134.Полежаева В.И. История предприятий СССР (1917-1978 г.г.). М., 1979.

135.Поликарпов В.В. Из истории военной промышленности России. М., 1979.

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

136.Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8.

137.Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М., 1931.

138.Проэктор Д.М. Оруженосцы третьего рейха. Германский милитаризм 1919-1939 гг. М., 1971.

139.Пусько В.С. Научно-техническая политика советского государства как фактор укрепления его экономической и оборонной мощи. М., 1986.

140.50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1969.

141.Развитие тыла советских Вооруженных Сил (1918 – 1988 гг.) М., 1989.

142.Рагинский М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М.-Л., 1954.

143.Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.

144.Реформы в Российской армии и оборонное строительство: история и современность (опыт, проблемы, перспективы): Сборник статей. СПб, 1999.

145.Рогов С. Россия и США на пороге XXI века // Свободная мысль. 1997, апрель.

146.Розенфельд С.Я., Клименко К.И. История машиностроения СССР. М., 1961.

147.Россия и Германия в Европе. М., 1998.

148.Россия и Германия в XX веке. Воронеж, 1999.

149.Рубин А.М. Органы управления промышленностью СССР (1917 – 1967 гг.). М., 1969.

150.Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1).

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

151.Рыжаков А. К вопросу о строительстве бронетанковых войск Красной Армии в 30-е годы // Военно-исторический журнал. 1968. № 8.

152.Савушкин Р.А. Развитие советских вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период. 1921-1941 гг. М., 1989.

153. Саркис Ю. Три опыта - три победы ленинградского пролетариата \\ С предисловием Г.Е. Зиновьева. - Л.: 1925.

154.Свечин А.А. Стратегия. М., 1927.

155.Севастьянов Г.Н. Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке. 1931-1939. М., 1953.

156.Севастьянов Г.Н. Обострение советско-американских отношений летом 1935 г.: причины и последствия // Новая и новейшая история. 1998. № 6.

157.Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947.

158. Сейранян Ф.Г. Роль Г.К. Орджоникидзе в осуществлении политики коммунистической партии по укреплению обороны страны.- М.:ВПА, 1988.

159.Серебрянников В. Армия в меняющемся мире // Свободная мысль. 1998. № 2.

160.Серебренников В.В. Социология войны. М., 1998.

161.Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

162.Сидельников И.А. Тяжелая индустрия – основа несокрушимой обороноспособности СССР. М., 1959.

163.Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

164.Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936-1939 гг. М., 1987.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

165.Складнев Г.М. Значение и развитие науки и техники для укрепления экономического и военного могущества СССР (1928-1941 гг.). М., 1961.

166.Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1978.

167.Советские воздушно-десантные: Военно-исторический очерк. М., 1986.

168.Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978.

169.Советские Вооруженные Силы, 1918-1988. М., 1988.

170.Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии. М., 1997.

171.Сувениров О.Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1991. № 6.

172.Советские вооруженные силы: история строительства. М., 1978.

173.Солнышков Ю.С. Теоретические основы подготовки промышленности к функционированию в экстремальных условиях. М., 1988.

174.Сонкин М.Е. Русская ракетная артиллерия: Исторические очерки. М., 1952.

175.Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937-1938. М., 1998.

176.Суворов В. Ледокол. Кто начал вторую мировую войну. М., 1992.

177.Тыл Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1977.

178.Ферсман А. Война и стратегической сырье. М., 1941.

179.Фишман Я.М. Военно-химическое дело. М., 1929.

180.Хаиров А.Р. Становление и функционирование ВПК от зарождения до окончания Второй мировой войны: Автореферат

https://warlib.site/
https://t.me/warlib_site

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 1995.

181.Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959.

182.Халипов В.Ф. Военная политика КПСС. М. 1988.

183.Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане: Перевод с англ. М., 1954.

184.Химические войска Советской Армии. М., 1987.

185.Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

186.Хлевнюк О.В. 1937-й год: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

187.Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993.

188. ЦемаВ.И. Военно-экономические отношения современного империализма. - М.: ВПА, 1991.

189.Цытович Н.П. Краткий очерк эволюции артиллерии в связи с развитием производительных сил и опытом войн. М.-Л., 1930.

190.Чанкевич Е.И. Советская историография 20-50-х годов о внешней политике России // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996.

191.Чеботаревский В.И. Мировая война и транспорт. М., 1924.

192.Чернолуцкая Е.Н. Особенности формирования населения и трудовых ресурсов Дальнего Востока в 30-е - начале 50-х гг. (О роли «спецконтингентов»). Владивосток, 1993.

193.Черток Б.Е. У советских ракетных триумфов было немецкое начало // Известия. 1992, 5-7, 9, 10 марта.

194.Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1978.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site

195.Шершнев А.П. История военного кораблестроения. М.-Л., 1940.

196.Шигалин Г.И. Подготовка промышленности к войне. М.-Л., 1928.

197.Шишкин В.А. Советское государство и страны Запада в 1917-1923 гг. Очерки истории становления экономических отношений. Л., 1969.

198.Шумихин В.Г. Советская военная авиация. 1917-1941. М., 1986.

199.Щетинов Ю.А., Старков Б.А. Красный маршал: Исторический портрет Михаила Тухачевского. М., 1990.

200.Якир П.И. Из истории перехода Красной армии на мирное положение // Октябрь и гражданская война в СССР. М., 1966.

201.Япония. Сб. статей и материалов. М., 1934.

https://warlib.site/

https://t.me/warlib_site